Opp. 659 b/(8

Ex libris Georgii Ducis Megapolitani
XVc, 19-8
<36607796070018
<36607796070018
Bayer. Staatsbibliothek

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ОСЬМЫЙ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго,
1804.

ga 164 1547

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго
Губернатора.

СОДЕРЖАНІЕ VIII го ТОМА.

Стран.

Историческое похвальное слово ЕКАТЕРИНѢ II. - - - - 1

О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи - - 189

Великой мужъ Руской Грамматики 207

О Тайной Канцеляріи - - 224

О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей - - 239

Письмо сельскаго жителя - 253

О щастливѣйшемъ времени жизни 277

Записки стараго Московскаго жителя - - - - - - 286

Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ - 300

О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ 378

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ VIII.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЕКАТЕРИНѢ II.

Сограждане! дерзаю говорить о ЕКАТЕРИНѢ—и величіе предмета изумляетъ меня. Едва произнесъ Ея имя, и мнѣ кажется, что всѣ безчисленные народы царствъ Россійскихъ готовы внимать словамъ моимъ: ибо всѣ обожали Великую. И тѣ, которые, скрываясь

[library stamp]

во мракѣ отдаленія — подъ тѣнію снѣжнаго Кавказа, или за вѣчными льдами пустынной Сибири—никогда не зрѣли образа Безсмертныя, и тѣ чувствовали спасительное дѣйствіе Ея правленія; и для тѣхъ была Она Божествомъ, невидимымъ, но благотворнымъ. Гдѣ только сіяло солнце въ областяхъ Россійскихъ, вездѣ сіяла Ея премудрость.

Щастливые Ораторы, могущіе украсить и возвеличить дѣла своихъ Героевъ! или вы, которые даромъ краснорѣчія воскрешаете темные подвиги древности! ваша доля завидна. Не скажутъ, что вы унизили предметъ свой. Кому судить васъ строго? Но мнѣ должно изобразить Монархиню, Которая Своимъ величіемъ удивила вселенную; мнѣ должно славить первую Героиню нашего времени, и въ присутствіи тѣхъ, для которыхъ слава Ея была щастіемъ. Она еще

жива въ ихъ сердцѣ; Она еще и по смерти благотворитъ имъ! Черты мои должны казаться слабыми. . . . Но горе тому, кто, представляя себѣ ЕКАТЕРИНУ, можетъ думать о пользѣ своего ничтожнаго самолюбія! Благодарность, усердіе есть моя слава. И я жилъ подъ Ея скипетромъ! и я былъ щастливъ Ея правленіемъ! и буду говорить о Ней! Истина сильнѣе воображенія; чувство разительнѣе краснорѣчія — и ваше сердце, о Россіяне! возвыситъ дѣйствіе моего слабаго таланта. ——

Зерцало вѣковъ, Исторія, представляетъ намъ чудесную игру таинственнаго Рока: зрѣлище многообразное, величественное! Какія удивительныя перемѣны! какія чрезвычайныя произшествія! Но что болѣе всего плѣняетъ вниманіе мудраго зрителя? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣче-

ства, которыхъ непостижимое Божество употребляетъ въ орудіе Своихъ важныхъ дѣйствій. Сіи любимцы Неба, разсѣянные въ пространствахъ временъ, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшатъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; неизъяснимою силою влекутъ милліоны людей къ нѣкоторой угодной Провидѣнію цѣли; творятъ и разрушаютъ царства; образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бываютъ только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подаютъ руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть Исторія народовъ.

Сограждане! не только въ тѣни древнихъ отдаленныхъ временъ; не только среди песчаныхъ морей Африки, на поляхъ Марафонскихъ, подъ орлами державнаго Рима, видимъ такихъ избранныхъ и великихъ смертныхъ. О слава Россіи!

подъ небесами любезнаго отечества, на его тронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ сіяли Петръ и ЕКАТЕРИНА! Они были *наши* — и любовь Всевышняго запечатлѣла Ихъ Своею печатію! *Они* другъ другу, на величественномъ театрѣ ихъ дѣиствій, подаютъ руку!.. Такъ, ЕКАТЕРИНА явилась на престолѣ оживить, возвеличить твореніе Петра; въ Ея рукѣ снова расцвѣлъ изсохшій жезлъ Безсмертнаго, и священная Тѣнь Его успокоилась въ поляхъ вѣчности: ибо безъ всякаго суевѣрія можемъ думать, что великая душа и по разлукѣ съ міромъ занимается судьбою дѣлъ своихъ. ЕКАТЕРИНА Вторая въ силѣ творческаго духа и въ дѣятельной мудрости правленія была непосредственною преемницею Великаго Петра; раздѣляющее Ихъ пространство исчезаетъ въ Исторіи. И два ума, два характера, столь между собою раз-

личные, составляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для щастія народа Россійскаго! Чтобы *утвердить* славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра, должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ Его царствовать ЕКАТЕРИНА; чтобы *предуготовить* славу кроткой, человѣколюбивой, просвѣщенной ЕКАТЕРИНЫ, долженствовалъ царствовать Петръ: такъ сильные порывы благодѣтельнаго вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу, чтобы разсѣять хладные остатки зимнихъ паровъ, и приготовить Натуру къ теплому вѣянію Зефировъ!

Чудесный Промыслъ Всевышняго, непостижимый для смертныхъ! Кто бы вздумалъ искать при одномъ изъ скромныхъ Княжескихъ Дворовъ Германіи, въ тихомъ семействѣ Ангальт - Цербстскаго Дома — кто бы вздумалъ искать тамъ причины нашего благоден-

ствія и славы народа Россійскаго? Какой Улисъ могъ бы узнать сію новую Пирру въ Ея первой, нѣжной юности? Какой мудрый Астрологъ, видя утреннюю зарю сего величества, предсказалъ бы въ ЕКАТЕРИНѢ восходъ лучезарнаго свѣтила для сѣверной Европы и Азіи? Казалось, что судьба опредѣлила Ей быть добродѣтельною супругою какого нибудь щастливаго Нѣмецкаго Князя. Нравственныя скромныя достоинства нѣжнаго пола были единственнымъ предметомъ родителей при Ея воспитаніи. Часто, среди славы Ея царствованія, въ искреннихъ изліяніяхъ дружества (которымъ только великіе Монархи умѣютъ на тронѣ наслаждаться) Она съ Ангельскою улыбкою говорила достойнѣйшимъ изъ Своихъ подданныхъ: „Меня воспитывали для семейственной жизни: Провидѣніе открыло мнѣ науку царствовать“....

Провидѣніе! такъ конечно: непосредственные дары Его производятъ все чрезвычайное въ мірѣ. Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однѣхъ обыкновенныхъ душъ; великія, разрывая, такъ сказать, его узы, свободно предаются внутреннему стремленію, подобно Сократу внимаютъ тайному Генію, ищутъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуютъ себя для онаго. Одна искра, и животворный огонь Промeтеевъ пылаетъ; одна великая мысль, и великій умъ, воскриляясь, паритъ орломъ подъ облаками!

ЕКАТЕРИНА была извѣстна въ Германіи Своею красотою, разумомъ и скромною любезностію, когда Елисавета призвала Ее украсить Дворъ Россійскій. Вы, которые имѣли щастіе видѣть тогдашнюю цвѣтущую юность Ея, вы донынѣ говорите съ восторгомъ о первыхъ живыхъ чувствахъ уди-

вленія, возбужденныхъ въ сердцѣ вашемъ Ангельскимъ видомъ Ея, рѣдкимъ соединеніемъ божественныхъ прелестей! Я зрѣлъ лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не представлялось ничего величественнѣе. Она рождена была для Самодержавія. Кротость, пріятность ума, врожденное искусство плѣнять душу людей, единымъ словомъ, единымъ взоромъ, произвели всеобщую къ Ней любовь Двора. Онъ былъ училищемъ для ЕКАТЕРИНЫ, Которая имѣла выгоду примѣчать его волшебную игру, не будучи еще на тронѣ. Тутъ проницательный взоръ Ея открылъ слабыя стороны человѣческаго сердца, опасности Царей, и хитрые способы, употребляемые лукавствомъ для ихъ обольщенія: открытіе важное для науки царствовать! Тутъ прочитала Она въ добрыхъ сердцахъ всѣ тайныя желанія истинныхъ сыновъ отече-

ства; тихій гласъ Патріотовъ доходилъ до Ея нѣжнаго слуха. . . . Они съ восторгомъ говорили о Петрѣ Великомъ и Его великихъ намѣреніяхъ. ЕКАТЕРИНА хотѣла узнать сего полубога Россіянъ, и всѣ дѣла, всѣ законы Его, вмѣстѣ съ древнѣйшими лѣтописями нашего государства, были предметомъ Ея живѣйшаго любопытства. Сего не довольно: славнѣйшіе иностранные Авторы и Философы, подобно благодѣтельнымъ Геніямъ, ежедневно украшали разумъ Ея новыми драгоцѣнностями мыслей; въ ихъ твореніяхъ (*) искала Она

(*) Родительница ЕКАТЕРИНЫ, знавъ любовь Ея ко чтенію книгъ, въ завѣщаніи своемъ отказала Ей свою библіотеку — сими словами: ,,Любезной моей Государынѣ Дщери Екатеринѣ Алексѣевнѣ отдаю всю мою ,,библіотеку, какъ здѣшнюю, такъ ,,и Дорнебургскую, собранную мною ,,нарочно для Ея Высочества; ибо я

правилъ мудрой Политики, и часто, облокотясь священною Рукою на бесмертныя страницы *Духа законовъ*, развивала въ умѣ Своемъ идеи о народномъ щастіи, предчувствуя, что Она Сама будетъ творцемъ онаго для обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ!... Воображая сію душевную дѣятельность, я вижу, кажется, предъ собою юнаго Алькида, который, въ тишинѣ собирая силы, утверждая мышцы и рамена свои, готовится предпріять геройскіе подвиги.... Ахъ! подвигъ мудраго Царя есть самый труднѣйшій въ мірѣ!

„знаю Ея великую охоту ко чтенію. „Всевышній да поможетъ Ей украситься плодами онаго, и да пріобрѣтетъ Государыня, любезная „Дщерь моя, всѣ добродѣтели, нужныя для Ея высокаго сана! Чрезъ „что исполнятся наши родительскія наставленія, прежде данныя „Ея Высочеству.“

И ЕКАТЕРИНА на тронѣ!... Уже на безмертномъ мраморѣ Исторіи изображенъ сей незабвенный день для Россіи; удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе... Красота въ образѣ воинственной Паллады!.. вокругъ блестящіе ряды Героевъ; пламя усердія въ груди ихъ!.. предъ Нею священный ужасъ и Геній Россіи!.. Опираясь на Мужество, Богиня шествуетъ — и Слава, гремя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея вѣнокъ лавровый!....

Съ ЕКАТЕРИНОЮ возсѣли на престолъ кроткая мудрость, божественная любовь ко славѣ (источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ), неутомимая дѣятельность, знаніе человѣческаго сердца, знаніе вѣка, ревностное желаніе довершить начатое Петромъ, просвѣтить народъ, образовать Россію, утвердить ея щастіе на столпахъ незыблемыхъ, согласить всѣ части

правленія, и купить безсмертіе дѣлами Матери Отечества. Сей обѣтъ произнесла Монархиня во глубинѣ души Своей, и небесный Сердцевидѣцъ даровалъ Ей силу для исполненія.

Сограждане! ЕКАТЕРИНА безсмертна Своими *побѣдами*, *мудрыми законами* и *благодѣтельными учрежденіями*; взоръ нашъ слѣдуетъ за нею на сихъ *трехъ* путяхъ славы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сколь часто Поэзія, Краснорѣчіе и мнимая Философія гремятъ противъ славолюбія завоевателей! Сколь часто укоряютъ ихъ безчисленными жертвами сей грозной страсти! Но истинный Философъ различаетъ, судитъ, и не всегда осуждаетъ. Прелестная мечта всемірнаго согласія и братства, столь милая душамъ нѣжнымъ! для чего

ты была всегда мечтою? Правило народовъ и Государей не есть правило частныхъ людей ; благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе всего думали о внѣшней безопасности: а безопасность есть — могущество! Слабый народъ трепещетъ; сильный, подъ эгидою величія, свободно наслаждается политическимъ бытіемъ. Сія истина раждаетъ правила для Монарховъ. Исчезни память кровожадныхъ Аттилъ, которые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣти имя Героевъ, которые разили враговъ отечества, и побѣдами запечатлѣли его благоденствіе! Петръ и ЕКАТЕРИНА хотѣли пріобрѣтеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и внѣшней безопасности, безъ которой всякое внутреннее благо ненадежно. Монархиня знала, что Имперія Оттоманская, по своему закону и духу правленія,

есть опасный врагъ Россіи; что всѣ союзы, всѣ дружественные договоры съ нею будутъ только краткимъ перемиріемъ, и что единственный способъ утвердить покой нашего государства есть ослабить сего природнаго и вѣчнаго непріятеля Христіянъ — знала, и совершила. Но Европа видѣла, что ЕКАТЕРИНА, будучи всегда готовою къ войнѣ, по особенной любви къ справедливости никогда Сама не разрывала мира; когда же мечь, извлеченный для обороны, блисталъ въ рукѣ Ея, тогда — горе врагамъ безразсуднымъ!

Едва Монархиня успѣла привести въ лучшій порядокъ внутреннее правленіе государства, уже дерзостный Мустафа оскорбилъ величіе Россіи; объявилъ себя союзникомъ Польскихъ мятежниковъ; требовалъ, чтобы войско наше оставило Станислава имъ въ жертву; и наконецъ, презирая священныя

права народовъ, заключилъ въ темницу того, кто при его Дворѣ былъ образомъ ЕКАТЕРИНЫ!

Уже Ея воины разили Оттомановъ; уже на берегахъ Днестровскихъ развѣвались наши побѣдоносныя знамена . . . но взоръ ЕКАТЕРИНЫ еще искалъ Полководца, достойнаго Ея довѣренности и великихъ намѣреній. Она не хотѣла войны обыкновенной; не хотѣла жертвовать людьми по волѣ случая: хотѣла дѣйствіемъ превосходнаго ума предписать законъ року. Искала, и нашла — Румянцева! Сей великій мужъ славно отличилъ себя во время войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивлялся хитрости искуснаго Фридриха, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ, и видѣлъ нѣсколько разъ побѣгъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ; и ЕКАТЕРИНА, избравъ Румянцева,

ускорила паденіе Турецкой Имперіи.

Герой, пріявъ начальство, перемѣнилъ всѣ воинскія распоряженія; отвергнулъ всѣ малодушныя осторожности, похожія на робость, и введенныя въ нашихъ арміяхъ чужеземными военачальниками. *Не рогатки, а огнь и мечь защита ваша,* сказалъ онъ Россійскимъ легіонамъ — и вдохновеніе геройства оживило ихъ. Пошли — и съ того времени каждый ударъ Россіянъ былъ пораженіемъ для Оттомановъ.

Дѣла неимовѣрныя, чудесныя! Сіи страшные завоеватели востока, ужасъ Европы, истребители славныхъ армій ея, не могутъ стоять предъ лицемъ Румянцева! Восемдесять тысячь отборнаго Турецкаго войска, подъ начальствомъ Хана Селима, исчезло какъ прахъ на берегахъ Прута; ни высокая гора, ни укрѣпленный станъ не спасли ихъ. Сего мало — туда, гдѣ рѣка Прутъ

вливаетъ быстрыя воды свои въ величественный Дунай; туда, гдѣ Великій Петръ, окруженный невѣрными, отчаялся быть побѣдителемъ и требовалъ мира — туда Геній ЕКАТЕРИНЫ привелъ Румянцева, и поставилъ его между врагами безчисленными. Съ одной стороны Ханъ Крымскій горѣлъ ревностію загладить стыдъ своего пораженія; съ другой самъ Визирь уже торжествовалъ въ мысляхъ побѣду. Сограждане! каждый изъ васъ слыхалъ о великомъ днѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойныя Рускаго сердца; я проливалъ ихъ, внимая вашему повѣствованію, Герои именитые, щастливые сподвижники Румянцева! и никогда въ моемъ вообраэеніи не затмится сія величественная картина. 17 тысячь Рускихъ, на разсвѣтѣ прекраснѣйшаго дня, въ глубокомъ молчаніи идутъ умереть со славою противъ

150 тысячь непріятелей; тихое веселіе на ихъ лицахъ; въ груди предчувствіе геройскаго безсмертія. Всѣ повелѣнія были отданы, и Вождь казался спокойнымъ; одно величество блистало въ его взорахъ. — Вдругъ громы возвѣстили явленіе солнца, и тучи дыма сокрыли его; оно снова возсіяло — и гдѣ враги многочисленные? Я вижу трофеи наши, и среди ихъ Героя Румянцева, который, не измѣнивъ всегдашняго спокойнаго лица своего, пишетъ къ Монархинѣ донесеніе о славнѣйшей побѣдѣ въ мірѣ. *Духъ Петра Великаго!* Ты утѣшился. Отнынѣ сліяніе Прута съ Дунаемъ будетъ радостнымъ памятникомъ для Россіянъ.

За симъ торжествомъ ЕКАТЕРИНИНОЙ славы міръ увидѣлъ другое, не менѣе чудесное. Сама Природа заграждаетъ, кажется, дальній путь нашимъ флотамъ, окружая льдами гавани Россіи на по-

ловину года; но Геній Монархини побѣждаетъ Природу, и волны моря Средиземнаго пѣнятся подъ рулями Россійскими. Священныя воспоминанія Исторіи волновали сердце нашихъ плывущихъ Героевъ, когда они узрѣли берега Италіи. *Имъ казалось*, что великія тѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципіоновъ, паря надъ гробомъ древней Республики, съ любопытствомъ и удивленіемъ взирали на гордый, и симъ морямъ неизвѣстный флагъ ЕКАТЕРИНЫ; *имъ казалось*, что Россія есть новый Римъ своимъ величествомъ. Съ такими чувствами наши Аргонавты приближались къ странамъ, еще древнѣйшимъ въ лѣтописяхъ славы, и равно богатымъ великими идеями; они надѣялись воскресить тамъ геройство Ликурговыхъ и Солоновыхъ питомцевъ; надѣялись именемъ новой Аѳинеи воззвать къ жизни и великимъ дѣламъ потом-

ковъ Мильтіада, Аристида, Ѳемистокла. Но долговременное рабство навѣки умертвило тамъ сердца людей; грубый слухъ не внималъ уже сладкому имени свободы, и Герои Россійскіе увидѣли, что имъ надлежало думать только о славѣ ЕКАТЕРИНЫ. Не за тѣмъ окружили они Европу, не за тѣмъ оставили за собою берега Африканскіе, чтобы творить дѣла обыкновенной храбрости . . . и море Эгейское пылаетъ! . . . О зрѣлище, для самаго воображенія ужасное! мысль смѣлая и великая! исполненіе *дерзостное* и щасливое! Молніеносные Россіяне повелѣваютъ стихіями: огнь и волны истребляютъ врага! вѣками уготованныя морскія силы его исчезаютъ съ дымомъ! Все Оттоманское гибнетъ, кромѣ однихъ трофеевъ для побѣдителя — и Монархиня возлагаетъ ихъ, скромно и величественно, на гробъ Петра Перваго! —— Чесма

безсмертна, подобно Полтавѣ и Кагулу; и семидесятый годъ минувшаго вѣка есть самый цвѣтущій годъ нашей воинской славы (*).

Слѣдующее лѣто также осѣнило насъ лаврами. Что началъ Князь Іоаннъ Грозный, то довершила ЕКАТЕРИНА Великая. Сіи славные глубокіе окопы, которые отъ Чернаго моря простираются до Азовскаго, не могли остановить торжественнаго теченія Ея воиновъ, и Крымъ, послѣднее убѣжище варваровъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и бичемъ нашего отечества, палъ къ стопамъ Россійскаго Генія.— Берега Дуная не преставали обагряться кровію невѣрныхъ, и Константинополь трепеталъ, внимая близкимъ громамъ нашего флота. Мустафа смирился, и Ру-

(*) Въ сей же годъ были взяты Бендеры Графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ.

мянцевъ опустилъ мечь свой; но еще не пришелъ конецъ бѣдствiямъ Оттоманов. Мирные переговоры не имѣли щастливаго успѣха, и Полководецъ ЕКАТЕРИНЫ украсилъ Ея корону новыми лаврами; разилъ, истреблялъ, очистилъ себѣ путь къ Адрiанополю, отрѣзалъ, окружилъ Визиря — и Геройскою рукою своею подписалъ славный для Россiи мирный трактатъ, который открылъ намъ моря Турецкiя и Дарданеллы, даровалъ независимость Крыму, обогатилъ казну государственную миллiонами, утвердилъ за Россiею Азофъ и Таганрокъ. Никогда еще отечество наше не заключало толь блестящаго мира съ Портою!

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу Россiйскаго Дворянства тремя именами славы. Римъ имѣлъ Сципiоновъ Африканскихъ, Азiатскихъ; ЕКАТЕРИНА воскресила сiю награду, достойную

Ея величія — и Россія имѣетъ своего Задунайскаго, Чесмескаго, Крымскаго.

Послѣднимъ торжествомъ Румянцева былъ тотъ день, когда ЕКАТЕРИНА именемъ отечества изъявила ему благодарность. Отягченный лаврами, онъ сходитъ съ театра славы, и скрывается отъ глазъ нашихъ; но Исторія пріемлетъ его во святилище безсмертія. Такъ, она скажетъ Россіянамъ: „Во дни ЕКАТЕРИНЫ Румянцевъ „открылъ вамъ тайну всегда побѣждать невѣрныхъ, малымъ числомъ безчисленность; усѣвать „поля трупами ихъ, и сохранять „цѣлость рядовъ вашихъ!" — Есть-ли таланты изъясняются сравненіемъ, то Задунайскаго можно назвать Тюреномъ Россіи. Онъ былъ *мудрый* Полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчи-

нялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проницателенъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берёгъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ нещастіи доказать свое искусство и величіе; обязанный Геніемъ Натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу Науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы во глубинѣ сердца, естьли бы кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія. — Такъ думаютъ о Задунайскомъ благодарные ученики его.

Теперь обращается взоръ нашъ на ту, нѣкогда мощную Респуб-

лику, которой имя и бытіе уже исчезло въ Европѣ. Давно ли еще наглая и злобная Польща терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможеніемъ, хищною рукою хватала въ свое подданство цѣлыя Княжества Россійскія? Давно ли древняя столица Владиміра носила ея цѣпи? Давно ли и ты, Москва цвѣтущая, лежала у ногъ гордаго вождя Сарматскаго? Но Россія, подобно спавшему Исполину, возстала въ гнѣвѣ своемъ: враги ея, въ ихъ чреду, упали на колѣна предъ нею, и возвратили похищенное. Такъ, Монархиня взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе, и когда уже слабый духъ ветхія Республики не могъ управлять ея пространствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствіе могущества ЕКАТЕРИНЫ и любви Ея къ Россіи. Полоцкъ и Могилевъ возвратились въ нѣдра своего отечества, подобно дѣтямъ, которыя, бывъ долго

вЪ горестномЪ отсутствіи, сЪ радостію возвращаются вЪ нѣдра щастливаго родительскаго семейства.

КрымЪ былЪ независимЪ; но КрымЪ былЪ еще гнѣздомЪ разбойниковЪ, опасныхЪ для Россіи. Сія прекрасная часть нашей Имперіи, гдѣ Природа столь щедро награждаетЪ трудолюбіе, и за каждое, лону ея ввѣренное зерно даетЪ богатый класЪ земледѣльцу; гдѣ на тучныхЪ паствахЪ разсыпаются стада безчисленныя; гдѣ свирѣли и нѣжныя пѣсни веселыхЪ пастырей, простота нравовЪ, миролюбіе и общее добродушіе жителей напоминаютЪ воображенію щастливые берега Ладона — Малороссія не могла быть покойною вЪ сосѣдствѣ неукротимыхЪ варваровЪ. ЕКАТЕРИНА повелѣла — и воинство Ея, не обнаживЪ меча, заняло полуостровЪ Крымскій, древнюю Тавриду, столь извѣстную вЪ Исторіи и вЪ самой Миѳологіи.

Монархиня еще не вѣдала, что сіе важное пріобрѣтеніе возвратило Россіи ея нѣкогда именитое Княжество Тмутараканское или столицу его, которая скрывалась доселѣ (*) отъ любопытства нашихъ Историковъ. Такимъ образомъ пресѣклись грозные набѣги Татаръ, столь бѣдственные для нашего отечества. — Сама же Таврида будетъ всегда прекрасною частицею Россійской Имперіи, и со временемъ важною для торговли съ Архипелагомъ и Востокомъ. Уже любопытные изъ отдаленныхъ земель пріѣзжаютъ видѣть сію чудесную страну, которая представляетъ взору и гранитныя горы Швейцаріи и плодоносныя долины Піемонтскія; страну, гдѣ творческая Натура съ нѣжными кра-

(*) На островѣ Таманѣ. — См. любопытное сочиненіе Графа А. И. Пушкина о семъ предметѣ.

сошами соединила величественныя; гдѣ въ одно время и зима свирѣпствуетъ и весна улыбается; гдѣ мудрый наблюдатель Природы находитъ для себя разнообразныя богатства, и гдѣ чувствительное сердце, наскучивъ свѣтомъ, можетъ насладиться самымъ пріятнѣйшимъ уединеніемъ.

Оттоманская Порта содрогнулась; и хотя, по занятіи Крыма нашими войсками, возобновила мирный трактатъ съ Россіею, но скоро тайная злоба ея воспылала....

Здѣсь напомню вамъ, сограждане! славное путешествіе Монархини въ страны Ею населенныя или завоеванныя. Она желала видѣть Тавриду и новые плоды своего щастливаго царствованія. Зрѣлище восхитительное, достоиное ЕКАТЕРИНЫ! Отъ самыхъ береговъ Невскихъ до волнъ Понта Эвксинскаго шествіе Великія казалось торжествомъ побѣдительницы міра. Не цѣпи не-

вольниковъ гремѣли вокругъ торжественной колесницы, но радостныя восклицанія довольныхъ подданныхъ; милліоны упадали предъ Нею какъ предъ Божествомъ благодѣтельнымъ. Такъ нѣкогда обожаемая Семирамида, въ сіяніи славы, при звукѣ безчисленныхъ мусикійскихъ орудій, шествовала по цвѣтущимъ областямъ ея, изумляя подданныхъ своихъ величіемъ и щедротами!... Какъ сладостно было сердцу Монархини, когда искреннее усердіе вѣщало Ей: „Сіи „трудолюбіемъ и художествомъ „украшенныя мѣста недавно были „горестною пустынею, дикою сте„пью; гдѣ сіи обширные сады зе„ленѣютъ и гордыя палаты возвы„шаются, тамъ одни песчаные хол„мы представлялись унылому взо„ру! Въ семъ юномъ городѣ (*), „Тобою сотворенномъ, уже цвѣ-

(*) Въ Херсонѣ.

„тетъ торговля. Здѣсь Востокъ „и Западъ мѣняются своими богат„ствами. Здѣсь все исполнено „*имени* и славы Твоей!" — Тамъ два Вѣнценосца встрѣтили Монархиню, какъ бы для того, чтобы еще болѣе украсить торжество Ея. ЕКАТЕРИНѢ обязанъ былъ Станиславъ короною, и славился тѣмъ предъ свѣтомъ. Іосифъ внималъ Ея премудрымъ намѣреніямъ для блага человѣчества, когда Она чрезъ волны Эвксинскія устремляла священный взоръ на градъ Константина. Цари Италіи спѣшили Посольствами изъявить радость свою о приближеніи Сѣверной Царицы къ странамъ ихъ.

Сіе путешествіе и догадки Европы о свиданіи ЕКАТЕРИНЫ съ Іосифомъ послужили Оттоманскому Двору предлогомъ къ разрыву мира. Война снова возгорѣлась Уже Румянцевъ не былъ главнымъ, дѣятельнымъ начальникомъ; но духъ

его жилъ въ Россійскихъ арміяхъ —и невѣрные, увидѣвъ ихъ, восстрепетали: они узнали прежнихъ своихъ разитіелей, узнали по ихъ быстрымъ движеніямъ, смертоносньмъ громамъ, сокрушительнымъ ударамъ; бѣжали съ полей открытыхъ, милыхъ геройству, страшныхъ робости, и заключились въ крѣпкихъ оградахъ. Но ни Искусство, ни Природа не могли защитить ихъ — и сія война ознаменовалась для славы нашей двумя, чудесно смѣлыми и щастливыми приступами. Только Россіяне могутъ быть предметомъ сравненія для Россіянъ: Очаковъ палъ нѣкогда предъ Минихомъ; но Очаковъ не былъ еще укрѣпленъ тогда всѣми хитростями Искусства. Теперь падаетъ онъ во всемъ своемъ величіи, чтобы тѣмъ болѣе увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только дѣйствіемъ человѣколюбія ЕКАТЕРИНЫ и доказа-

тельствомъ непоколебимаго терпѣнія нашихъ воиновъ, которые въ открытомъ станѣ презирали всѣ ужасы зимніе. Монархиня щадила жизнь людей; надѣялась, что врагъ покорится; — но когда Военачальникъ произнесъ Ея именемъ рѣшительное слово, Герои вошли въ крѣпость по трупамъ непріятелей. — Взятіе Измаила было еще славнѣе. Тамъ армія обороняла городъ; высокія стѣны, глубокіе рвы, страшная артиллерія — все обѣщало ему безопасность. Пришелъ Суворовъ! . . . казалось для того, чтобы видѣть неприступность города. Воинство невѣрныхъ, въ грозной многочисленности представъ очамъ Россіянъ на валу крѣпости, хотѣло однимъ видомъ своимъ поразить ихъ. Уже гордый начальникъ Измаила думалъ, что онъ видитъ смятеніе нашего Героя; что Суворовъ ожидаетъ ночи для сокрытія неминуемаго бѣгства. Ночь прошла

— и Суворовъ въ Измаилѣ! 20000 Оттомановъ легло въ окопахъ. Съ изумленіемъ узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные Донскіе воины, подъ начальствомъ Героя, превращаются въ фалангу Мекедонскую и берутъ крѣпости.

Іосифъ былъ вѣрнымъ другомъ Россіи; но щастіе и слава, еще вѣрнѣйшіе друзья наши, не хотѣли его признать своимъ союзникомъ. Воинство его ужаснулось сверкающихъ кинжаловъ, грознаго вопля невѣрныхъ и страшнаго имени Аллы, призываемаго ими въ сраженіяхъ. Баннатъ былъ свидѣтелемъ Австрійскихъ нещастій. Оттоманы, спасенные бѣгствомъ отъ меча Россійскаго, разили воиновъ Іосифа, тѣхъ, которые прежде сами побѣждали храбрѣйшія арміи въ Европѣ. Украшенный лаврами старецъ, совмѣстникъ великаго Фридриха, былъ вызванъ изъ мирнаго уединенія спасти отечество.

Западъ жизни его еще озарился лучемъ славы, но кратковременнымъ; и Лаудонъ, взявъ Бѣлградъ, безъ успѣха приступалъ къ Орсовѣ. Одни Россіяне могли ободрить унылые легіоны Австрійскіе; одинъ *Рымникскій* могъ принести славу и щастіе въ станъ ихъ—и принесъ. Семь тысячь Рускихъ указали имъ путь къ побѣдѣ... Австрійцы сразились храбро... Визирь изумился! но увидѣвъ впереди знамена ЕКАТЕРИНЫ, услышавъ имя Суворова, въ первый разъ показалъ тылъ нашимъ союзникамъ. Въ сейто незабвенный день Австрійцы узнали чудеснаго Суворова; и когда, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, надлежало имъ противъ храбрыхъ Республиканцевъ поставить Вождя крѣпкаго, они, забывъ народную гордость свою, требовали Героя Рымникскаго.

ЕКАТЕРИНА въ сіе время имѣла еще другихъ враговъ. Порта, Ан-

глія и Пруссія обольстили Густава: онъ дерзнулъ объявить войну Россіи. Когда извѣстіе о первыхъ его непріятельскихъ дѣйствіяхъ пришло въ наши столицы, тогда, тогда надлежало видѣть безпримѣрное усердіе Россіянъ къ отечеству и къ Монархинѣ. Всѣ воспылали гнѣвомъ на врага вѣроломнаго и ревностію наказать его; всѣ мирные граждане готовы были летѣть на поле брани. Сіе воспоминаніе еще живо въ сердцахъ вашихъ, сограждане—воспоминаніе незабвенное и радостное для Патріотовъ! Могли ли Готѳы, неохотные исполнители беззаконной воли (*), стоять противъ сыновъ обожаемой ЕКАТЕРИНЫ, сильныхъ любовію къ отечеству и ненавистію къ виновнику сей войны неправед-

(*) По законамъ Швеціи Король не могъ начинать войны безъ согласія другихъ Властей, то есть, Сейма.

ной? Густавъ думалъ, что его нечаянное нападеніе приведетъ въ трепетъ Россію, и откроетъ ему путь къ столицѣ. Онъ забылъ имена и подвиги нашихъ избранныхъ легіоновъ, столь ужасныхъ для его предковъ! Сіи Герои стремились возобновить прежнюю славу свою въ каменистомъ отечествѣ Финновъ, и доказать міру, что стража Монарховъ Россійскихъ достойна своего имени и сана. Гдѣ только Готѳы сражались, тамъ Россіяне побѣждали, на водахъ и на сушѣ. Густавъ истощилъ всѣ способы ума и дерзости своей — напрасно и *безъ* успѣха! ЕКАТЕРИНА внимала грому флотовъ его; но покойно и величественно гуляла въ садахъ Своихъ. Король, ослѣпленный высокомѣріемъ и лживыми союзниками, увидѣлъ наконецъ заблужденіе, и прибѣгнулъ къ великодушію Монархини: Она даровала ему миръ, который единственно могъ спасти бѣдные остатки силъ его.

Порта Оттоманская видѣла предъ собою конечную гибель. Твердѣйшія опоры ея пали; воинство унывало; страшные Янычары страшились одного имени Россіянъ; море, отверстое для нашихъ флотовъ, всякой день могло представить очамъ Султана флагъ ЕКАТЕРИНЫ Но Монархиня желала успокоить Своихъ воиновъ, и не отвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаковъ, и слѣдъ Турецкаго владѣнія истребился на семъ берегу Днестра. Всѣ Дворы удивились Ея умѣренности; но ЕКАТЕРИНА знала время, обстоятельства; хотѣла видѣть слѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ Европейскихъ перемѣнъ (*), и отсрочила дальнѣйшіе успѣхи Россійскаго оружія.

Польша была также предметомъ Ея вниманія. Остатки сей Респу-

(*) Французской Революціи.

блики волновались и кипѣли злобою на Россію. Безпокойные умы испровергли древніе законы, утвержденные ЕКАТЕРИНОЮ; собирали войско и не скрывали своихъ опасныхъ для нашей Имперіи умысловъ. Но благоразумные требовали заступленія Монархини. Она повелѣла возстановить древній Уставъ Республики: толпы мятежниковъ были разсѣяны горстію нашихъ воиновъ, и Польша могла бы еще успокоиться подъ эгидою Россійскою... Но послѣдній часъ ея насталъ. Не смѣя ратоборствовать съ Героями въ полѣ, она хотѣла умертвить ихъ въ объятіяхъ сна, и драгоцѣнная кровь Россійская обагрила стогны Варшавскія. Слабодушные убійцы! стыдъ Сѣвера, который, издревле довольствуясь славою побѣждать Югъ во браняхъ, оставлялъ ему гнусную славу коварныхъ злодѣйствъ подъ сѣнію мира! Варшава напомнила ужасы Сициліан-

скіе! . . . Сердце ЕКАТЕРИНЫ содрогнулось. Державная рука Ея бросила въ урну сей недостойной Республики жребій уничтоженія, и Суворовъ, подобно Ангелу грозному, обнажилъ мечь истребленія; пошелъ — и вождь мятежниковъ спасается отъ смерти плѣномъ; и Прага, крѣпкая ихъ отчаяніемъ, дымится въ своихъ развалинахъ — и Варшава падаетъ къ стопамъ ЕКАТЕРИНЫ. Совершилось! . . . Но Монархиня, подобно Божеству, самымъ наказаніемъ благотворитъ человѣчеству. Польши нѣтъ; но мятежные и нещастные жители ея, утративъ имя свое, нашли миръ и спокойствіе подъ державою трехъ союзныхъ Государствъ. Республика безъ добродѣтели и геройской любви къ отечеству есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спартанская, Римская, имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игралищемъ гордыхъ вель-

можъ, театромъ ихъ своевольства и народнаго униженія. Развалины храмовъ добродѣтели горестны для сердца; но пусть вѣтръ развѣваетъ пепелъ тѣхъ капищъ, гдѣ тиранство было идоломъ! Никто не жалѣетъ о Польшѣ. Богатѣйшія страны ея достались на часть Россіи.

Взятіемъ Варшавы заключилъ при ЕКАТЕРИНѢ подвиги свои Герой, котораго имя и дѣла гремятъ еще въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ; на котораго какъ будто еще взираетъ изумленная имъ Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его — цвѣтами, не кипарисами: ибо смерть великаго Воина, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ щастливѣйшихъ Полководцевъ; подобно Александру, сколько разъ сражался, столько

разъ побѣждалъ; подобно Цесарю, ставилъ себя выше Рока, и Рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибкѣ. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзостію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувствіемъ событія. Онъ не шелъ, а летѣлъ ко Славѣ, которая съ своей стороны встрѣчала его на половинѣ пути. Вся военная теорія его состояла въ трехъ словахъ (*): *взоръ, быстрота, ударъ* — но *взоръ* сей даетъ Природа не многимъ; но *быстрота* сія была тайною для самыхъ Аннибаловъ; но *ударъ* сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ славы; ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искусствѣ Военачальниковъ су-

(*) Написанныхъ имъ въ его тактикѣ, краткомъ, но любопытномъ сочиненіи.

дилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ *любилъ* побѣжденныхъ непріятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ искусный Полководецъ спасаетъ остатки разбитой арміи: ибо мѣсто перваго нещастнаго сраженія было бъ ему могилою. — Изображеніе Героевъ Задунайскаго и Рымникскаго принадлежитъ къ царствованію ЕКАТЕРИНЫ: Она выбрала одного, употребляла другаго, и слава ихъ есть часть Ея славы. Градъ Святаго Петра созерцаетъ ихъ памятники, вмѣстѣ стоящіе: тамъ юные воины отечества будутъ произносить обѣты геройства. И въ семъ ревностномъ твореніи слабаго моего таланта да сіяютъ вмѣстѣ имена нашихъ первыхъ Военачальниковъ!

Уничтоженіе Польской Республики возвратило независимость Курляндіи, завоеванію храбрыхъ Тевтоническихъ рыцарей, странѣ плодоносной, извѣстной въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ по своимъ рудокопнямъ, минеральнымъ водамъ и прекрасному янтарю, собираемому на берегахъ ея. Но Курляндія, зная, что независимость всегда бываетъ нещастіемъ для области безсильной, хотѣла славы принадлежать ЕКАТЕРИНѢ. Монархиня пріяла ее подъ Свою державу, и Россія обогатилась новыми Портами, драгоцѣнными для успѣховъ торговли.

Уже орлы наши парили подъ небесами Востока; уже крылатая молва несла въ страны Великаго Могола имя Россійской Монархини; уже воинство наше, то подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ туманныхъ, то спускаясь въ глубокія долины, дошло до славныхъ

вратъ Каспійскихъ; уже *стѣна Кавказская*, памятникъ величія древнихъ Монарховъ Персіи, разступилась предъ онымъ; уже смѣлый вождь его пріялъ сребряные ключи Дербента изъ рукъ старца, который въ юности своей вручалъ ихъ Петру Великому, и сей градъ, основанный, по восточному преданію, Александромъ Македонскимъ, осѣнился знаменами ЕКАТЕРИНЫ... когда всемогущая Судьба пресѣкла дни Монархини и теченіе побѣдъ Ея. Таинство великой Души намъ неизвѣстно. Чудесныя дѣла ЕКАТЕРИНЫ могли быть увѣнчаны новымъ чудомъ; война Персидская могла имѣть предметъ важный; могла открыть путь въ Россію несмѣтнымъ богатствамъ Востока; могла успокоить народы мятежные, которые, подъ вліяніемъ щастливѣйшаго неба, служатъ примѣромъ бѣдствій; могла Но, повторяю: таинство великой Души намъ неизвѣстно.

Монархиня оставила Россію на вышней степени Геройскаго величія, обогащенную новыми странами, гаванями и милліонами жителей; безопасную внутри, страшную для внѣшнихъ непріятелей. Міръ не зналъ, какъ побѣждаютъ Россіянъ, и Россіяне не знали, какъ не сокрушить врага. Ихъ стихія была слава: и симъ-то чувствомъ Великая готовила побѣды! Она умѣла награждать воинскія заслуги достойнымъ ихъ образомъ; отличала воинскія дарованія лестнымъ благоволеніемъ — и Герой, который имѣлъ щастіе лобызать Ея державную руку, слышать восхитительныя слова Милости, пылалъ новою ревностію геройства, не думая о жизни. Юноши, осыпанные цвѣтами роскоши, среди столицы усыпленные нѣгою, при первомъ звукѣ Марсовой трубы пробуждались, срывали съ себя вѣнки Грацій, и стремились на

поле чести искать опасностей и вѣнковъ лавровыхъ. Только во время ЕКАТЕРИНЫ видѣли мы сіи, можно сказать, волшебныя превращенія нѣжныхъ Сибаритовъ въ суровыхъ чадъ Лакедемона; видѣли тысячи Россійскихъ Альцибіадовъ! — Европа съ благоговѣніемъ взирала на Тронъ Россіи, поручивъ ему вѣсы свои. Одно слово Монархини рѣшило судьбу государствъ: ибо въ слѣдъ за нимъ готовы были летѣть непобѣдимые!

Не только благо нашего отечества, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами ЕКАТЕРИНЫ. Давно ли еще знамя лжепророка грозило стѣнамъ Вѣнскимъ? Новый Магометъ II могъ быть новымъ истребителемъ государствъ Европейскихъ: сколь же бѣдственны успѣхи Оттоманскаго оружія для человѣчества и просвѣщенія? Теперь варвары уже неопасны для Европы; теперь слабый Паша Вид-

дина презираетъ могущество Порты!... И сія безопасность есть дѣло Великой ЕКАТЕРИНЫ, Которая потрясла и отчасти разрушила сей колоссъ ужасный.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЕКАТЕРИНА Завоевательница стоитъ на ряду съ первыми Героями вселенныя; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ Ея оружія — но Россія обожаетъ Ея уставы, и воинская слава Героини затмѣвается въ Ней славою Образовательницы государства. Мечь былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго щастія; и находя множество Героевъ въ Исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

Нетерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремиться на многіе предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе ЕКАТЕРИНЫ, которое изъясняетъ всѣ другія, и которое всѣми другими изъясняется; означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни Ея — сію печать, сей духъ всѣхъ Ея законовъ.

Она уважила въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, *созданнаго для щастія въ гражданской жизни*. Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей: ЕКАТЕРИНА хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ Владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единаго слѣпаго повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ — гре-

митъ, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая воззрѣть на всемогущество. ЕКАТЕРИНА преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что Владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ Россійскаго Трона: ибо ЕКАТЕРИНА научила насъ разсуждать, и любить въ порфирѣ добродѣтель. Щастливые Россіяне нашего вѣка! вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать Вѣнценосца; но имя ЕКАТЕРИНЫ, съ самаго Ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ Нею воцарились миръ въ семействахъ и ве-

селье въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: „Монархиня! читай въ сердцахъ нашихъ; мы не боимся, ибо мы любимъ Тебя!" Хотя и оставалась еще нѣкоторая тѣнь мрачнаго, Тайнаго судилища; но подъ Ея собственнымъ, мудрымъ надзираніемъ оно было забыто добрыми и спокойными гражданами (*). Хотя Великая предоставила Августѣйшему Ея Внуку безсмертную славу *искоренить* навѣки учрежденіе временъ нещастныхъ, ненужное въ то время, когда щастіе Монарха и подданыхъ составляютъ единое, и когда любовь народная вооружена мечемъ правосудія для наказанія злыхъ умысловъ: но въ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ одни преступники, или явные враги Ея, слѣд-

(*) См. Указъ объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи въ 1762 году, Окт. 19.

ственно враги общаго благоденствія, страшились пустынь Сибирскихъ; для однихъ извергов отверзался сей хладный гробъ живыхъ. Монархиня презирала и самыя дерзскія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія, и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства; ибо Она знала, что личная безопасность есть первое для человѣка благо, и что безъ нее жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ щастія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпокойство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство Ея любви и самаго почтенія къ человѣчеству, долженствовалъ быть и главнымъ характеромъ уставовъ Ея.

Монархиня, самымъ первымъ Манифестомъ открывъ подданнымъ дальніе виды Своей мудрости и государственнаго блага, спѣшила утвердить правосудіе, защиту соб-

ственности въ гражданскомъ обществѣ. Ей извѣстно было страшное зло лихоимства, которое превращаетъ святое мѣсто Суда въ постыдное торжище, гдѣ бѣдная невинность безгласна, и гдѣ богатство есть обожаемый, всемогущій идолъ. Какое хладное сердце можетъ быть нечувствительно къ Ея краснорѣчивому, убѣдительному, трогательному Указу о семъ предметѣ (*)? Любовь Свою къ правдѣ ставитъ Она въ примѣръ симъ недостойнымъ судіямъ, которые, вмѣсто славы быть орудіями истины, щитомъ невинности, ужасомъ злодѣйства, пекутся только о гнусной корысти! —

Сенатъ, учрежденный Петромъ Великимъ для управленія государствомъ; Сенатъ, который въ отсутствіе Монарха имѣлъ всю власть Его, но который по кончинѣ

(*) Указъ о лихоимствѣ въ 1762 году.

Петра утратилЪ свое могущество — будучи замѣненЪ ВерховнымЪ ТайнымЪ СовѣтомЪ, а послѣ КабинетомЪ ИмператорскимЪ — хотя и былЪ возстановленЪ со всѣми правами Императрицею Елисаветою, но безчисленныя дѣла, стекаясь вЪ семЪ главномЪ судилищѣ, такЪ сказать, исчезали вЪ его архивахЪ, кЪ неизЪяснимому вреду частныхЪ людей и государственной экономіи. ЕКАТЕРИНА раздѣлила СенатЪ на Департаменты, каждому изЪ нихЪ предписала особенный родЪ дѣлЪ, и симЪ порядкомЪ оживила ихЪ теченіе. Вы знаете, избранные мужи, преемники ДолгорукихЪ и ГоловиныхЪ, друзей ПетровыхЪ — вы знаете, чего Монархиня отЪ васЪ требовала! ТамЪ, вЪ собраніи вашихЪ священныхЪ хартій, блюдется, на память вѣкамЪ, сіе собственной руки Ея начертаніе (*), вЪ которомЪ

(*) ОтЪ 6 Іюня 1763.

Она говоритъ съ вами какъ съ именитыми отцами древняго Рима, изъявляя пламенную ревность Свою ко благу Россiи, заклиная васъ любовiю къ отечеству быть достойными орудiями законовъ, и ставя вамъ въ примѣръ Исторiю! Отъ васъ единыхъ всегда зависѣло быть подобными тому величественному Совѣту, который Царямъ казался *Совѣтомъ Царей*. Великая Сама засѣдала съ вами, и разсуждала о пользѣ народной. Единый изъ васъ (*), мужъ достойный почтенiя Россiянъ, дерзнулъ представить Ей возраженiе въ дѣлѣ важномъ и государственномъ, уже рѣшенномъ Монархинею; не трепеталъ голосъ его, и видъ спокойный не измѣнялся: онъ зналъ ЕКАТЕРИНУ — и державная рука Ея предрала бумагу, Ею подписанную. Сей день для него славенъ — еще славнѣе для Монархини!

(*) Петръ Ивановичь Панинъ. — Сей случай всѣмъ извѣстенъ.

Желая, чтобы духъ ревности, влїянный Ею въ главное Правительство Имперїи, распространился и во всѣхъ частяхъ ея, Она обнародовала Свое мудрое *Наставленїе Губернаторамъ* (*), въ которомъ предписываетъ имъ быть окомъ и душею правосудїя, чтобы во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, имъ подчиненныхъ, обитала святая истина, и чтобы *ни знатность вельможъ, ни сила богатства* не могли обольщать совѣсти, а *вдовы и сироты не проливали слезъ бѣдствїя!*

Торговля, отрасль государственнаго благосостоянїя, была особеннымъ предметомъ Ея вниманїя. Она даровала ей всѣ способы цвѣсти и распространяться: Она даровала ей свободу. Гавани открылись для вывоза богатыхъ произведенїй Россїи, богатыхъ своею необходимостїю для другихъ наро-

(*) 1764 году, Апрѣля 21.

довъ. Обрадованное купечество могло уже по волѣ мѣняться товарами съ Китаемъ, съ Востокомъ и съ Европою (*). Архангельской Портъ престалъ завидовать Петербургскому, и всѣ исключительныя права для общей пользы уничтожились. Въ правленіе ЕКАТЕРИНЫ чудесные успѣхи внѣшней торговли были слѣдствіемъ Ея мудрыхъ коммерческихъ уставовъ.

Россійское государство представляло взору Монархини многія обширныя страны, обогащенныя Натурою, но пустыя, ненаселенныя: Она благодѣтельными законами (**) привлекла трудолюбивыхъ иностранцевъ въ Россію, и звукъ сѣкиры раздался въ дикихъ лѣсахъ; пустыни оживились людьми и селеніями; плугъ углубился въ свѣ-

(*) Указъ 1762 году, Августа 10.
(**) Указы 1763 года, Іюля 22; и 1764, Марта 10.

жую землю, и Природа украсилась плодами трудовъ человѣческихъ. Уже давно путешествующіе иностранцы въ отдаленныхъ предѣлахъ нашихъ съ удивленіемъ находятъ своихъ единоземцевъ, которые говорятъ имъ о щедротахъ ЕКАТЕРИНЫ, и которые, по мѣрѣ ихъ искусства и прилѣжности, благоденствуютъ въ нашей Имперіи, не жалѣя о своемъ отечествѣ. Такъ среди волнистыхъ степей Царицинскихъ цвѣтетъ теперь мирная Колонія Евангелическаго Братства, подобно щастливому острову среди Океана; плѣняетъ глаза всѣми драгоцѣнностями ремесла, а сердце картиною добрыхъ нравовъ; дѣйствуетъ своимъ просвѣщеніемъ на сосѣдственные дикіе народы, и платитъ намъ долгъ признательности ласковымъ гостепріимствомъ.

Учрежденіе Монархини въ разсужденіи Духовныхъ имѣній есть

также одно изъ достопамятныхъ дѣлъ Ея законодательнаго разума. Она знала, что строгій монашескій чинъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ земныхъ попеченій, столь несообразныхъ съ его святостію, и совершила намѣреніе Великаго Петра, отдавъ монастырскія деревни подъ начальство свѣтское, опредѣливъ достаточныя суммы для всѣхъ потребностей Духовенства, для благолѣпія церквей, и повелѣвъ употребить прочіе доходы съ сего милліона душъ на успокоеніе престарѣлыхъ воиновъ и содержаніе духовныхъ училищъ (*). Такимъ образомъ исполнилось желаніе благочестивыхъ людей, которые, отдавая монастырямъ свое богатство, безъ всякаго сомнѣнія хотѣли, чтобы оно употреблено было на благодѣтельныя заведенія: — чтожь можетъ быть свя-

(*) Манифестъ 1764 году, Фев. 29.

тѣе призрѣнія изувѣченныхъ Героевъ и основанія училищъ, въ которыхъ образуются служители Олтарей и достойные проповѣдники Божественнаго Слова? Знаменитѣйшія Духовныя Особы изъявили въ семъ дѣлѣ патріотическое свое усердіе. Имена Митрополита Новогородскаго и Архіепископа Санктпетербургскаго будутъ всегда извѣстны, вмѣстѣ съ именемъ Ѳеофана, сотрудника Петрова.

Я не буду говорить о безчисленныхъ Указахъ, изданныхъ ЕКАТЕРИНОЮ въ первые три года Ея царствованія, и доказывающихъ ту неусыпную ревность къ отечеству, ту непонятную дѣятельность, которая объемлетъ всѣ части цѣлаго, и которыя примѣръ находимъ въ Петрѣ Великомъ. Но потомство замѣтитъ, что внутреннее превосходное образованіе нашихъ армій есть дѣло ЕКАТЕ-

рины. Она опредѣлила ясно (*) всѣ должности отъ перваго Начальника до послѣдняго воина, и строгую, необходимую для успѣховъ подчиненность основала на правилахъ разума; Она Своимъ Уставомъ вліяла въ легіоны наши духъ чести и благородства; Она произвела, что воины одного полку считали себя дѣтьми одного семейства, гордились другъ другомъ и стыдились другъ за друга; Она, требуя отъ однихъ непрекословнаго повиновенія, другимъ предписала въ законъ не только человѣколюбіе, но и самую привѣтливость, самую ласковую учтивость; изъявляя, можно сказать, нѣжное попеченіе о благосостояніи простаго воина, хотѣла, чтобы онъ зналъ важность сана своего въ Имперіи, и, любя его, любилъ отечество.

(*) См. Указъ о военной дисциплинѣ и Инструкцію Полковнику.

Теперь представляется мнѣ славнѣйшая эпоха славнаго царствованія! Россія имѣла многіе частные, мудрые законы, но не имѣла общаго Уложенія, которое бываетъ основаніемъ государственнаго благоустройства. Обыкновенные умы довольствуются временными, случайными постановленіями; великіе хотятъ системы, цѣлаго и вѣчнаго. Чего Петръ Великій не могъ сдѣлать, то рѣшилась исполнить ЕКАТЕРИНА. Чувствуя важность сего предпріятія, Она хотѣла раздѣлить славу Свою съ подданными, и признала ихъ достойными быть совѣтниками Трона. Повелѣвъ собраться государственнымъ Чинамъ (дѣло неслыханное въ Россіи!) или Депутатамъ изъ всѣхъ судилищъ, изъ всѣхъ частей Имперіи, чтобы они предложили свои мысли о полезныхъ уставахъ для государства — Великая говоритъ: ,,Наше ,,первое желаніе есть, видѣть на-

,,родъ Россійскій столь щастли-
,,вымъ и довольнымъ, сколь далеко
,,человѣческое щастіе и доволь-
,,ствіе можетъ на сей землѣ про-
,,стираться. Симъ учрежденіемъ
,,даемъ ему опытъ Нашего чисто-
,,сердечія, великія довѣренности и
,,прямыя материнскія любви, ожи-
,,дая со стороны любезныхъ под-
,,данныхъ благодарности и послу-
,,шанія (*)." Воображеніе мое не
можетъ представить ничего вели-
чественнѣе сего дня, когда въ
древней столицѣ нашей соедини-
лись обѣ гемисферы земли, яви-
лись всѣ народы, разсѣянные въ
пространствахъ Россіи, языковъ,
обычаевъ и вѣръ различныхъ: по-
томки Славянъ-побѣдителей, Нор-
мановъ ужасныхъ Европѣ, и Фин-
новъ, столь живо описанныхъ пе-
ромъ Тацитовымъ; мирные па-
стыри южной Россіи, Лапландскіе

(*) Манифестъ о собраніи Депутатовъ.

Ихтіофаги и звѣриными кожами одѣянные Камчадалы. Москва казалась тогда столицею вселенныя, и собраніе Россійскихъ Депутатовъ сеймомъ міра. Имъ торжественно объявили волю Монархини — и Самоѣдъ удивился, слыша, что нужны законы людямъ (*)! Имъ торжественно вручили сей славный Наказъ ЕКАТЕРИНЫ, писанный Ею для избранной Коммисіи Депутатовъ, переведенный на всѣ Европейскіе языки, зерцало Ея великаго ума и небеснаго человѣколюбія. Никогда еще Монархи не говорили съ подданными такимъ плѣнительнымъ, трогательнымъ языкомъ! Никто, никто еще изъ сѣдящихъ на тронѣ столь премудро не изъяснялся, не имѣлъ столь обширныхъ понятій о наукѣ управлять людь-

(*) Сей анекдотъ извѣстенъ. Самоѣдамъ никакъ не могли изъяснить, что такое законъ.

ми, о средствахъ народнаго щастія. Сограждане! сіе твореніе такъ достопамятно и священно, что сердце мое пылаетъ ревностію представить вамъ главные черты его.

Монархиня прежде всего опредѣляетъ образъ правленія въ Россіи— *Самодержавный;* не довольствуется единымъ всемогущимъ изреченіемъ, но доказываетъ необходимость сего правленія для неизмѣримой Имперіи. Только единая, нераздѣльная, державная воля можетъ блюсти порядокъ и согласіе между частями столь многосложными и различными, подобно Творческой Волѣ, управляющей вселенною; только она можетъ имѣть сіе быстрое, свободное исполненіе, необходимое для пресѣченія всѣхъ возможныхъ безпорядковъ; всякая медленность произвела бы нещастныя слѣдствія (9, 10, 11 (*)). Здѣсь примѣры слу-

(*) Сіи числа означаютъ отдѣленія Наказа.

жатъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ. Сограждане! Римъ, котораго именемъ цѣлый міръ назывался, въ единомъ самодержавіи Августа нашелъ успокоеніе послѣ всѣхъ ужасныхъ мятежей и бѣдствій своихъ. Что видѣли мы въ наше время? Народъ многочисленный на развалинахъ трона хотѣлъ повелѣвать самъ собою: прекрасное зданіе общественнаго благоустройства разрушилось; неописанныя нещастія были жребіемъ Франціи, и сей гордый народъ, осыпавъ пепломъ главу свою, проклиная десятилѣтнее заблужденіе, для спасенія политическаго бытія своего вручаетъ самовластіе щастливому Корсиканскому воину. Не за тѣмъ оставилъ человѣкъ дикіе лѣса и пустыни; не за тѣмъ построилъ великолѣпные грады и цвѣтущія селы, чтобы жить въ нихъ опять какъ въ дикихъ лѣсахъ, не знать покоя и вѣчно ратобор-

ствовать не только со внѣшними непріятелями, но и съ согражданами: что же другое представляетъ намъ Исторія Республикъ? Видимъ ли на семъ бурномъ морѣ хотя единый мирный и щастливый островъ? Мое сердце не менѣе другихъ воспламеняется добродѣтелію великихъ Республиканцевъ; но сколь кратковременны блестящія эпохи ея? Сколь часто именемъ свободы пользовалось тиранство, и героическихъ друзей ея заключало въ узы? Чье сердце не обливается кровію, воображая Мильтіада въ темницѣ, Аристида, Ѳемистокла въ изгнаніи, Сократа, Фокіона, піющихъ смертную чашу, Катона самоубійцу и Брута, въ послѣднюю минуту жизни уже не вѣрящаго добродѣтели? Или людямъ надлежитъ быть Ангелами, или всякое многосложное Правленіе, основанное на дѣйствіи различныхъ воль, будетъ вѣчнымъ раздоромъ,

а народъ нещастнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ властолюбцевъ, жертвующихъ отечествомъ личной пользѣ своей. Да живетъ же сія дикая Республиканская независимость въ мѣстахъ, подобно ей дикихъ и неприступныхъ, на снѣжныхъ Альпійскихъ громадахъ, среди острыхъ гранитовъ и глубокихъ пропастей, гдѣ отъ вѣчныхъ ужасовъ Природы безмолвствуютъ страсти въ хладной душѣ людей, и гдѣ человѣкъ, не зная многихъ потребностей, можетъ довольствоваться немногими законами Природы!

Сограждане! признаемъ во глубинѣ сердецъ благодѣтельность Монархическаго Правленія, и скажемъ съ ЕКАТЕРИНОЮ: „Лучше повиноваться законамъ подъ единымъ властелиномъ, нежели угождать многимъ" (12). „Предметъ „Самодержавія, вѣщаетъ Она, есть „не то, чтобы отнять у людей

,,естественную свободу, но чтобы ,,дѣйствія ихъ направить къ вели-,,чайшему благу (13).“ Сія утѣшительная истина въ устахъ Монарших плѣняетъ сердце — и неизмѣримая Имперія, подъ скипетромъ Вѣнценосца, слѣдующаго правиламъ ЕКАТЕРИНЫ, кажется мнѣ щастливымъ семейством, управляемымъ единою волею отца, по непремѣннымъ законамъ любви его. Сіе Правленіе тѣмъ благотворнѣе, что оно соединяетъ выгоды Монарха съ выгодами подданныхъ: чѣмъ они довольнѣе и щастливѣе, тѣмъ власть Его святѣе и Ему пріятнѣе. Оно всѣхъ другихъ сообразнѣе съ цѣлію гражданскихъ обществъ: ибо всѣхъ болѣе способствуетъ тишинѣ и безопасности.

,,Государь есть источникъ вся-,,кія власти въ Монархіи (19); но ,,сія власть должна дѣйствовать ,,чрезъ нѣкоторыя посредства, нѣ-

,,которымЪ опредѣленнымЪ обра-
,,зомЪ: раждаются Правительства
,,и законы, которые дѣлаютЪ твер-
,,дымЪ и неподвижнымЪ установ-
,,леніе всякаго государства (20,
,,21). СенатЪ, главное Правитель-
,,ство, но зависящее отЪ Монарха,
,,есть вЪ Россіи хранилище зако-
,,новЪ (26). ОнЪ принимаетЪ ихЪ
,,отЪ Государя для исполненія; но
,,можетЪ представлять Ему, есть-
,,ли найдетЪ вЪ нихЪ что нибудь
,,вредное, темное или противное
,,Уложенію (21, 23, 24).“ ТакимЪ
образомЪ СенатЪ вЪ отношеніи кЪ
Монарху есть совѣсть Его, а вЪ
отношеніи кЪ народу рука Монар-
ха; вообще же онЪ служитЪ эги-
дою для государства, будучи глав-
нымЪ блюстителемЪ порядка.

Монархиня, сказавЪ, что Само-
державіе не есть врагЪ свободы вЪ
гражданскомЪ обществѣ, опредѣ-
ляетЪ ее слѣдующимЪ образомЪ:
,,Она есть ничто иное, какЪ спо-

,,койствіе духа, происходящее отъ
,,безопасности, и право дѣлать
,,все дозволяемое законами (38, 39);
,,а законы не должны запрещать
,,ничего, кромѣ вреднаго для об-
,,щества; они должны быть столь
,,изящны, столь ясны, чтобы вся-
,,кой могъ чувствовать ихъ необ-
,,ходимость для всѣхъ гражданъ:
,,и въ семъ-то единственно состо-
,,итъ возможное равенство гра-
,,жданское (34)! Законодатель со-
,,образуется съ духомъ народа; мы
,,всего лучше дѣлаемъ то, что дѣ-
,,лаемъ свободно, и слѣдуя природ-
,,ной нашей склонности. Когда умы
,,для лучшихъ законовъ не готовы,
,,то приготовьте ихъ; когда же
,,надобно для щастія народа пере-
,,мѣнить его обычаи, то дѣйствуй-
,,те однимъ примѣромъ. Одно не-
,,обходимое наказаніе не есть ти-
,,ранство, и законамъ подлежитъ
,,только явное зло (57—63)."

Монархиня раздѣляетъ всѣ воз-

можныя преступленія на особенные роды, и мудрость Ея, обогащенная мыслями Философовъ, которые занимались симъ важнымъ дѣломъ, опредѣляетъ для каждаго рода особенныя наказанія, извлеченныя изъ самаго естества вины: мысль святая! новое свѣтило для Законодателей! Такимъ образомъ „нарушитель благонравія да лишится выгодъ, сопряженныхъ съ „благонравіемъ; да ознаменуется „стыдомъ, всенароднымъ безчестіемъ; да удалится отъ общества, которому онъ служитъ по„ношеніемъ; да загладитъ раская„ніемъ дѣло свое, и да исправится! „Такимъ образомъ нарушитель об„щаго покоя да лишится мирныхъ „его наслажденій, и губитель дру„гихъ да погибнетъ (68—79)!"

Премудрая доказываетъ умомъ и опытами, что „излишно строгое „наказаніе не удерживаетъ людей „отъ злодѣяній; что умѣренное,

„но *продолжительное*, дѣйствуетъ „на душу сильнѣе жестокаго, но „*маловременнаго*; что законы *исправительные* и кроткіе благотворнѣе „строгихъ, *искоренительныхъ*; что „ужасная привычка къ казни ожесточаетъ сердце, и отнимаетъ „у Законодателя способы къ исправленію нравовъ; что *стыдъ* „долженъ быть главнымъ его орудіемъ; что не умѣренность наказанія, а совершенное упущеніе „вины раждаетъ дерзость и необузданность (81 — 91).“ Нѣжная душа ЕКАТЕРИНЫ могла ли безъ трепета вообразить лютую казнь смерти, уничтоженіе существа, одареннаго чувствомъ? Монархиня отрицаетъ ея необходимость въ спокойное царствованіе законовъ, и кроткая Философія торжествуетъ надъ жестокимъ обыкновеніемъ вѣковъ (210—213). Ко славѣ вашей, Россіяне! скажетъ нѣкогда Исторія, что у васъ пер-

выхъ престала литься кровь человѣческая на эшафотахъ! И одно нѣжное, женское сердце, подкрѣпленное необыкновенною силою ума, могло согласить правосудіе съ человѣчествомъ! Злодѣйство наказано; но единый Богъ располагаетъ жизнію людей въ Россіи!

Законъ, утвердивъ наказаніе, долженъ опредѣлить и способы открывать преступленіе. „Въ стра„нахъ, гдѣ человѣчество угнете„но, судъ простъ и рѣшителенъ: „гордый Паша выслушиваетъ рас„прю, и судимый оправданъ или „наказанъ. Но въ государствѣ про„свѣщенномъ, гдѣ жизнь, честь и „собственность гражданина свя„щенны, требуется основатель„наго разысканія истины (112 — „114.)" Монархиня исчисляетъ всѣ необходимыя осторожности въ судопроизводствѣ; опредѣляя случаи, въ которыхъ многія согласныя вѣроятности раждаютъ увѣреніе,

отвергаетъ всѣ сомнительныя доказательства; ставитъ не ясное преступленіе еще на ряду съ невинностію; щадитъ судимаго до послѣдней возможности оправданія, избавляя его отъ всѣхъ ужасовъ, предшествующихъ наказанію, и страшнымъ вратамъ темницъ дозволяетъ отверзаться единственно для обличенныхъ (116 — 192.) Съ какимъ трогательнымъ краснорѣчіемъ изображаетъ Она ужасъ сего варварскаго обыкновенія терзать людей прежде осужденія, сей адомъ вымышленный способъ допросовъ, страшнѣйшій самой казни, вину безчисленныхъ ложныхъ показаній и неправедныхъ приговоровъ (193 — 198)! Сердце всякаго чувствительнаго, содрогаясь вмѣстѣ съ добродѣтельнымъ сердцемъ Монархини, увѣрено, что въ Ея царствованіе ни въ какомъ случаѣ не могло быть терпимо сіе лютое и безразсудное истязаніе.

Съ такимъ же Ангельскимъ человѣколюбіемъ судитъ Она то преступленіе, котораго имя всего страшнѣе въ Самодержавіяхъ — „*оскорбленіе Величества* — и которое часто бываетъ предлогомъ „несправедливыхъ жестокостей, „единственно отъ темнаго и ложнаго понятія о существѣ онаго. „Такъ въ Римѣ наказывалось смертію неуваженіе ко статуямъ Императора (475); такъ по древнему закону Англіи надлежало казнить врача, который дерзнулъ бы „сказать о больномъ Королѣ, что „жизнь его въ опасности (476).“ Монархиня говоритъ, что истинное оскорбленіе Величества есть только злодѣйскій умыслъ противъ Государя (478); что не должно наказывать за слова какъ за дѣйствія (481), кромѣ случая, въ которомъ возмутитель проповѣдуетъ мятежъ и бунтъ, слѣдственно уже дѣйствуетъ (480); что слова все-

го болѣе подвержены изъясненіямъ и шолкамъ; чшо безразсудная нескромносшь не есть злоба (481); чшо для самаго безумнаго поносителя имени Царей должно опредѣлишь шолько испраеишельное наказаніе (482); чшо „въ самодержав„номъ государсшвѣ хошя и нешер„пимы язвишельныя сочиненія, но „чшо ихъ не должно вмѣняшь въ „пресшупленіе: ибо излишняя сшро„госшь въ разсужденіи сего будешъ „угнешеніемъ разума, производишъ „невѣжесшво, ошнимаешъ охошу „писашь и гасишъ дарованія ума „(484)."

Означивъ шакимъ образомъ свойсшво и дѣйсшвіе законовъ, Монархиня шребуешъ ошъ ихъ сочинишеля ясносши въ слогѣ, убѣдишельной силы, доказашельсшвъ пользы; они не шерпяшъ никакихъ излишнихъ шонкосшей ума, будучи писаны для всего народа; они сушь не логическія хишросши, но про-

стое и здравое сужденіе отца, пекущагося о дѣтяхъ и домашнихъ своихъ; языкъ ихъ есть языкъ добродѣтели и благости; слогъ ихъ совершенъ не высокопарностію, не витійствомъ, но чистотою, благородствомъ, необходимостію каждаго слова. Они должны быть свѣтлымъ зерцаломъ, въ которомъ всякій гражданинъ, правый и неправый, видѣлъ бы ясно судьбу свою; чтобы добродушный судія не усомнился въ ихъ смыслѣ, и чтобы самый лукавый не могъ находить въ нихъ двусмыслія, благопріятнаго для ябеды и неправосудія (448—462).

Но ЕКАТЕРИНА не довольствуется тѣмъ, чтобы всѣ возможныя преступленія въ обществѣ были судимы и наказываемы по ихъ истинной важности: Она желаетъ отвратить зло. Солоны и Ликурги временъ грядущихъ! внимайте словамъ Ея! „Хотите ли предупре-

„дить злодѣянія? сдѣлайте, что-
„бы законы благотворили равно
„всѣмъ гражданамъ; чтобы люди
„страшились только законовъ, и
„ничего болѣе не страшились; что-
„бы законы уничтожали только
„бѣдственную свободу вредить
„ближнему; награждайте добродѣ-
„тель, просвѣщайте людей, усо-
„вершенствуйте воспитаніе (243
„— 249)!" ЕКАТЕРИНА откры-
ваетъ вамъ тайну человѣческаго
сердца и государственнаго благо-
получія. Дайте способы человѣку
въ каждомъ гражданскомъ отноше-
ніи находить то щастіе, для ко-
тораго Всевышній сотворилъ лю-
дей: ибо главнымъ корнемъ зло-
дѣяній бываетъ нещастіе. Но что-
бы люди умѣли наслаждаться и
быть довольными во всякомъ со-
стояніи мудраго политическаго об-
щества, то просвѣтите ихъ! Они
увидятъ необходимость граждан-
ской зависимости, необходимость

нравственнаго добра для щастія, и будутъ довольнѣе, добрѣе и щастливѣе!

Но просвѣщеніе требуетъ хорошаго воспитанія (348). Оно должно быть двоякое: нравственное воспитаніе человѣка, общее во всѣхъ странахъ, и политическое воспитаніе гражданина, различное по образу Правленій. Религія, любовь къ добродѣтели, къ трудамъ, къ порядку, чувствительность къ нещастію ближнихъ, разсудительность или повиновеніе сердца уму, принадлежатъ къ первому; любовь къ отечеству, къ его учрежденіямъ и всѣ свойства, нужныя для ихъ цѣлости входятъ во второе (351 — 352). Пусть Спартанецъ или житель дикихъ Кантоновъ Гельвеціи не терпитъ самовластія! Въ Россіи, при самомъ начальномъ развитіи души, должно вкоренить въ человѣка благоговѣніе къ Монарху, соединяющему въ себѣ государ-

ственныя власти, и, такъ сказать, *образу отечества.* „Каждое „особенное семейство должно быть „управляемо примѣромъ большаго „семейства (349)," которое есть государство. „Хотя въ пространной „Имперіи общественное или „народное воспитаніе невозможно, „однакожь Законодатель долженъ „предписать нѣкоторыя правила, „которыя могли бы служить по „крайней мѣрѣ совѣтомъ для родителей (350)." Монархиня предписываетъ оныя — и Философъ, посвятившій всю жизнь свою на образованіе сердца, не могъ бы сказать ничего премудрѣе.

ЕКАТЕРИНА обращаетъ взоръ на три государственныя состоянія: земледѣльческое, торговое или ремесленное, и воинское. „Первое „есть самое необходимое и труд„нѣйшее: тѣмъ болѣе должно обо„дрять его (297)." Монархиня ставитъ въ примѣръ обычай Ки-

тая, гдѣ Императоръ ежегодно возвышаетъ прилѣжнѣйшаго земледѣльца въ санъ Мандарина. Сообразуясь съ уставами нашего государства, Она предлагаетъ иные способы награды для тѣхъ, которые, потомъ лица своего орошая землю, извлекаютъ изъ нѣдръ ея истинныя сокровища людей, гораздо драгоцѣннѣйшія Перуанскаго злата и Бразильскихъ діамантовъ; „главное же ободреніе сельскаго „трудолюбія есть, по словамъ Ея, „право собственности: всякой печется о своемъ болѣе, нежели о „томъ, что другому принадлежитъ, или что другіе могутъ „отнять у него (295, 296).“ Ея человѣколюбивое намѣреніе ясно (261); Ея желаніе также (260). Чувствуя, сколь нужно размноженіе народа для Россіи, ЕКАТЕРИНА спрашиваетъ: „Отъ чего болѣе „половины младенцевъ, раждаемыхъ въ нашихъ селахъ, умираетъ

„въ дѣтствѣ?“ Она угадываетъ источникъ сего страшнаго зла: „порокъ въ физическомъ воспита-„ніи и въ образѣ жизни. Люди, не „могущіе о самимъ себѣ имѣть „нужнаго попеченія въ болѣзняхъ, „могутъ ли имѣть хорошій при-„смотръ за слабыми существами, „находящимися въ безпрестанной „болѣзни, то есть во младенче-„ствѣ? Какое щастіе для Россіи, „естьли найдется способъ отвра-„тить такую гибель (266—276)!“ Однимъ словомъ: Она хотѣла благоденствія земледѣльцевъ; хотѣла, чтобы, осыпанные изобиліемъ Природы, средимногочисленныхъ семействъ своихъ, они трудились для наслажденія, и подъ смиреннымъ кровомъ сельскихъ хижинъ, гдѣ любитъ обитать спокойствіе, не завидовали великолѣпнымъ градскимъ паламамъ, гдѣ часто праздность и скука изнуряютъ сердце; Она хотѣла, чтобы трудолюбіе, зерни-

стые класы, златыя нивы, полныя житницы, были для нихъ истинною роскошью!

Какъ отъ успѣховъ земледѣлія цвѣтутъ поля и селы, такъ *среднее политическое состоянїе* украшаетъ грады (377). Обогащая государство торговлею и художествами, представляя ему новые источники общественнаго избытка и силы, оно не менѣе полезно и для успѣховъ земледѣлія, имѣя нужду въ его плодахъ, и щедро награждая за нихъ селянина (377). Премудрая чувствуетъ необходимость особенныхъ законовъ для градскихъ жителей, для опредѣленія ихъ правъ и выгодъ (393), для ободренія ихъ промышленности и трудолюбія. Каждая мысль Ея о семъ предметѣ есть важная истина для Законодателей. „Торговля бѣжитъ „отъ притѣсненій, и царствуетъ „тамъ, гдѣ она свободна; но сво„бода не есть самовластіе тор-

„гующихъ. Въ странахъ вольныхъ, „на примѣръ въ Англіи, они всего „болѣе ограничены законами (*); „но законы сіи имѣютъ единствен„ною цѣлію общее благо торговли, „и купечество въ Англіи процвѣ„таетъ (317 — 322).“ — Сей же родъ людей прославляетъ государство Науками (377), имѣющими вліяніе и на благо другихъ состояній.

Цвѣтущія села и грады должны быть безопасны отъ внѣшнихъ непріятелей, которые огнемъ и мечемъ могутъ превратить ихъ въ гробы богатствъ и людей: образуется воинское состояніе, училище Героевъ, древній источникъ гражданскихъ отличій, названныхъ правами благородства или дворян-

(*) О свободѣ торговой можно сказать то же, что о свободѣ политической: она состоитъ не въ волѣ дѣлать все полезное одному человѣку, а въ волѣ дѣлать все не вредное обществу.

ства (365). Гражданинъ, для общаго блага жертвующій не только спокойствіемъ жизни, но и самою жизнію, есть предметъ государственной благодарности; ея мѣра есть мѣра услугъ его. Герои, спасители отечества, были вездѣ первыми знаменитыми гражданами, пользовались вездѣ особенными правами (361). Но чѣмъ же наградить воина, умирающаго на полѣ славы? Народная признательность изобрѣла средство быть *вѣчною*, награждая отца въ сынѣ: почесть важнѣйшая мраморныхъ памятниковъ! И такъ право наслѣдственнаго благородства есть священное для самаго разсудка, для самой Философіи — и *полезное* для общества: ибо дѣти знаменитыхъ мужей, рожденные съ великими гражданскими преимуществами, воспитываются въ долгѣ заслужить ихъ личными своими достоинствами (374). Честь и слава, по словамъ

безсмертнаго Монтескьё, есть сѣмя и плодъ дворянства. Хотя первымъ источникомъ онаго были издревле однѣ воинскія добродѣтели; но какъ правосудіе нужно не менѣе побѣдъ для государственнаго благоденствія, то оно также можетъ быть отличіемъ сего рода людей (368), сихъ главныхъ стражей отечества внѣ и внутри его. Но славныя права Дворянъ, ихъ не менѣе славныя обязанности всегда ли будутъ только жребіемъ нѣкоторыхъ щастливыхъ поколѣній? Нѣтъ; добродѣтель съ заслугою сообщаютъ благородство (363), вѣщаетъ ЕКАТЕРИНА — и такимъ образомъ открываетъ путь славы для всѣхъ состояній. Что можно пріобрѣсти достоинствами, то можно утратить пороками: Монархиня означаетъ тѣ и другіе. Естьли человѣкъ, который долгое время былъ для согражданъ примѣромъ нравственнаго совершенства и

любви къ отечеству, рукою Государя возводится на степень дворянства: то можно ли стоять на ней измѣннику, вѣроломному, лживому свидѣтелю? Онъ свергается въ толпу народную, гдѣ гражданское правосудіе знаменуетъ его стыдомъ и безчестіемъ (371).

Глава о государственной Экономіи служитъ наставленіемъ для всѣхъ Монарховъ, утѣшеніемъ для всѣхъ гражанъ, доказывая первымъ, что они суть только хранители общественнаго сокровища, и могутъ употреблять его единственно для блага народнаго; доказывая послѣднимъ, что они, удѣляя Государю часть своего избытка, утверждаютъ тѣмъ собственное ихъ благосостояніе; что они платятъ дань не Государю, а самимъ себѣ, или другъ другу. Естьли пастыри и земледѣльцы хотятъ, чтобы стада и поля ихъ были цѣлы, то нужно воинство для отра-

женія внѣшнихъ хищниковъ ; естьли купечество желаетъ безопасности для кораблей своихъ, то надобенъ флотъ, готовый наказать дерзостнаго оскорбителя ихъ флаговъ. Внутренняя безопасность, полезныя заведенія, удобность пути для сообщенія людей, соединеніе рѣкъ, наконецъ самое великолѣпіе Двора, изображающаго величіе народа — однимъ словомъ, всѣ предметы государственныхъ расходовъ имѣютъ въ предметѣ общую пользу (576 — 580). Но Монархиня желаетъ облегчить сію необходимость для народа, и предписываетъ Законодателю искать новыхъ, удобнѣйшихъ способовъ для раздѣленія налоговъ, сравнивая ихъ съ легкими парусами, долженствующими ускорять плаваніе корабля, а не бременить его (601). Самое же вѣрнѣйшее средство умножить государственныя богатства есть умножить народъ и при-

вести въ цвѣтущее состоянiе земледѣлie, ремесла, торговлю, художества, науки (603 — 618).

Всякая часть законодательства представляется важною и спасительною подъ мудрымъ перомъ ЕКАТЕРИНЫ. Она первая изобразила всѣ великiя должности оберегательной власти или Благочинiя. Во многихъ земляхъ имя Полицiи означаетъ единственно наушниковъ Правительства, и ужасъ не только дурныхъ людей, но и самыхъ добрыхъ. Монархиня превращаетъ ее въ благодѣтельное судилище нравовъ и порядка для всей Имперiи. Полицiя, соблюдая тишину, обуздываетъ вредную роскошь, старается искоренить, и даже предупреждать нравственное зло, безчинство, обманы; печется о безопасности, физическомъ благосостоянiи народа, чистотѣ воздуха, здравой пищѣ, твердости зданiй, украшенiи градовъ и селъ,

о пріятной удобности путешественниковЪ, — наконецЪ печется о бѣдныхЪ и больныхЪ. Сія дѣятельная часть Правительства, — сей, такЪ сказать, неусыпный АргусЪ его, не присвоивая себѣ уголовнаго и гражданскаго суда, исправляетЪ людей легкими наказаніями, и спасаетЪ порокЪ отЪ преступленія (553 — 565).

ПредложивЪ вЪ семЪ Наказѣ самую лучшую основу для политическаго образованія Россіи, ЕКАТЕРИНА заключаетЪ его священными, премудрыми мыслями, которыя, подобно Фаросу, вЪ теченіе временЪ должны остерегать всѣ Монархіи отЪ политическаго кораблекрушенія. Сограждане! да обновится вниманіе ваше: се гласЪ вѣчной Судьбы, открывающей намЪ причину государственныхЪ бѣдствій!

„Имперія близка кЪ своему паденію, какЪ скоро повреждаются „ея начальныя основанія, какЪ ско-

„ро измѣняется духъ Правленія, „и вмѣсто равенства законовъ, ко„торое составляетъ душу его, лю„ди захотятъ личнаго равенства, „несогласнаго съ духомъ закон„наго повиновенія; какъ скоро пре„станутъ чтить Государя, на„чальниковъ, старцевъ, родителей. „Тогда государственныя правила „называются *жестокостію*, уставы „*принужденіемъ*, уваженіе *страхомъ*. „Прежде имѣніе частныхъ людей „составляло народныя сокровища; „но въ то время сокровище наро„дное бываетъ наслѣдіемъ част„ныхъ людей, и любовь къ отече„ству исчезаетъ (502 — 506). — „Что истребило наши двѣ славныя „Династіи? говоритъ одинъ Ки„тайскій Писатель: то, что онѣ, „не довольствуясь главнымъ над„зираніемъ, единственно прилич„нымъ Государю, хотѣли управ„лять всѣмъ непосредственно, „и присвоили себѣ дѣла, которыя

„должны быть судимы разными
„государственными Правитель-
„ствами. Самодержавство разру-
„шается, когда Государи думаютъ,
„что имъ надобно изъявлять власть
„свою не слѣдованіемъ порядку
„вещей, а премѣною онаго, и ко-
„гда они собственныя мечты ува-
„жаютъ болѣе законовъ (510 —
„511). — Самое вышнее искусство
„Монарха состоитъ въ томъ, что-
„бы знать, въ какихъ случаяхъ дол-
„жно ему употребить власть свою:
„ибо благополучіе Самодержавія
„есть отчасти кроткое и снисхо-
„дительное правленіе. Надобно,
„чтобы Государь только ободрялъ,
„и чтобы одни законы угрожали
„(513 — 515). Нещастливо то го-
„сударство, въ которомъ никто
„не дерзаетъ представить своего
„опасенія въ разсужденіи будущаго,
„не дерзаетъ свободно объявить
„своего мнѣнія (517). — Все сіе не
„можетъ понравиться ласкате-

„лямъ, которые безпрестанно твер-
„дятъ земнымъ Владыкамъ, что
„народы для нихъ существуютъ.
„Но *Мы думаемъ*, *и за славу Себѣ*
„*вмѣняемъ сказать, что Мы живемъ*
„*для нашего народа*. Сохрани Боже,
„чтобы, по совершеніи сего за-
„конодательства, какой нибудь на-
„родъ на землѣ былъ щастливѣе
„Россійскаго! Тогда не исполнилось
„бы намѣреніе Нашихъ законовъ:—
„нещастіе, до котораго Я дожить
„не желаю (520)!"

Я вѣрю своему сердцу: ваше конечно то же чувствуетъ.... Сограждане! сердце мое трепещетъ отъ восторга: удивленіе и благодарность производятъ его. Я лобызаю Державную руку, которая, подъ божественнымъ вдохновеніемъ души, начертала сіи священныя строки! Какой Монархъ на тронѣ дерзнулъ — такъ, *дерзнулъ* объявить своему народу, что слава и власть Вѣнценосца должны

быть подчинены благу народному; что не подданные существуютъ для Монарховъ, но Монархи для подданныхъ? Мы удивляемся Философу, который проповѣдуетъ Царямъ ихъ должности; но можно ли сравнять его смѣлость съ великодушіемъ самодержавной ЕКАТЕРИНЫ, Которая, утверждая престолъ на благодарности подданныхъ, торжественно признаетъ Себя обязанною заслуживать власть Свою? Ядовитая лесть, которая вьется и шипитъ вокругъ Государей, могла ли уязвить такое героическое сердце? Нѣтъ! гнусное насѣкомое, пресмыкаясь во прахѣ, не ужалитъ орла, подъ небесами парящаго!... И сіе великое движеніе пылкой души, сіи въ восторгѣ произнесенныя слова: „сохрани „Боже! чтобы какой нибудь на„родъ былъ щастливѣе Россійска„го!“ не суть ли изліяніе и торжество страстной добродѣтели,

которая, избравъ себѣ предметъ въ мірѣ, стремится къ нему съ пламенною ревностію, и самую жизнь въ разсужденіи его ни за что пресчитаетъ? Такъ, ЕКАТЕРИНА преломила бы скипетръ Царскій, свергла бы вѣнецъ съ главы Своей, возненавидѣла бы власть Свою, естьли бы они не служили Ей средствомъ ощастливить Россіянъ!

Ея Наказъ долженствовалъ быть для Депутатовъ Аріадниною нитью въ лавиринѳѣ государственнаго законодательства; но онъ, открывая имъ путь, означая все важнѣйшее на семъ пути, содержитъ въ своихъ мудрыхъ правилахъ и душу главныхъ уставовъ, политическихъ и гражданскихъ, подобно какъ зерно заключаетъ въ себѣ видъ и плодъ растѣнія.

Уже Депутаты Россійскіе сообщали другъ другу свои мысли о предметахъ общаго Уложенія, и жезлъ Маршала гремѣлъ въ торжествен-

ныхъ ихъ собраніяхъ. ЕКАТЕРИНА невидимо внимала каждому слову, и Россія была въ ожиданіи. . . . Но Турецкая война воспылала, и Монархиня обратила Свое вниманіе на внѣшнюю безопасность государства.

Сограждане! принесемъ жертву искренности и правдѣ; скажемъ — что Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ той зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужды для законодательства. Да не оскорбится тѣмъ справедливая гордость народа Россійскаго! Давно ли еще сіяетъ для насъ просвѣщеніе Европы? И мудрость Ликурговъ была ли когда нибудь общею? Не всегда ли великое искусство государственнаго образованія считалось небеснымъ вдохновеніемъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ избраннымъ Душамъ? Оставляя суевѣрныя преданія древности о Нимфахъ Эгеріяхъ, мо-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

жемъ согласиться, что Нумы всѣхъ вѣковъ имѣли нужду въ чрезвычайныхъ откровеніяхъ Генія. Сколько мудрости потребно Законодателю? Сколь трудно знать человѣческое сердце, предвидѣть всѣ возможныя дѣйствія страстей, обратить къ добру ихъ бурное стремленіе, или остановить твердыми оплотами, согласить частную пользу съ общею; наконецъ — послѣ высочайшихъ умозрѣній, въ которыхъ духъ человѣческій, какъ древле Моисей на горѣ Синайской, съ невидимымъ Божествомъ сообщается — спуститься въ обыкновенную сферу людей, и тончайшую Метафизику преобразить въ уставъ гражданскій, понятный для всякаго!

Но собраніе Депутатовъ было полезно: ибо мысли ихъ открыли Монархинѣ источникъ разныхъ злоупотребленій въ государствѣ. Прославивъ благую волю Свою, почтивъ народъ довѣренностію, убѣдивъ

его такимъ опытомъ въ Ея благотворныхъ намѣреніяхъ, Она рѣшилась Сама быть законодательницею Россіи. —— ——

Едва умолкли громы войны, въ самый первый годъ щастливаго мира ЕКАТЕРИНА обнародовала новое Учрежденіе для Губерній, которое составляетъ вторую важную эпоху въ Ея правленіи, и которое, мало по малу, удивительнымъ образомъ преобразило Россію какъ въ умахъ, такъ и во нравахъ.

Государства, подобно человѣку, имѣютъ разныенравственные возрасты: мудрый Законодатель слѣдуетъ взоромъ своимъ за ихъ измѣненіями, и отъ времени до времени обновляетъ систему свою, прибавляя или иначе располагая части ея. Что въ вѣкъ ПЕТРА ВЕЛКАГО было достаточно для скораго производства дѣлъ, то во дни ЕКАТЕРИНЫ уже не отвѣтствовало новымъ потребностямъ Россіянина. Со-

граждане! опытъ и размышленіе открываютъ намъ сію любопытную истину: „что быстрые шаги „человѣка къ Философіи и къ гражданскому совершенству *до нѣко„тораго отдаленія* бываютъ самые „безпокойные.“ Разумъ, помраченный невѣжествомъ, есть тихое, заростшее травою блато, котораго сонныя воды не знаютъ никакого бурнаго волненія; но первые лучи Философіи, пробуждая мысленную силу, раждаютъ сомнѣніе за сомнѣніемъ, которыя волнуютъ душу въ Океанѣ неизвѣстности: время заблужденій и дерзкихъ системъ! Но вихрь наконецъ утихаетъ, и разумъ, обогащенный идеями, находитъ для себя щасливую пристань, гдѣ тишина и мирныя наслажденія ожидаютъ его. Такъ и въ гражданскихъ обществахъ. Легко Законодателю управлять народомъ грубымъ и полудикимъ, котораго нужды, идеи и страсти мало-

численны, которaго душа недѣятельна и разумъ дремлетъ. Тогда новый гражданинъ въ случаѣ обиды скорѣе прибѣгнетъ къ человѣческой управѣ, нежели къ гражданской; тогда бываетъ болѣе ссоръ, нежели дѣлъ тяжебныхъ. Но когда гражданинъ, такъ сказать, *осмотрится* въ политическомъ обществѣ; когда, узнавъ новыя потребности, новыя выгоды стяжанія, онъ уже привыкнетъ ко власти законовъ, *отнимающихъ* и *дающихъ*: тогда раждается охота къ тяжбамъ, раждается ябеда, сія *хитрость простыхъ*, которая, безпокоя другихъ, сама себя изнуряетъ, и стремясь къ неправымъ пріобрѣтеніямъ, ведетъ за собою разореніе. Дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія исцѣляютъ гражданина отъ сей болѣзни, открывая каждому пользу справедливости, честности и мирной жизни; но пока сія щастливая премѣна не совершится, Законо-

датель умножаетъ способы правосудія для скорѣйшаго успокоенія невинности и наказанія ябедника. Со временъ ПЕТРА ВЕЛИКАГО до царствованія ЕКАТЕРИНЫ число тяжебныхъ дѣлъ безпрестанно возрастало, и Монархиня должна была установить новыя судилища (*).

Но творенія великихъ умовъ, подобно твореніямъ Природы, не ограничиваются благомъ единаго рода, и новое Учрежденіе ЕКАТЕРИНЫ представляетъ намъ въ своемъ намѣреніи различныя пользы для Россіи. Одна изъ великихъ мыслей сего Учрежденія есть ввести въ правленіе всѣ три гражданскія состоянія, пріучить людей къ законовѣдѣнію, утвердить правосудіе на собственномъ ихъ благѣ. Всякой можетъ быть судіею для равныхъ ему, и долженъ знать уставы государственные; всякой для

(*) См. Манифестъ при Учрежденіи.

своей безопасности избираетъ достойнѣйшаго, поручая ему нѣкоторымъ образомъ жребій свой; всякой, зная тяжбу, знаетъ и судящихся, будучи товарищемъ ихъ въ гражданской жизни; всякой боится употребить во зло общую довѣренность, ибо чрезъ три года возвратится онъ въ состояніе частнаго гражданина, и будетъ наказанъ общимъ презрѣніемъ, естьли не исполнитъ обязанностей чести.

Монархиня повелѣла — и Россія, дотолѣ не соразмѣрная въ частяхъ своихъ, подобно дикому произведенію Натуры или слѣпаго случая, пріяла видъ гармоническаго размѣра, подобно творенію совершеннаго Искусства; части сравнялись между собою, и каждая Губернія ограничилась удобнѣйшимъ для нее пространствомъ. Монархиня повелѣла — и гласъ Ея, какъ лира Амфіонова, творитъ новые грады, естьли не великолѣпіемъ художе-

ства, то своею пользою украшенные. Уже земледѣлецъ не принужденъ на долго разставаться съ мирными Пенатами, чтобы въ отдаленіи искать защиты отъ притѣснителя, суда на хищнаго сосѣда, или потребностей для жизни своей. Уже каждое селеніе означаетъ близость города, гдѣ правосудіе беретъ подъ свою эгиду пастыря и оратая; гдѣ торговля удовлетворяетъ ихъ главнымъ потребностямъ, и гдѣ свободно мѣняются они плодами трудовъ своихъ. Благоразумный Политикъ видитъ въ начальномъ недостаткѣ сихъ юныхъ заведеній будущіе ихъ успѣхи и богатство. Такъ юное древо, съ трудомъ пробиваясь сквозь твердыя глыбы земли, едва, едва примѣтно на ея зеленой поверхности; но время возвышаетъ его — и величественный дубъ осѣняетъ землю.

Сіи округи, заключая въ сре-

допочіи своемъ столицу Губерніи, которая управляетъ ихъ политическими дѣйствіями, представляютъ образъ различныхъ семействъ подъ начальствомъ единаго, главнаго, и Государевъ Намѣстникъ имѣлъ пріятную власть отца (*). *Ходатай за пользу общую и государственную, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ, но не судія,* онъ наблюдалъ теченіе правосудія, движеніе вѣсовъ его, и могъ остановить беззаконіе, относясь или въ Сенатъ, или къ Самой Монархинѣ: *пресѣкалъ всякаго роду злоупотребленія*, *излишнюю роскошь, тиранство и жестокости. Доброхотство и любовь къ народу* долженствовали быть его главнымъ свойствомъ (**). — Монархическое Правленіе требуетъ такого соединенія блюстительныхъ властей

(*) Сія благодѣтельная должность есть нынѣ должность Губернаторовъ.

(**) См. Учрежденіе.

въ одномъ человѣкѣ, для храненія порядка въ разныхъ удѣлахъ государства — и когда Франція вышла изъ бурнаго хаоса безначалія и снова заняла мѣсто свое между Европейскими Державами, тогда хитрый властелинъ ея, наученный опытностію, долженъ былъ для лучшаго благоустройства установить Префектовъ, которые суть ни что иное, какъ Намѣстники Государевы.

Учрежденіе Губернскаго Правленія было совсѣмъ новое и безпримѣрное въ Россіи: мѣсто ограниченное исполнительною властію, безъ всякой судебной. Монархиня чувствовала, сколь нужно отдѣлить сію власть, чтобы главное мѣсто въ Губерніи не присвоило себѣ опаснаго самовластія; и такимъ образомъ оно не можетъ предписать рѣшенія нижнимъ Судамъ, которые въ совершенной свободѣ дѣйствуютъ по уставамъ;

но требуетъ отъ нихъ скорости, наказываетъ пенею нерадивую медленность, и въ случаѣ неисправленія предаетъ виновнаго законамъ; слѣдственно имѣетъ всѣ способы благотворить обществу, не вмѣшиваясь въ права Судейскія.

Прежде въ Губернскихъ и градскихъ судилищахъ соединялись дѣла всякаго роду, и своимъ множествомъ, своимъ разнообразіемъ затрудняли ихъ: Монархиня отличила гражданскія отъ уголовныхъ, частныя отъ государственныхъ, и предписала имъ особенный путь, какъ для скорѣйшаго, такъ и для лучшаго производства: ибо единство упражненій научаетъ Судію быстрому соображенію обстоятельствъ и вѣрнѣйшимъ способамъ открывать истину. Два Департамента Магистратовъ, Верхнихъ Расправъ и Земскихъ Судовъ, Уголовная и Гражданская Палаты, образуютъ двѣ нити правосудія, ко-

торыя соединяются между собою только въ дѣлахъ смѣшенныхъ или двоякихъ. Сіи Палаты, имѣя права Коллегій, судятъ въ средоточіи Губерній; нѣтъ дальнихъ переносовъ; всѣ нужныя объясненія могутъ быть доставляемы скоро, и медленность, первое зло по неправдѣ, пресѣкается. — Государственныя пользы, ввѣренныя Казенной Палатѣ (которая дѣйствуетъ, такъ сказать, на мѣстѣ, знаетъ обстоятельства, знаетъ особенныя выгоды своей Губерніи, и не развлекается уже никакими другими предметами) составили лучшую систему хозяйства; Казна обогатилась новыми доходами и вѣрнѣйшимъ сборомъ прежнихъ.

Дворянская Опека и Сиротскій Судъ, которые, подобно небесному Провидѣнію, пекутся о беззащитныхъ младенцахъ и вдовахъ — Общественное Призрѣніе, которое благотворитъ нещастнымъ жер-

шеамъ бѣдности и недуговъ, воспитываетъ сирыхъ, управляетъ работными *домами* (гдѣ бѣдный гражданинъ, лишенный всего, кромѣ силъ, трудами своими живетъ и другимъ пользу приноситъ) мѣстами наказанія, или, лучше сказать, исправленія гражданскихъ пороковъ—и наконецъ Совѣстный Судъ, который есть *человѣколюбіе правосудія* (божественная и безпримѣрная мысль въ законодательствѣ!) останутся въ Россіи вѣчнымъ памятникомъ того, что нѣкогда Добродѣтель въ лицѣ Монархини управляла ею.

Политическое и нравственое дѣйствіе такого новаго, всеобъемлющаго Учрежденія долженствовало скоро означиться въ государствѣ.

Многочисленное Россійское Дворянство со временъ ПЕТРА ВЕЛИКАГО служило мечемъ отечеству до изнеможенія силъ своихъ; тогда подъ знаменами воинскими, въ

шумныхЪ лагерямЪ, среди опасностей и сраженій, надлежало искать почтенныхЪ сыновЪ Россіи. Великій ИмператорЪ, образуя армію, хотѣлЪ, чтобы отличенные гражданскими правами отличались ревностію и служили до послѣдней возможности; необходимость сего требовала. Но обстоятельства перемѣнились. Уже Россія могла обойтися безЪ сего принужденія, и ПЕТРЪ III заслужилЪ благодарность Дворянства, оказавЪ довѣренность кЪ его свободной патріотической ревности. СЪ того времени провинціи и села оживились присутствіемЪ многихЪ благородныхЪ, которые могли сЪ честію оставить воинскую службу; они вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь; хозяйство и ловля звѣрей, которая пріятнымЪ образомЪ напоминала имЪ воинскую дѣятельность, были единственнымЪ ихЪ

занятіемЪ. Россія, особливо вЪ отдаленныхЪ частяхЪ своихЪ, представляла картину *Феодальныхъ* вѢковЪ Европы, когда всякой владѢлецЪ казался отдѢленнымЪ отЪ государства составомЪ; и естьли бы тяжбы, раждаемыя грубымЪ корыстолюбіемЪ, и самою праздностію, не давали иногда чувствовать нашимЪ ДворянамЪ зависимости ихЪ отЪ Правленія, то они могли бы нѢкоторымЪ образомЪ забыть отношенія гражданина кЪ государству. Такое состояніе конечно не благопріятствовало духу общественности и патріотизма.

Но открытіе НамѢстничествЪ открыло ДворянамЪ новое поле дѢятельности, вывело ихЪ изЪ произвольнаго заточенія, соединило вЪ общество, болѢе познакомило между собою и возвысило цѢну добраго мнѢнія о человѢкѢ. Прежде любопытные иностранцы находили вЪ Россіи пустые, унылые го-

рода, гдѣ пять или шесть Судей составляли все общество; но теперь въ каждой Губерніи находятъ они цвѣтущую столицу, украшенную новыми зданіями, оживленную присутствіемъ многочисленнаго Дворянства, которое призываетъ ихъ къ весельямъ лучшихъ Европейскихъ городовъ, и своимъ пріятнымъ гостепріимствомъ, ласковою учтивостію доказываетъ имъ, что обширныя степи и лѣса не служатъ въ Россіи преградою для успѣховъ свѣтской людскости.

Прежде какая-то грубая, восточная пышность отличала богатыхъ Дворянъ въ провинціяхъ: теперь общій вкусъ въ жизни сближаетъ состоянія, безъ роскоши украшаетъ посредственность и самому недостатку даетъ видъ довольства.

Прежде Дворяне наши гордились какою-то, можно сказать, дикою независимостію въ своихъ по-

мѣстьяхъ: теперь, избирая важныя судебныя власти, и чрезъ то участвуя въ правленіи, они гордятся своими великими государственными правами, и благородныя сердца ихъ болѣе нежели когда нибудь любятъ свое отечество.

Прежде чадолюбивый родитель, удаленный отъ столицы, въ сельскомъ уединеніи не имѣлъ средства достойнымъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей: теперь, въ новомъ порядкѣ вещей, нашелъ онъ болѣе возможности образовать умъ и сердце ихъ. Пребываніе многихъ дворянскихъ семействъ въ Губернскихъ городахъ и старанія Правительства способствовали вездѣ заведенію благородныхъ училищъ.

Сія перемѣна, столь благопріятная для государственнаго просвѣщенія, не имѣла вреднаго дѣйствія и на сельское хозяйство. Великая Законодательница все предвидѣла, и почти для всѣхъ Дворянъ,

избираемыхЪ вЪ должность, назначила мѣсяцы отпусковЪ вЪ самое то время, когда сельскія работы требуютЪ глазЪ помѣщика. Ссылаясь на опытЪ, спрашиваю: не процвѣло ли вЪ наше время и самое земледѣліе вЪ Россіи? Сіе изЪясняется двумя причинами: вопервыхЪ открылись новые способы для торговли, всегда имѣющей вліяніе на хлѣбопашество; вовторыхЪ Дворяне, чрезЪ взаимное сообщеніе свѣдѣній, узнали лучшіе способы земледѣлія, и старинныя предразсужденія, (ибо оно также имѣетЪ ихЪ) уступили мѣсто новѣйшимЪ полезнымЪ опытамЪ.

Дерзну ли еще сказать истину? Новое Учрежденіе пресѣкло многія злоупотребленія господской власти надЪ рабами, поручивЪ ихЪ судьбу особенному вниманію Намѣстника. Сіи гнусные, но кЪ утѣшенію добраго сердца малочисленные тираны, которые забываютЪ, что быть

господиномъ есть, для истиннаго Дворянина, быть отцемъ своихъ подданныхъ, не могли уже тиранствовать во мракѣ; лучь мудраго Правительства освѣтилъ ихъ дѣла; страхъ былъ для нихъ краснорѣчивѣе совѣсти, и судьба подвластныхъ земледѣльцевъ смягчилась. Но чувствительное и патріотическое сердце желало бы еще найти другую, утѣшительнѣйшую причину такой благой перемѣнѣ — и для чего, сверхъ боязни, не признать намъ въ семъ случаѣ и спасительнаго дѣйствія лучшей нравственности?

Чрезъ умноженіе *окружныхъ* городовъ умножилось купечество, и процвѣло чрезъ многолюдство *Губернскихъ*, которыхъ торжища скоро представили богатое собраніе плодовъ Россійской и чужеземной промышленности. Самые нравы торговыхъ людей, отъ многихъ и близкихъ сношеній съ Дворянствомъ

болѣе просвѣщеннымъ, утратили прежнюю свою грубость; и богатый купецъ, видя предъ собою образцы въ лучшемъ искусствѣ жизни, непримѣтно заимствовалъ вкусъ и свѣтскую обходительность.

Земледѣльцы, сельскою добродѣтелію отъ плуга на ступени Ѳемидина храма возведенные, судьи себѣ подобныхъ, долженствовали съ пріобрѣтеніемъ такихъ новыхъ правъ возвыситься въ духѣ своемъ, узнать лучше гражданскую жизнь и законы, служащіе ей основаніемъ; долженствовали, возвращаясь подъ домашній кровъ свой, быть опытными совѣтниками и миротворцами поселянъ.

Установленію сельскаго Благочинія обязаны мы безопасностію дорогъ и уменьшеніемъ всякаго рода безпорядковъ. Давно ли еще путешественникъ трепеталъ грозныхъ лѣсовъ Россіи? давно ли внезапный шумъ листьевъ ужасалъ его сер-

дце? Давно ли дикіе, уединенные гроты были вертепомъ разбойниковъ? Но дѣятельная новая власть проникла въ самую непроницаемость древнихъ лѣсовъ, въ сіе отечество злодѣевъ; истребила ихъ тайныя убѣжища, и обнимая всемѣстность взоромъ своимъ, препятствуетъ самому зарожденію опасныхъ скопищъ. Теперь путешественникъ не страшится ничего въ обширныхъ предѣлахъ Россіи; теперь, подъ щитомъ невидимой власти, безпечно и спокойно углубляется онъ въ самыя дикія мѣста, и отечество наше есть для него самая безопаснѣйшая страна въ Европѣ.

Сограждане! я означилъ только главныя дѣйствія сего Учрежденія ЕКАТЕРИНЫ, дѣйствія уже явныя; но еще многія хранятся въ урнѣ будущаго, или въ началѣ своемъ менѣе примѣтны для наблюдателя. Оно, необходимо просвѣщая народъ,

окажется тѣмъ благодѣтельнѣе въ слѣдствіяхъ, чѣмъ народъ будетъ просвѣщеннѣе.

Но при концѣ сего начертанія взоръ мой невольно устремляется на всю неизмѣримую Имперію, гдѣ столько морей и народовъ волнуется, гдѣ столько климатовъ цвѣтетъ или свирѣпствуетъ, гдѣ столько необозримыхъ степей разстилается, и столько величественныхъ горъ бросаетъ тѣнь на землю! Я воображаю сіи едва вообразимыя пространства со всѣми ихъ жителями, и думаю: „ЕКАТЕРИНА, „подобно Божеству, согласила все „*словомъ* Своимъ; отдаленные бе„рега Ледовитаго моря представ„ляютъ тотъ же государствен„ный порядокъ, которому на бре„гахъ величественной Волги или „Невы удивляемся; народы, столь „различные, правятся единымъ „уставомъ; части, толь несход„ныя, всеобщимъ Учрежденіемъ Мо-

„нархини приведены въ цѣлое, и „безчисленныя страны Россійскія „составили разныя семейства еди„наго отечества!“ Сія мысль восхищаетъ духъ мой!

Какъ искусный художникъ, сотворивъ хитрое орудіе, и приводя его въ движеніе, еще не опускаетъ творческой руки своей, но внимательно наблюдая, прибавляетъ, чего недостаетъ къ совершенству онаго: такъ Великая ЕКАТЕРИНА, исполнивъ мудрое Свое Учрежденіе, еще не успокоилась отъ трудовъ законодательныхъ, но спѣшила увѣнчать ихъ новыми.

Уставъ Благочинія (*) содержитъ въ себѣ не только всѣ способы внѣшняго порядка и безопасности, но и самыя святѣйшія правила Гражданскаго нравоученія, столь любезнаго добродѣтельному сердцу Монархини. Такъ называе-

(*) Обнародаванный въ 1782 году, Апр. 8.

емое *Зерцало Благочинія* есть зерцало всѣхъ взаимныхъ гражданскихъ обязанностей, предложенныхъ съ тою ясною краткостію, которая должна быть характеромъ законовъ, и которая сколь неплодовита словами, столь мыслями и отношеніями богата. Оно даетъ Полиціи священныя права Римской Ценсуры; оно предписываетъ ей не только устрашать злодѣйство, но и способствовать благонравію народа, питать въ сердцахъ любовь къ добру общему, чувство жалости къ нещастному: сіе первое движеніе существъ нравственныхъ, слабыхъ въ уединеніи и сильныхъ только взаимнымъ между собою вспоможеніемъ; оно предписываетъ ей утверждать миръ въ семействахъ, основанный на добродѣтели супруговъ, на любви родительской, и неограниченномъ повиновеніи дѣтей (*):

(*) См. Зерцало Благочинія.

ибо *миръ въ семействахъ есть миръ во градѣ*, по словамъ древняго Философа. Однимъ словомъ: Монархиня превратила въ законъ мысли Наказа Ея о семъ предметѣ, и никакое другое государство не имѣетъ столь мудраго и совершеннаго Полицейскаго Устава.

Начало Дворянства нашего теряется во мракѣ вѣковъ. Благородные Россіяне были конечно прежде сердцемъ и душею, нежели именемъ благородные. Мало по малу, въ теченіе временъ, дѣлами знаменитые роды составили въ нашемъ отечествѣ первую ограду Трона, и особенное состояніе подъ названіемъ Дворянскаго. Награжденные отъ Государей помѣстьями, они имѣли право умножать ихъ куплею, и сверхъ того занимать первыя мѣста какъ въ гражданскомъ, такъ и въ воинскомъ порядкѣ. Петръ III даровалъ имъ вольность: ЕКАТЕРИНА распространила ихъ политиче-

скія дѣйствія; но еще недоставало полнаго изображенія правъ Дворянскихъ, утвержденнаго Монаршею властію и торжественно преданнаго вѣкамъ въ образѣ священнаго монумента. ЕКАТЕРИНА обнародовала *Грамоту Дворянства*, гдѣ, представляя въ блестящей картинѣ всѣ заслуги его, представляетъ Она и всѣ награды, которыми отечество изъявило ему свою признательность. Монархиня именемъ Неба скрѣпляетъ святость, вѣчность и непоколебимость сихъ преимуществъ

Здѣсь обращаюсь къ вамъ, мои собратія, благородные сыны Россіи, потомки мужей именитыхъ! и мысленно развертывая предъ вами сію государственную хартію, на которой сіяютъ всѣ великія права Дворянства, вопрошаю: чего недостаетъ къ совершенству нашего гражданскаго благоденствія? какихъ выгодъ можемъ еще желать? кому завидовать? Мы свободны!

судимы только равными себѣ! боимся однихъ законовъ! имѣемъ голосъ въ Имперіи, и Монархъ внимаетъ ему! Наша собственность неотъемлема; достоинство родовъ и право наслѣдства сохранены, но мы по волѣ располагаемъ пріобрѣтеніями. Земля, которою владѣемъ, для насъ отверзаетъ нѣдра свои и тайныя сокровища; для насъ текутъ воды въ ея пространствѣ! И естьли нѣкоторыя особенныя склонности влекутъ насъ въ климаты чуждые; естьли полезное любопытство наше требуетъ себѣ новой пищи; естьли кроткое небо южной Европы обѣщаетъ намъ лучшее здравіе: мы свободны! Дворянинъ Россійской есть гражданинъ вселенныя; нѣтъ преграды для путей его. Но и тамъ, въ странахъ отдаленныхъ, отечество не престаетъ намъ благодѣтельствовать; и тамъ мы наслаждаемся плодами нашей собственности, въ нѣдрахъ

его оставленной; оттуда располагаемъ ею, и внѣ Россіи живемъ Россіею (*)! Но естьли полная мѣра политическаго благоденствія есть наша доля, то будемъ же признательны, и не забудемъ, что великія отличія приносятъ съ собою и великія должности; что благородный есть или человѣкъ добродѣтельный, или поношеніе своего рода; что быть полезными есть первая наша обязанность; и что истинный Россійскій Дворянинъ не только посвящаетъ жизнь отечеству, но готовъ и смертію доказать безпредѣльную любовь свою къ его благу!

ЕКАТЕРИНА, возобновивъ или умноживъ права наши, въ тоже время обнародовала и *Городовое Положеніе,* которое навѣки утвердило *среднее состояніе* въ Россіи, опредѣливъ сферу дѣйствій его, и на-

(*) См. Дворянскую Грамоту, подписанную въ 1785 году, 21 Апр.

значивъ въ ней разныя степени, увѣнчанныя наконецъ титломъ Именитаго Гражданина, который имѣетъ уже часть Дворянскихъ преимуществъ, и даетъ внуку своему право требовать сего достоинства. Каждая новая степень приноситъ съ собою новыя выгоды для общежитія, открываетъ вблизи еще важнѣйшія, возбуждаетъ ревность къ трудамъ, ревность къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, и питая честолюбіе, способствуетъ государственному благу. Монархиня знала человѣческое сердце и тайну гражданскихъ обществъ; знала, что самые легкіе виды отличія производятъ дѣла важныя; знала, что всѣ государственныя степени, возвышаясь одна предъ другою, должны имѣть нѣкоторую связь — и такимъ образомъ Дворянинъ уже подаетъ руку Именитому Гражданину, который, переходя наконецъ въ санъ благород-

ныхъ, оставляетъ за собою лѣстницу для другихъ ему подобныхъ. Естьли иностранные Писатели донынѣ говорятъ, что въ Россіи нѣтъ *средняго состоянїя*, то пожалѣемъ о ихъ дерзкомъ невѣжествѣ; но скажемъ, что ЕКАТЕРИНА даровала сему важному состоянію истинную политическую жизнь и цѣну; что всѣ прежнія его установленія были недостаточны, не тверды и не образовали полной системы; что Она первая обратила его въ государственное достоинство, которое основано на *трудолюбїи* и *добрыхъ нравахъ*, и которое можетъ быть утрачено пороками (*); что Она первая поставила на главную ступень его цвѣтъ ума и талантовъ: мужей просвѣщенныхъ науками, украшенныхъ изящными дарованіями (*), и чрезъ то утвер-

(*) См. Городовое Положеніе.

(**) Ученые и художники по сему закону имѣютъ право на достоинство Именитыхъ Гражданъ.

дила закономъ, что государство, уважая общественную пользу трудолюбіемъ снисканныхъ богатствъ, равномѣрно уважаетъ и личные таланты, и признаетъ ихъ нужными для своего благоденствія.

Такимъ образомъ Монархиня производила въ дѣйство великія идеи Своего Наказа; такимъ образомъ Ея собственная мудрая рука постепенно образовала полную государственную систему Монархической Россіи, согласную съ истиннымъ щастіемъ *человѣка*, слѣдственно несогласную съ печальнымъ именемъ *раба*, которымъ прежде гражданинъ назывался въ отечествѣ нашемъ, и которое навсегда уничтожилось ЕКАТЕРИНОЮ (*). Глубокомысленный Политикъ и Философъ видитъ предъ собою величественное, огромное зданіе, которое всякою частію удивляетъ разумъ, свидѣтель-

(*) Указомъ 1786 года, Февраля 19.

ствуетъ мудрость зодчаго, и должно повелѣвать вѣками. Естьли Великая не совершила его. . . пожалѣемъ о краткомъ вѣкѣ смертнаго! Когда бы Монархи были только Законодателями, то ЕКАТЕРИНА безъ сомнѣнія успѣла бы образовать Россію совершенно; но труды ихъ столь безчисленны, столь разнообразны, что умъ обыкновенный теряется въ сей необозримости. Внѣшняя Политика, внутреннее правленіе, трудное и на многіе предметы обращенное правосудіе, занимая всю душу, истощаютъ ея дѣятельность, которая, укрываясь въ частяхъ своихъ отъ глазъ Историка, не менѣе нужна и спасительна для государствъ; и которая, подобно тонкимъ, едва замѣтнымъ нитямъ ручейка, мало по малу образующимъ свѣтлую рѣку, обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя только чрезъ большее пространство времени, представляя

картину народнаго щастія, удовольствія и порядка (*).

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Монархиня давала законы, Мать подданныхъ благотворила полезными учрежденіями.

Сограждане! сей огромный Домъ, который украшаетъ древнюю столицу Россійскую, величественно осѣняя рѣку ея — сей Домъ предметъ удивленія Европы, всѣхъ любопытныхъ чужеземцевъ, всѣхъ друзей человѣчества — есть храмъ, посвященный ЕКАТЕРИНОЮ Мило-

(*) Я не могу говорить здѣсь о всѣхъ Указахъ ЕКАТЕРИНЫ: на примѣръ, о межеваніи, о фабрикахъ, о таможняхъ, о рудокопняхъ, о почтѣ, о сборѣ податей, о банкахъ, и проч. Всѣ они доказываютъ Ея попечительность о пользѣ государства и гражданъ.

сердію! Тамъ нещастные младенцы, жертвы бѣдности или стыда — не радость, но ужасъ родителей въ первую минуту бытія своего; отвергаемые міромъ при самомъ ихъ вступленіи въ міръ; невинные, но жестоко наказываемые Судьбою — пріемлются во святилище добродѣтели, спасаются отъ бури, которая сокрушила бы ихъ на первомъ дыханіи жизни; спасаются и — что еще болѣе — спасаютъ, можетъ быть, родителей отъ адскаго злодѣянія, къ нещастію не безпримѣрнаго! находятъ человѣколюбивое призрѣніе; не только кровъ и пищу, но и всѣ лучшіе, мудрою благостію вымышленные способы укрѣплять ихъ здравіе, образовать душу, предупреждать физическое и нравственное зло. Тамъ всегдашнія, трогательныя попеченія небесной благодѣтельности не уступаютъ самымъ нѣжнѣйшимъ родительскимъ попеченіямъ, и осыпая цвѣта-

ми колыбель младенцевъ, скрываютъ отъ сиротъ нещастіе сиротства; тамъ кроткая улыбка добродушной Надзирательницы замѣняетъ для юныхъ сердецъ щастливую улыбку матери; тамъ благоразумный Надзиратель заступаетъ мѣсто отца, и пріучая ихъ къ трудолюбію, къ порядку, готовитъ въ нихъ отечеству полезныхъ гражданъ. Искусные въ художествахъ и ремеслахъ, которыя дѣлаютъ человѣка независимымъ властелиномъ жизни своей, сіи питомцы Монаршей щедроты выходятъ въ свѣтъ, и послѣдній даръ, ими изъ рукъ Ея пріемлемый, есть — гражданская свобода. Они выходятъ, обогащенные средствами устроить себѣ пріятную долю въ обществѣ, которое ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ и, такъ сказать, разсыпаетъ предъ ними свои жребіи; они избираютъ — и сей, нѣкогда отверженный младенецъ, спасенный

Монаршимъ провидѣніемъ отъ вѣрной гибели, есть теперь надежный помощникъ Именитаго Гражданина въ дѣлахъ торговыхъ, или примѣръ искуснаго ремесленника, или исправный письмоводитель въ домѣ вельможи. — Трудолюбивый мѣщанинъ среди воспитанницъ Сиротскаго Дому находитъ себѣ подругу, наученную всѣмъ женскимъ работамъ и правиламъ хозяйства.

Да скажутъ тѣ, которые путешествовали въ странахъ чуждыхъ, и вездѣ искали знаковъ человѣколюбиваго Правленія—да скажутъ они, гдѣ представлялось взору ихъ нѣчто подобное Сиротскому Дому ЕКАТЕРИНЫ? Какое другое благодѣтельное заведеніе можетъ равняться съ нимъ обширностію плана, богатымъ основаніемъ, порядкомъ, а всего болѣе успѣхомъ и пользою? Какое другое заведеніе пріобрѣло столько общей довѣренности, чтобы частные люди по-

вѣряли ему драгоцѣнную собственность охотнѣе, нежели первымъ богачамъ въ Имперіи, и такимъ образомъ на цвѣтущемъ его состояніи утверждали свой достатокъ?

Симъ великимъ учрежденіемъ Монархиня открыла истинному человѣколюбію и патріотизму самый лучшій способъ дѣйствія. Естьли вы, любимые сыны щастія, хотите доказать Провидѣнію свою признательность за дары Его; естьли чувствительное сердце ваше имѣетъ нужду излиться въ благотвореніяхъ: то не на стогнахъ ищите предмета для оныхъ: тамъ не рѣдко вредная праздность одѣвается рубищемъ бѣдности, чтобы обмануть жалость и сострадание; но спѣшите въ сей храмъ добродѣтели, принести ей чистыя жертвы удѣленіемъ вашего избытка: ибо ЕКАТЕРИНА позволила вамъ благотворить вмѣстѣ

съ Нею; — тамъ каждый даръ вашъ процвѣтетъ и украсится сторичнымъ плодомъ для святой пользы человѣчества. —

Монархиня, увѣренная, что благонравіе нѣжнаго пола въ вышшемъ состояніи имѣетъ сильное вліяніе на государственное благонравіе, основала, подъ собственнымъ Ея надзираніемъ, Домъ воспитанія для двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, чтобы сдѣлать ихъ образцемъ женскихъ достоинствъ. Уставъ сей и цѣлію и средствами своими заслужилъ искреннюю похвалу, искреннее удивленіе первыхъ умовъ въ Европѣ. Тамъ любовь и кротость должны ласкою образовать юное сердце для всѣхъ женскихъ добродѣтелей; тамъ чувствительность и нѣжность, обращенныя въ пріятную науку, расцвѣтаютъ въ душѣ отъ примѣровъ и наставленій. Нравствен-

ность есть главный предметъ; но и разумъ обогащается всѣми знаніями, всѣми идеями, нужными для того любезнаго существа, которое должно быть прелестію свѣта, сокровищемъ супруга и первымъ наставникомъ дѣтей. Пріятныя женскія рукодѣлья, которыя украшаютъ жизнь хозяйки — искуства Грацій, которыя милую природу и совершенства ея дѣлаютъ еще милѣе — входятъ также въ систему воспитанія. ЕКАТЕРИНА любила посѣщать сей прекрасный цвѣтникъ, Ею насажденный; любила смотрѣть на веселыхъ питомицъ, которыя, оставляя игры свои, спѣшили къ Ней на встрѣчу, окружали Ее радостными, шумными толпами, цѣловали Ея руки, одежду; единогласно называли матерью, и своею безпечною рѣзвостію въ присутствіи Монархини доказывали, что онѣ только любили, а не боялись Ее! Она знала

имена, самые характеры ихъ; награждала добрые успѣхи Своимъ благоволеніемъ, ласковыми взорами и похвалами; однимъ словомъ: Она казалась истинною матерію сего многочисленнаго , цвѣтущаго семейства. Всякой пріѣздъ Ея былъ щастливымъ торжествомъ для всего Дома. — Доставляя юнымъ дѣвицамъ невинныя забавы, Монархиня желала, чтобы онѣ представляли иногда нравоучительныя драмы; славный Расинъ писалъ для Сенъ Сира: еще славнѣйшій Геній Фернейской (*) хотѣлъ перомъ своимъ способствовать полезнымъ удовольствіямъ воспитанницъ ЕКАТЕРИНЫ, Которая, занимая величіемъ Своимъ театръ міра, съ веселіемъ занималась театромъ любезнаго дѣтства — и минуты , проведенныя Ею въ Воскресенскомъ монастырѣ , были

(*) См. переписку ЕКАТЕРИНЫ съ Вольтеромъ.

конечно не потерянными для щастія минутами Ея царствованія. Она предчувствовала мирное благополучіе семействъ, которое долженствовало быть плодомъ сего учрежденія — и не обманулась. Какое-то невинное добродушіе, милая искренность, благонравіе, сверхъ знаній и талантовъ, бываютъ особеннымъ характеромъ Монастырскихъ воспитанницъ.—Монархиня основала также и для мѣщанскаго состоянія училище, котораго питомицы приготовляются быть хорошими, добронравными хозяйками, искусными въ рукодѣльяхъ, и на всю жизнь остаются подъ особенною защитою Опекунскаго Совѣта (*).

(*) Не рѣдко самыя лучшія учрежденія, не будучи уже одушевляемы дѣятельнымъ надзираніемъ перваго творца ихъ, мало по малу теряютъ всю пользу; но Сиротской Домъ и *Воскресенское Училище дѣвицъ* имѣли ща-

Академія Художествъ существовала въ Россіи едва ли не однимъ именемъ; ЕКАТЕРИНА даровала ей истинное бытіе, законы и права, взявъ ее подъ личное Свое покровительство, въ совершенной независимости отъ всѣхъ другихъ властей; основала при ней воспитательное Училище; ободряла таланты юныхъ художниковъ; посылала ихъ въ отчизну Искусства вникать въ красоты его среди величественныхъ остатковъ древности, тамъ, гдѣ самый воздухъ вливаетъ, кажется, въ грудь *чувство изящнаго*, ибо оно есть чувство народное; гдѣ Рафаель, ученикъ Древнихъ, превзошелъ своихъ учителей, и гдѣ Микель Анджело *одинъ* сравнялся съ ними во *всѣхъ* Искусствахъ. Тамъ

стіе найти новую Покровительницу въ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВѢ Вдовствующей ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, Которая оживляетъ ихъ Своимъ попеченіемъ.

питомцы Россійскаго Художества обогащались мыслями, и кисть и рѣзецъ и взоръ свой образовали по великимъ твореніямъ Генія. Сказавъ: *и мы, и мы художники*! они творили — и первыя въ Европѣ Академіи хотѣли имѣть ихъ своими Членами. — Съ того времени похвальный вкусъ къ художествамъ распространился въ Россіи; съ того времени столицы наши гордятся великолѣпными зданіями собственныхъ Архитекторовъ; красоты живописи и ваянія расцвѣли въ нашемъ климатѣ, и Россіянинъ, не выѣзжавъ изъ отечества, можетъ говорить объ Искусствѣ. — Права, данныя Академіи, служатъ величайшею почестію, какую только Государь можетъ оказать дарованіямъ: всякой ея питомецъ есть навѣки свободный человѣкъ со всѣмъ его родомъ, подсудимъ ей одной, или по крайней мѣрѣ безъ ея вѣдѣнія не судится другою властію;

воленъ жить независимо своимъ талантомъ, воленъ избрать всякую службу, но ни къ какой не принуждается. Симъ важнымъ правомъ ЕКАТЕРИНА почтила въ Россіи и художества и свободу!

Кадетскій Корпусъ, учрежденный Императрицею Анною, производилъ хорошихъ Офицеровъ, и даже Военачальниковъ; ко славѣ его должно вспомнить, что Румянцевъ былъ въ немъ воспитанъ. Но сіе учрежденіе клонилось уже къ своему паденію, когда ЕКАТЕРИНА обратила на оное творческій взоръ Свой — умножила число питомцевъ, надзирателей; предписала новые для нихъ законы, сообразные съ человѣколюбіемъ, достойныя Ея мудрости и времени. Военная строгость, которая доходила тамъ не рѣдко до самой крайности, обратилась въ прилѣжное, но кроткое надзираніе, и юныя сердца, прежде ожесточаемыя грозными наказані-

ями, исправлялись отъ легкихъ пороковъ гласомъ убѣдительнаго наставленія. Прежде Нѣмецкой языкъ, Математика и военное Искусство были почти единственнымъ предметомъ науки ихъ: ЕКАТЕРИНА прибавила какъ другіе языки (особливожь совершенное знаніе Россійскаго), такъ и всѣ необходимыя для государственнаго просвѣщенія науки, которыя, смягчая сердце, умножая понятія человѣка, нужны и для самаго благовоспитаннаго Офицера; ибо мы живемъ уже не въ тѣ мрачныя, варварскія времена, когда отъ воина требовалось только искусство убивать людей; когда видъ свирѣпый, голосъ грозный и дикая наружность считались нѣкоторою принадлежностію сего состоянія. Уже давно первыя Европейскія Державы славятся такими Офицерами, которые служатъ единственно изъ благороднаго честолюбія, любятъ побѣду, а не крово-

пролитіе; повелѣваютъ, а не тиранствуютъ; храбры въ огнѣ сраженія, и пріятны въ обществѣ; полезны отечеству шпагою, но могутъ быть ему полезны и умомъ своимъ. Такихъ хотѣла имѣть Монархиня, и Корпусъ сдѣлался ихъ училищемъ. Привыкая ко всѣмъ воинскимъ упражненіямъ, они въ тоже самое время слушаютъ и нравоученіе, которое доказываетъ имъ необходимость гражданскаго порядка и законовъ; исполняя всегда справедливую волю благоразумныхъ Начальниковъ, сами пріобрѣтаютъ нужныя для добраго Начальника свойства; переводя Записки Юлія Цесаря, Монтекукулли или Фридриха, переводятъ они и лучшія мѣста изъ Расиновыхъ трагедій, которыя развиваютъ въ душѣ чувствительность; читая Исторію войны, читаютъ Исторію и государствъ и человѣка; восхищаясь славою Тюрена, восхищают-

ся и добродѣтелію Сократа; привыкаютъ ко грому страшныхъ орудій смерти, и плѣняются гармоніею нѣжнѣйшаго Искусства; узнаютъ и быстрые воинскіе марши и живописную игру тѣлодвиженій, которая, выражая дѣйствіе музыки, образуетъ пріятную наружность человѣка. Простая, здравая пища, мѣра трудовъ и отдыха, раздѣленіе часовъ на разныя упражненія, соотвѣтственныя каждому особенному возрасту, были предписаны ЕКАТЕРИНОЮ по лучшей физической и нравственной системѣ воспитанія, не Аѳинскаго, не Спартанскаго, но самаго пристойнѣйшаго для юнаго Россійскаго Дворянства въ вѣки Европейскаго просвѣщенія. — Питомцы выходятъ исправными, знающими Офицерами, способными и для гражданскихъ должностей, пріятными людьми для свѣта, съ характеромъ и съ правилами, имѣю-

щими щастливое вліяніе на всю жизнь ихъ.

ЕКАТЕРИНА съ прискорбіемъ видѣла, что образованіе благородныхъ дѣтей въ Россіи поручается родителями иностранцамъ, которые всего менѣе къ тому способны, не зная нашихъ нравовъ, духа народнаго; и которые, не имѣя къ отечеству нашему сыновней любви, не могутъ вселять ее и въ юныхъ учениковъ своихъ. Она повелѣла воспитывать, вмѣстѣ съ Кадетами, и нѣсколько мѣщанскихъ дѣтей, желая, чтобы они могли со временемъ посвятить себя званію учителей и замѣнить иностранцевъ. Уже многіе изъ нихъ, исполняя намѣреніе Монархини, въ сей почтенной должности заслужили благодарность родителей и самаго отечества.

Здѣсь справедливая народная признательность требуетъ наименовать того мужа, котораго глав-

ною страстію было способствовать успѣхамъ воспитанія въ Россіи, и который служилъ ЕКАТЕРИНѢ первымъ орудіемъ для исполненія ЕЯ благотворныхъ въ семъ великомъ дѣлѣ намѣреній. Бецкій жилъ и дышалъ добродѣтелію, не блестящею и не громкою, которая изумляетъ людей, но тихою и медленно-награждаемою общимъ уваженіемъ; рѣдкою: ибо люди стремятся болѣе къ блестящему, нежели къ основательному; и мужественною: ибо она не страшится никакихъ трудовъ. Онъ довольствовался славою быть помощникомъ ЕКАТЕРИНЫ, радовался своими трудами, и будучи строгимъ наблюдателемъ порядка, безпрестанно взыскивая и требуя, сей другъ человѣчества умѣлъ заслужить любовь и надзирателей и питомцевъ: ибо требовалъ только должнаго и справедливаго. Герой, искусный Министръ, мудрый Судія, есть

конечно украшеніе и честь государства; но благодѣтель юности не менѣе ихъ достоинъ жить въ памяти благодарныхъ гражданъ.

Корпусы Морской и Артиллерійской (*) обязаны ЕКАТЕРИНѢ нынѣшнимъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Первый образовалъ многихъ искусныхъ Офицеровъ, которыхъ и самые гордые Англичане уважаютъ. Чтобы сообщить лучшимъ питомцамъ его совершенную опытность, знаніе морей и всѣхъ чрезвычайныхъ феноменовъ сей величественной стихіи, Монархиня посылала ихъ въ отдаленности Океана, въ другія части міра, и молодые Офицеры Россійскіе имѣли славу повелѣвать старыми мореходцами Альбіона (**).—Корпусъ

(*) Онъ прежде назывался Школою.

(**) См. Указъ 62 году о Корпусахъ.— Многіе наши Офицеры, какъ извѣстно, служили на Англійскихъ корабляхъ.

Артиллерійской производитЪ лучшихЪ ИнженеровЪ для нашихЪ армій.

Греческое Училище, основанное для юныхЪ потомковЪ древнѣйшей Республики, которыхЪ отцы вѣчное изгнаніе предпочли вѣчному страху и рабству подЪ желѣзнымЪ скипетромЪ ОттоманскимЪ, пребудетЪ также памятникомЪ ЕКАТЕРИНИНОЙ благодѣтельности. Тѣ, которые вЪ нещастномЪ отечествѣ своемЪ не узнали бы, можетЪ быть, никогда славной его Исторіи, великихЪ именЪ ея, и самаго древняго языка ихЪ, научались во глубинѣ сѣвера гордиться своимЪ происхожденіемЪ. Во градѣ Святаго Петра воскресаютЪ для нихЪ священныя тѣни ГероевЪ и мудрецовЪ ГреческихЪ; во градѣ Святаго Петра юныя сердца ихЪ бьются при имени ТермопилЪ и Марафона; во градѣ Святаго Петра они бесѣдуютЪ сЪ ПлатономЪ

и Ксенофонтомъ; воображая древнюю славу Греціи, стремятся душею къ святымъ мѣстамъ ея; воображая настоящее униженіе страны ихъ, радуются пребыванію своему въ странѣ великихъ дѣлъ и Героевъ. Они не чужды въ Россіи — они *дома* — они въ отечествѣ славы (*)!

Такимъ образомъ Монархиня благотворила юности и человѣчеству въ своей Имперіи, вѣдая, что самые мудрые законы безъ добрыхъ нравовъ не сдѣлаютъ государства щастливымъ, и что нравы должны быть впечатлѣваемы на зарѣ жизни. Учреждая общественное воспитаніе, и полагая святую нравственность главнымъ его основаніемъ, Она торжественно объявила всѣмъ родителямъ Свое желаніе, чтобы они въ самомъ домашнемъ воспи-

(*) Еще учреждены Монархинею Горное, Лекарское и Судоходное Училища.

таніи сообразовались съ правилами, Ею обнародованными (*). Одна истинная Мать народа, повторяю, могла имѣть столько попеченія о благѣ дѣтей въ государствѣ.

Мать народа. . . конечно! . . Сердцу моему пріятно напомнить вамъ, о сограждане! еще трогательное доказательство сихъ нѣжныхъ чувствъ ЕКАТЕРИНЫ. Она съ самаго Своего вступленія на престолъ пеклась о физическомъ благосостояніи Россіи; установила Медицинскую Коллегію, и предписала ей (**) не только снабдить государство искусными врачами, но и собирать всѣ мѣстныя свѣдѣнія о болѣзняхъ народныхъ, о ихъ причинахъ; искать лекарствъ простѣйшихъ на всякую болѣзнь, особливо для земледѣльцевъ; изслѣдовать врачебную силу травъ Россійскихъ,

(*) См. главу о воспитаніи въ *Наказѣ*.
(**) Прежде была Медицинская Канцелярія.

и всякое полезное открытіе немедленно обнародовать для общаго блага. Сего не довольно: ужасный, неизъяснимый ядъ въ крови, съ которымъ родятся младенцы, обнаруживаясь въ своей жестокости, похищалъ въ Россіи едва ли не большую часть дѣтей, и на самыхъ спасенныхъ рокомъ оставлялъ страшные знаки своей свирѣпости и безобразія. Уже извѣстно было въ Европѣ средство избавленія; но Россія не пользовалась симъ благодѣтельнымъ открытіемъ, страшась новости, неизвѣданной очевиднымъ опытомъ. Что одна мать можетъ сдѣлать для своего обожаемаго младенца, то ЕКАТЕРИНА сдѣлала для Своихъ подданныхъ: Она привила Себѣ оспу!.. О слава человѣколюбія! день незабвенный для родителей, обязанныхъ ему спасеніемъ дѣтей и милою ихъ красотою! Благодарная Россія по справедливости его торжествовала — и чув-

ствительный отецЪ семейства никогда торжествовать не престанетЪ. ОнЪ украситЪ розами дѣтей своихЪ, и поведетЪ ихЪ вЪ священный храмЪ молить за ЕКАТЕРИНУ. Она собственнымЪ опытомЪ заставила насЪ прибѣгнуть кЪ щасливому средству, и сЪ того времени мы не боимся ужаснѣйшей эпохи вЪ физическомЪ бытіи нашемЪ.

Еще Монархиня не ограничила системы государственнаго просвѣщенія заведенными Ею воспитательными обществами, какЪ для благороднаго, такЪ и для мѣщанскаго состоянія. Лучи солнечные теряютЪ силу свою вЪ неизмѣримыхЪ пространствахЪ; столица, отЪ нѣкоторыхЪ частей Имперіи столь отдаленная, едва ли могла на нихЪ дѣйствовать. ЕКАТЕРИНА учредила вездѣ—вЪ малѣйшихЪ городахЪ, и вЪ глубинѣ Сибири — *Народныя училища,* чтобы разлить,

такъ сказать, богатство свѣта по всему государству. Особенная Коммисія, изъ знающихъ людей составленная, должна была устроить ихъ, предписать способы ученія, издавать полезнѣйшія для нихъ книги, содержащія въ себѣ главныя, нужнѣйшія человѣку свѣдѣнія, которыя возбуждаютъ охоту къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, служатъ ему ступенію къ вышшимъ знаніямъ, и сами собою достаточны уже для гражданской жизни народа, выходящаго изъ мрака невѣжества. Сіи Школы, образуя учениковъ, могутъ образовать и самыхъ учителей, и такимъ образомъ быть всегдашнимъ и время отъ времени яснѣйшимъ источникомъ просвѣщенія. Онѣ могутъ — и должны быть полезнѣе всѣхъ Академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы націи; и смиренный народный учитель, который дѣтямъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы, ариѳме-

тическія числа, и разсказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи Исторіи, или, развертывая нравственный катихизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгодно человѣку быть добрымъ, въ глазахъ Философа почтенъ не менѣе Метафизика, котораго глубокомысліе и тонкоуміе самымъ ученымъ едва вразумительно; или мудраго Натуралиста, Физіолога, Астронома, занимающихъ своею наукою только нѣкоторую часть людей. Естьли въ городахъ, едва возникающихъ, въ семъ новомъ твореніи ЕКАТЕРИНЫ, еще не представлялось глазамъ ни палатъ огромныхъ, ни храмовъ великолѣпныхъ: то въ замѣну сихъ, иногда обманчивыхъ свидѣтельствъ народнаго богатства, взоръ Патріота читалъ на смиренныхъ домикахъ любезную надпись: *Народное Училище* — и сердце его радовалось. Кто благоговѣлъ предъ Монархинею среди

Ея пышной столицы и блестящихъ монументовъ славнаго царствованія, тотъ любилъ и восхвалялъ Просвѣтительницу отечества, видя и слыша, въ стѣнахъ мирной хижины, юнаго ученика градской школы, окруженнаго внимающимъ ему семействомъ, и съ благородною гордостію толкующаго своимъ родителямъ нѣкоторыя простыя, но любопытныя истины, свѣданныя имъ въ тотъ день отъ своего учителя.

Словесность, сей главный органъ Генія и чувствительности; сія, можно сказать, посланница Неба, которая разноситъ изъ страны въ страну великія и полезныя идеи, соединяетъ умы и сердца, производитъ и питаетъ нѣжную потребность души: заниматься изящными мыслями, наслаждаться твореніемъ стройнаго воображенія, изліяніемъ сердца — Словесность была предметомъ особеннаго благоволенія и покровительства ЕКАТЕРИНЫ: ибо

Она знала ея сильное вліяніе на образованіе народа и на щастіе жизни. Всякое истинное дарованіе было правомъ на лестное отличіе—— и славная Россіяда въ Ея время украсила нашу Поэзію. Державинъ въ Рускихъ стихахъ оживилъ Горація, и представилъ новыя сильныя черты піитической живописи. Богданович своими цвѣтами осыпалъ Лафонтенову сказку, и въ легкомъ слогѣ игралъ воображеніемъ. Многіе другіе Стихотворцы явились —— и ЕКАТЕРИНА, дерзну сказать, была для нихъ Музою; душа ихъ пылала Ея славою, и хваля Премудрую, они не боялись казаться льстецами! Сама Она, великими дѣлами обремененная Монархиня, въ рѣдкіе часы досуга любила перомъ Своимъ способствовать успѣхамъ нашей Словесности. Европѣ извѣстно, что ЕКАТЕРИНА, плывя по величественной Волгѣ, въ то самое время, когда сильная буря

устрашала всѣхъ бывшихъ съ Нею, спокойно переводила Велисарія, къ безсмертной славѣ Мармонтеля! — Она указывала Рускимъ Авторамъ новые предметы, вредные пороки общества, которые должно осмѣивать Таліи, — черты характера народнаго, которыя требуютъ кисти таланта; писала, для юныхъ Отраслей Августѣйшаго Дому Своего, нравоучительныя повѣсти; но всего болѣе, чувствуя важность отечественной Исторіи (и предчувствуя, что сія Исторія должна нѣкогда украситься и возвеличиться Ею!) занималась Россійскими лѣтописями, изъясняла ихъ, соединяя предложеніе дѣйствій съ философскими мыслями, и драгоцѣнные труды Свои для Публики издавала. Желая присвоить Россіи лучшія творенія древней и новой чужестранной Литтературы, Она учредила Коммисію для переводовъ, опредѣлила

награду для трудящихся—и скоро почти всѣ славнѣйшіе въ мірѣ Авторы вышли на языкѣ нашемъ, обогатили его новыми выраженіями, оборотами, а умъ Россіянъ новыми понятіями. Чтобы утвердить Руской языкъ на правилахъ и привести въ систему, Монархиня основала Академію Словесности, по примѣру Французской, и мы обязаны сему трудолюбивому обществу Полнымъ Россійскимъ Словаремъ, нужнымъ для всякаго и необходимымъ для Авторовъ. Царствованіе Елисаветы произвело Ломоносова и Сумарокова; первый смѣло парилъ за орломъ Пиндаровымъ и бросалъ на бумагу сильныя, безсмертныя строфы; вторый имѣлъ славу написать нѣсколько нѣжныхъ и остроумныхъ стиховъ. Но сіи два Поэта не образовали еще нашего слога: во время ЕКАТЕРИНЫ Россіяне начали выражать свои мысли ясно для ума, пріятно для слуха, и вкусъ сдѣлал-

ся общимъ: ибо Монархиня Сама имѣла его и любила нашу Словесность; и естьли Она Своими ободреніями не произвела еще болѣе талантовъ, виною тому независимость Генія, который одинъ не повинуется даже и Монархамъ, дикъ въ своемъ величіи, упрямъ въ своихъ явленіяхъ, и часто самыя неблагопріятныя для себя времена предпочитаетъ блестящему вѣку, когда мудрые Цари съ любовію призываютъ его для торжества и славы.

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы покровительствовать науки и таланты въ Россіи, Она на всѣ страны міра, на всю область ума распространила Свои благодѣянія, и славу Свою возвышала, такъ сказать, славою всѣхъ отмѣнныхъ дарованій, Ею ободряемыхъ. Философы гордились благосклоннымъ воззрѣніемъ ЕКАТЕРИНЫ, и горѣли ревностію величать Ту, Которая воцарила съ Собою Философію, и

тайныя желанія мудраго человѣколюбія обратила въ государственные уставы. Вольтеръ жалѣлъ, что старость не позволяла ему видѣть *Сѣверную Владычицу сердецъ*. Пылкій Дидеротъ спѣшилъ лично изъявить Ей свое удивленіе. Плиній Франціи съ восторгомъ говорилъ, что одобрительное слово ЕКАТЕРИНЫ ему драгоцѣннѣе похвалъ Академическихъ (*). Даламберъ славился Ея милостію болѣе, нежели именемъ глубокомысленнаго Математика. Европа съ удивленіемъ читаетъ Ея переписку съ ними— и не имъ, но Ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаній! какое проницаніе! какая тонкость разума, чувства и выраженій! Та, Которая истощила Своимъ царствованіемъ всѣ похвалы міра, умѣла съ неподражаемою пріятностію хвалить цвѣты Словесности, игру

(*) См. Сешелево путешествіе въ Монбаръ.

остроумія, тонкую черту сердца. Сколь трогательно такое снисхожденіе въ Монархинѣ! Но *унижается* ли Монархъ, когда онъ сходитъ иногда съ высокаго трона, становится на ряду съ людьми, и будучи любимцемъ Судьбы, платитъ дань уваженія любимцамъ Природы, отличнымъ дарованіямъ? Власть разума не можетъ ли еще служить нѣкоторою опорою для политической власти? По крайней мѣрѣ она можетъ быть ея орудіемъ во всемъ, что касается до блага человѣчества. Такъ думали Августъ, Лудовикъ XIV, Фридрихъ и Петръ Великій, Который, приходя къ Боргаву, къ Лейбницу, говорилъ: *я съ вами человѣкъ* (*)! Такъ думала и Великая ЕКАТЕРИНА!

(*) Я читалъ переписку Лейбница съ Петромъ Великимъ. Ко славѣ того и другаго можно сказать, что они почитали другъ друга.

ВЪ Ея царствованіе Россійская Академія НаукЪ еще болѣе пріобрѣла знаменитыхЪ ЧленовЪ, и сдѣлалась несравненно полезнѣе для отечества, вопервыхЪ *ежемѣсячными сочиненіями,* которыя, будучи магазиномЪ историческихЪ и другихЪ любопытныхЪ свѣдѣній, распространяли ихЪ вЪ государствѣ; вовторыхЪ путешествіями ея ПрофессоровЪ по всѣмЪ обширнымЪ странамЪ Россіи: намѣреніе великое, достойное ЕКАТЕРИНЫ! исполненіе, достойное намѣренія! эпоха важная вЪ ученой Исторіи нашего государства и цѣлаго міра! Сіи избранные мужи должны были отЪ береговЪ Невы до горЪ РифейскихЪ, до морей Азовскаго, Каспійскаго и далѣе, видѣть и описать Россію вЪ трехЪ царствахЪ Природы, проникнуть во внутренность пустынь, во глубину пещерЪ и лѣсовЪ дремучихЪ, гдѣ око наблюдателя еще никогда не примѣ-

чало за творческою Натурою: гдѣ она искони дѣйствовала уединенно или предъ свидѣтелями невнимательными; исчислить минералы въ нѣдрахъ земли, растѣнія на зеленыхъ коврахъ ея, животныхъ въ трехъ стихіяхъ, и такимъ образомъ собрать богатства для Россійской Естественной Исторіи. Симъ предметомъ еще не ограничились труды ихъ: Монархиня желала, чтобы они изслѣдовали всѣ историческіе монументы въ нашей Имперіи; замѣчали слѣды народовъ, которые отъ странъ Азіи преходили Россію, сами исчезли, но оставили знаки своего теченія, подобно рѣкамъ изсохшимъ; желала, чтобы они въ развалинахъ, среди остатковъ древности, какъ бы забытыхъ временемъ, искали откровеній прошедшаго; чтобы они въ нынѣшнихъ многочисленныхъ народахъ Россійскихъ узнавали ихъ неизвѣстныхъ предковъ, разбирая

языки, происхожденіе и смѣсь оныхъ; чтобы они, наблюдая обычаи, нравы, понятія сихъ людей, сообщили Историку и Моралисту новыя свѣдѣнія, а Законодателю новыя средства благодѣянія.—Повелѣнія были исполнены, и не только Россія, но и вся Европа; не только Ученые, но и всѣ любопытные читаютъ съ удовольствіемъ и пользою драгоцѣнное описаніе сихъ путешествій.

Московскій Университетъ, подъ начальствомъ Шувалова (который всегда будетъ знаменитъ титломъ основателя его и Ломоносова Мецената) во время ЕКАТЕРИНЫ болѣе нежели прежде благотворилъ обществу: ибо щедрость Ея даровала ему болѣе способовъ дѣйствія. Многіе Ученые были имъ призваны изъ Германіи участвовать въ трудахъ его, наставлять юношество, питать въ немъ охоту къ наукамъ, и воспалять благородное соревно-

ваніе въ Россійскихъ Профессорахъ. Но всего болѣе оживляла Московскій Университетъ извѣстная всѣмъ любовь ЕКАТЕРИНЫ къ наукамъ, побуждая родителей учить дѣтей своихъ. Число юныхъ питомцевъ его съ каждымъ годомъ умножалось, а съ числомъ ихъ возрастала благодѣтельность сего храма просвѣщенія. И естьли мы видимъ нынѣ столь многихъ достойныхъ Судей въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; естьли слогъ приказный уже не всегда устрашаетъ насъ своимъ варварствомъ; естьли необходимыя правила Логики и языка соблюдаются не рѣдко въ опредѣленіяхъ судилищъ; естьли Министерство находитъ всегда довольно юношей, способныхъ быть его орудіями и служить отечеству во всѣхъ частяхъ своими знаніями: то государство обязано сею пользою Московскому Университету; Университетъ же

обязанъ сею великою славою ЕКАТЕРИНѢ и Духу Ея царствованія.

Чтобы еще болѣе размножить народныя свѣдѣнія чрезъ книги, Она дозволила вольныя Типографіи, учредивъ благоразумную Ценсуру, необходимую въ гражданскихъ обществахъ: ибо разумъ можетъ уклоняться отъ истины подобно какъ сердце отъ добродѣтели, и неограниченная свобода писать столь же безразсудна, какъ неограниченная свобода дѣйствовать. Но какъ мудрый Законодатель, избѣгая самой тѣни произвольнаго тиранства, запрещаетъ только явное зло, и многія сердечныя слабости предаетъ единому наказанію общаго суда или мнѣнія: такъ Монархиня запрещенію Ценсуры подвергла только явный развратъ въ важнѣйшихъ для гражданскаго благоденствія предметахъ, оставляя здравому разуму гражданъ отличать истины отъ заблужденій; по

есть, Она сдѣлала ее не только благоразумною, но и снисходительною, и сею довѣренностію къ общему суду пріобрѣла новое право на благодарность народную.

И такъ чудно ли, что Россія, въ 34 года дѣятельнаго царствованія, котораго главною цѣлію было народное просвѣщеніе, столь преобразилась, возвысилась духомъ, созрѣла умомъ, что отцы наши, естьли бы они теперь воскресли, не узнали бы ее? Естьли сердце Государей въ рукѣ Провидѣнія, то сердца народовъ въ рукѣ Государей: что могло устоять противъ неутомимаго въ благотвореніяхъ Правительства, которое дѣйствовало на Россію и славою внѣшнихъ успѣховъ, и мудрыми законами, и воспитаніемъ, и всѣми средствами просвѣщенія? Что могло не покориться всемогущей и благой волѣ, пылавшей тою огненною ревностію, которая бываетъ главнымъ

свойствомъ великихъ душъ, истинныхъ подобій Божества? ЕКАТЕРИНА, возведенная Самимъ Небомъ на тронъ едва не безпредѣльной въ мірѣ Имперіи, не ужаснулась безпредѣльныхъ Своихъ обязанностей, священныхъ для добродѣтели; но почувствовала вдохновеніе геройскаго сердца, которому все возможнымъ кажется, ибо самъ Богъ помогаетъ ему. Чувство каждой должности раждало въ Ней стремленіе и силу исполнить ее — и Россія, Ей нѣкогда чуждая, ставъ театромъ Ея добродѣтелей, сдѣлалась для ЕКАТЕРИНЫ истиннымъ отечествомъ, нѣжно любимымъ: ибо отечество для душъ великихъ есть та страна, гдѣ онѣ могутъ дѣйствовать; ихъ ближніе суть тѣ люди, которыхъ могутъ онѣ творить щастливыми. Чѣмъ болѣе Монархиня трудилась для Россіи, чѣмъ болѣе осыпала ее добромъ и славою, тѣмъ болѣе Она любила въ ней предметъ Своихъ благодѣяній;

и каждое благодѣяніе было для насъ залогомъ новаго. Сограждане! я изъясню теперь общее наше чувство: скажите, что великое и чудесное могло наконецъ удивить насъ въ дѣлахъ ЕКАТЕРИНЫ? Не все ли въ рукахъ Ея казалось намъ легкимъ, естественнымъ, даже необходимымъ? Пріученные къ Ея обыкновенной славѣ и добродѣтели, мы были уже, дерзну сказать, какъ бы нечувствительны къ дѣламъ Монархини; истощенная благодарность наша уподоблялась неблагодарности! Ваше сердце разумѣетъ меня, о сограждане! я не порицаю, но хвалю вашу чувствительность. Виноватъ ли смертный, естьли Небо, открывая для Монаршей добродѣтели поле безконечное, полагаетъ границу любви, признательности, самому удивленію: естьли, даруя Своимъ орудіямъ нѣкоторую часть правъ Своихъ, оставляетъ насъ, обыкновенныхъ

людей, въ тѣсномъ кругу человѣчества?

Сія героическая ревность къ добру соединялась въ ЕКАТЕРИНѢ съ рѣдкимъ проницаніемъ, которое представляло Ей всякое дѣло, всякое начинаніе въ самыхъ дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ; и по тому Ея воля и рѣшеніе были всегда непоколебимы. Она знала Россію, какъ только одни чрезвычайные умы могутъ знать государство и народы; знала даже мѣру Своимъ благодѣяніямъ: ибо самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ Политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа. Истина печальная, но опытомъ доказанная! Такъ, самое пламенное желаніе ощастливить народъ, можетъ родить бѣдствія, естьли оно не слѣдуетъ правиламъ осторожнаго благоразумія. Сограждане! я напомню вамъ Монарха, ревностнаго къ об-

щему благу, дѣятельнаго, неутомимаго, который пылалъ страстію человѣколюбія, хотѣлъ уничтожить вдругъ всѣ злоупотребленія, сдѣлать вдругъ все добро, но который ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, и при концѣ жизни своей видѣлъ съ горестію, что онъ государство свое не приближилъ къ цѣли политическаго совершенства, а удалилъ отъ нее: ибо Преемнику, для возстановленія порядка, надлежало всѣ новости его уничтожить. Вы уже мысленно наименовали Іосифа — сего нещастнаго Государя, достойнаго по его благимъ намѣреніямъ лучшей доли! Онъ служитъ тѣнію, отъ которой мудрость ЕКАТЕРИНЫ тѣмъ лучезарнѣе сіяетъ. Онъ былъ нещастливъ во всѣхъ предпріятіяхъ: Она во всемъ щастлива; онъ съ каждымъ шагомъ впередъ — отступалъ назадъ: Она безпрерывными шагами текла къ Своему великому предмету; писала

уставы на мраморѣ, неизгладимыми буквами; творила во время, и потому для вѣчности, и потому никогда дѣлъ Своихъ не передѣлывала — и потому народъ Россійскій вѣрилъ необходимости Ея законовъ, непремѣнныхъ, подобно законамъ міра. Европа удивлялась *щастію* ЕКАТЕРИНЫ: Европа справедлива, ибо мудрость есть рѣдкое *щастіе*. Но кто думаетъ, что темный, неизъяснимый с л у ч а й рѣшитъ судьбу государствъ, а не разумная или безразсудная система правленія: тотъ по крайней мѣрѣ не долженъ писать Исторіи народовъ. Нѣтъ, нѣтъ! феноменъ Монархини, Которыя всѣ войны были завоеваніями и всѣ уставы щастіемъ Имперіи, изъясняется только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.

Душа ЕКАТЕРИНЫ была тверда, мужественна, истинно геройская. Небо, какъ бы единственно

для славы Ея, нѣсколько разъ помрачало тучами горизонтъ Россіи въ царствованіе великой Монархини, чтобы Она, презирая бури и громы, могла доказать народамъ крѣпость души Своей: такъ искусный мореходецъ еще болѣе славенъ опасностями, чрезъ которыя провелъ онъ корабль свой въ мирное пристанище. Сограждане! я дерзну напомнить вамъ то время, когда Россія, сражаясь съ сильнымъ внѣшнимъ непріятелемъ, видѣла язву, смерть, волненіе въ стѣнахъ Московскихъ, и скоро послѣ безумный, яростный бунтъ, который пламенною рѣкою разливался по обширнымъ странамъ ея; когда завистники ЕКАТЕРИНЫ, сильные Цари, радовались нашему бѣдствію, и грозили Ей новою войною... тогда, тогда надлежало видѣть славу мужественныхъ Ея добродѣтелей! Она вѣщаетъ Вождю Своего от-

даленнаго воинства: *иди далѣе и побѣждай!* Она какъ солнце взираетъ съ трона на градъ столичный, и печальный мракъ его исчезаетъ; Она отвѣтствуетъ на угрозы Дворовъ: *Я отражу нападеніе!* И мы удивляемся Риму, который, видя у вратъ своихъ непріятеля, повелѣваетъ Консулу итти съ воинствомъ въ другую часть міра, или, тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, съ презрѣніемъ слышитъ о новыхъ!.. Сограждане! я уже говорилъ о той минутѣ, когда Монархиня въ увеселительномъ Дворцѣ Своемъ спокойно исчисляла выстрѣлы кораблей Шведскихъ, и когда главныя арміи наши были за отдаленными предѣлами отечества; Англія, Пруссія вооружались, хотѣли предписать намъ миръ: но ЕКАТЕРИНА непоколебимая даровала его Густаву, а Питтъ и Фридрихъ Вильгельмъ должны были смириться. — Сія-то рѣшительная

твердость принудила всѣ Кабинеты зависѣть отъ нашей Монархини, и всѣ трактаты Ея съ Державами были славны для Россіи.

Но Великая въ Герояхъ сохранила на тронѣ нѣжную чувствительность Своего пола, которая вступалась за нещастныхъ, за самыхъ винныхъ; искала всегда возможности простить, миловать; смягчала всѣ приговоры суда, и служила совершеннѣйшимъ образцемъ той высокой добродѣтели, которую могутъ имѣть одни Небеса и Государи: милосердія! О божественная кротость сердца! украшая человѣчество во всякомъ состояніи, ты торжествуешь на престолѣ! Каждое движеніе твое есть тамъ спасеніе людей — и зрѣлище виновнаго, тобою сохраненнаго и помилованіемъ исправленнаго, есть прелестный рай твой, неизвѣстный душамъ жестокимъ! Ахъ! человѣческое правосудіе

не можетъ быть истиннымъ правосудіемъ безъ милосердія! Но ЕКАТЕРИНА чувствительная вѣдала ту черту, которая отдѣляетъ небесную добродѣтель отъ слабости; никогда не преступала ее, и Царскимъ долгомъ побѣждала нѣжность Своего сердца.

Спрашиваю у всѣхъ Россіянъ: было ли что нибудь оскорбительное для человѣческой гордости, что нибудь тягостное для самолюбія въ чувствахъ нашего безпредѣльнаго къ Ней повиновенія? Не казалось ли оно природнымъ влеченіемъ сердца, необходимостію души, ея любезною потребностію? Слѣдуя уставамъ Монархини, мы слѣдовали гласу Неба, и повинуясь, не знали принужденія. Она прелестными качествами души Своей украшала власть Державную. Благоговѣя предъ Обладательницею народовъ, сердца Россіянъ обожали ЕКАТЕРИНУ, и лучезарныя добро-

дѣтели Монархини соединялись въ Ней съ плѣнительною любезностію человѣка. Чужеземцы! вы, которые изъ отдаленныхъ климатовъ пріѣзжали въ Россію единственно за тѣмъ, чтобы видѣть ЕКАТЕРИНУ! скажите, съ какимъ чувствомъ вы приближались къ Ней, когда Она, окруженная Своими Полководцами и Министрами, окруженная славою дѣлъ Своихъ, взирала на васъ съ величіемъ? Не представлялось ли вамъ, что вы зрите Монархиню міра и вашу собственную? Но вы, которые наслаждались неоцѣненнымъ щастіемъ видѣть и слышать Ее, когда Она отъ величія снисходила къ любезности, и какъ бы преставая быть Монархинею, являлась только въ видѣ свѣтской пріятности, дружественной искренности, среди достойнѣйшихъ людей Двора Ея, въ незабвенныхъ для васъ вечернихъ собраніяхъ, куда принужденіе вхо-

дить не дерзало, гдѣ царствовала свобода въ разговорахъ, гдѣ всякой для себя могъ заниматься удовольствіями общества! вы съ удивленіемъ и слезами говорите о сихъ часахъ, которые вамъ казались минутами, и въ которые ласковыя слова Ея, простое милое обхожденіе, искренняя веселость и невинныя игры, Ея присутствіемъ и самымъ участіемъ оживляемыя, заставляли васъ позабывать Самодержицу, и восхищаться одною неизъяснимою прелестію ума ЕКАТЕРИНЫ!

Сія трогательная, любезная мысль уступаетъ мѣсто еще любезнѣйшей: Мать отечества была и самою нѣжнѣйшею матерію семейства. Какое воображеніе безъ сладкаго душевнаго чувства можетъ представить себѣ Монархиню, Которая, одною рукою подписывая судьбу государствъ, другою ласкаетъ цвѣтущія Отрасли ИМПЕРАТОРСКАГО

Дому; Которая, прерывая нить великихъ политическихъ мыслей, оставляя на минуту заботы правленія, отдыхаетъ сердцемъ въ семейственныхъ радостяхъ, и, такъ сказать, дополняетъ ими щастіе добродѣтельной Монархини? Естьли обыкновенному уму трудно вообразить сіе неизъяснимое щастіе, то всякое чувствительное сердце представитъ себѣ душевное удовольствіе нѣжной Праматери, когда священное потомство Ея расцвѣтало предъ Нею; когда Она видѣла предъ Собою и совершенство Ангельской красоты и нравственное совершенство, и надежду любви Своей и надежду Россіи!

Но какая чудесная сила укрѣпляла ЕКАТЕРИНУ для безчисленныхъ предметовъ Ея дѣятельности, такъ, что Великая могла, занимаясь правленіемъ Имперіи, ежедневно заниматься и Августѣйшимъ Домомъ Своимъ; находить время

для внѣшнихъ Министерскихъ, внутреннихъ государственныхъ и частныхъ судебныхъ дѣлъ, для Своей особенной переписки, ученыхъ трудовъ, для самыхъ женскихъ прелестныхъ рукодѣлій (ибо Она любила иногда напоминать себѣ милую простоту Пенелопина вѣка)— и наконецъ для пріятнаго отдохновенія въ избранномъ Своемъ обществѣ? Сія чудесная сила есть *духъ порядка,* благодѣтельный для всякаго, а въ добромъ Монархѣ щастіе народа. Каждый часъ представлялъ Ей особенное упражненіе, и сіе разнообразіе, обновляя вниманіе души, служило для разума Ея нѣкоторымъ успокоеніемъ. Слѣдуя такой мудрой системѣ, Она успѣла затьмить самыя дѣятельнѣйшія царствованія, извѣстныя намъ по Исторіи; дѣла *единой* Государыни могли бы прославить *многихъ* Государей.

И слава ЕКАТЕРИНЫ принадлежитъ Ей Самой. Генрихъ IV былъ

Царь мудрый и благодѣтельный; но Сюлли стоитъ подлѣ него: Исторія освѣщаетъ ихъ однимъ лучемъ славы. Лудовикъ XIV гремѣлъ въ Европѣ, возвеличилъ Францію; но Кольберъ, первый Министръ въ мірѣ, былъ его Министромъ! ЕКАТЕРИНА, Законодательница и Монархиня, подобно Петру, образовала людей — но сіи люди жили и дѣйствовали Ея душею, Ея вдохновеніемъ; сіяли заимствованнымъ отъ Нее свѣтомъ, какъ планеты сіяютъ отъ солнца; Она отличала нѣкоторыхъ, и сіе отличіе было мѣрою ихъ важности. Такимъ образомъ видѣли мы при ЕКАТЕРИНѢ возвышеніе человѣка, котораго нравственное и патріотическое достоинство служитъ еще предметомъ споровъ въ Россіи. Онъ былъ знатенъ и силенъ: слѣдственно не многіе могутъ судить о немъ безпристрастно; зависть и неблагодарность суть два главные поро-

ка человѣческаго сердца. Но то неоспоримо, что Потемкинъ имѣлъ умъ острый, проницательный; разумѣлъ великія намѣренія ЕКАТЕРИНЫ, и потому заслуживалъ Ея довѣренность. Еще неоспоримѣе то, что онъ не имѣлъ никакого рѣшительнаго влiянiя на Политику, внутреннее образованiе и законодательство Россiи, которыя были единственно творенiемъ безсмертнаго ума ЕКАТЕРИНЫ. Ея Министры исполняли только волю Ея — и Россiя имѣла щастiе быть управляемою однимъ великимъ Генiемъ во все долговременное царствованiе ЕКАТЕРИНЫ.

Но щастiе можетъ ли казаться долговременнымъ?... О сограждане! Небо проститъ намъ несправедливость нашу, когда мы, пораженные ударомъ, забыли непремѣнные уставы Природы; забыли, что Великая успѣла осыпать насъ благодѣянiями на теченiе вѣковъ,

и дерзали обвинять Провидѣніе, что Оно толь скоро лишило наше отечество Матери, и толь внезапно: ибо ЕКАТЕРИНА *не умирая*, не приготовивъ насъ страхомъ къ сему нещастію, въ одно мгновеніе сокрылась духомъ отъ земли и Россіи! Обольщенные безсмертіемъ дѣлъ Ея, мы думали, что и Сама Она безсмертна; думали, что Та, Которая украсила вечеръ жизни отцевъ нашихъ, должна была царствовать и для благоденствія нашихъ дѣтей! Она оставила намъ премудрые законы Свои, источникъ блаженства и просвѣщенія для самыхъ отдаленныхъ потомковъ; но намъ казалось, что съ Нею мы всего лишились; что Она вся во гробѣ, и съ нашимъ щастіемъ, дѣломъ рукъ Ея. Не тѣ одни были неутѣшны, которые наслаждались лицезрѣніемъ Великія, внимали плѣнительнымъ словамъ Премудрыя, окружали тронъ Ея; нѣтъ, вся Россія

проливала горестныя слезы: ибо Она не для любимцевъ, а для Россіи царствовала; не только нѣкоторымъ, но всѣмъ благотворила — и слезы чувствительныхъ сердецъ текли Ей въ жертву съ равнымъ жаромъ въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ государства. О Монархи міра! ЕКАТЕРИНА и жизнію и смертію Своею служила вамъ примѣромъ: такъ царствуйте, чтобы смертные обожали васъ! и видя, съ какимъ умиленіемъ, съ какою трогательною любовію донынѣ говорятъ Россіяне о Великой, будьте увѣрены, что народы чувствительны и благодарны противъ Царей добродѣтельныхъ, и что память ваша, естьли вы заслужили любовь подданныхъ, пребудетъ вовѣкъ священною. И самаго недостойнаго Государя хвалятъ, когда онъ держитъ въ рукѣ скипетръ: ибо его боятся, или гнусные льстецы хотятъ награды;

но когда сей скипетрЪ изЪ руки выпадаетЪ, когда МонархЪ платитЪ дань общему року смертныхЪ: тогда, тогда внимайте гласу Истины, которая, повелѣвая умолкнуть страстямЪ, надеждѣ и страху, опершись рукою на гробЪ Царя, произноситЪ свое рѣшеніе: и вѣки повторяютЪ его! Не вЪ чертогахЪ ЦарскихЪ обнаруживается чувство народное: о всякомЪ Монархѣ кто нибудь изЪ царедворцевЪ искренно проливаетЪ слезы; нѣтЪ, оно явно только на стогнахЪ града, вЪ тихомЪ жилищѣ семействЪ, отЪ Двора удаленныхЪ, и вЪ хижинѣ мирнаго трудолюбія: естьли вЪ нихЪ сердечная признательность не оплакиваетЪ смерти Государя, то онЪ не царствовалЪ для народнаго щастія!

Сограждане! какимЪ торжествомЪ для добродѣтелей Монархини и для вашей святой благодарности были первыя слова юна-

го Самодержца, Который, восходя на престолъ Россіи, и желая объявить волю Свою царствовать мудро и добродѣтельно, сказалъ только: *Я буду царствовать по сердцу и законамъ* ЕКАТЕРИНЫ *Великой*!. . ВЕЛИКОЙ! повторила вся Россія. — Симъ обѣтомъ Онъ почтилъ и память Ея, и вашу признательную къ Ней любовь; вы разумѣли Его — и утѣшились!

Но благотворенія новыя не охлаждаютъ въ сердцѣ нашемъ признательности къ дѣламъ ЕКАТЕРИНЫ; мы воспоминаемъ ихъ съ любовію, читаемъ мудрые законы Ея съ удивленіемъ, и въ восторгѣ чувствительности взираемъ на небо, гдѣ око смертнаго ищетъ всегда безсмертныхъ. . . . Намъ кажется, что священный Духъ Монархини, въ образѣ Генія хранителя Россіи, и тамъ не престаетъ заниматься нашимъ отечествомъ; намъ кажет-

ся, что мы внимаемъ небесному гласу ЕКАТЕРИНЫ:

„О Россіяне! вы, которые были „столь любезны Моему сердцу; „которыхъ щастіе было Моимъ „щастіемъ; на которыхъ взирала „Я съ радостію Матери, видящей „благоденствіе дѣтей своихъ! естьли Я обогатила Россію новыми „предѣлами и народами, украсила „чело ваше пальмою побѣды, гремѣла въ трехъ частяхъ міра и „славилась вами: то слава Моя „была Мнѣ залогомъ вашей силы „и безопасности; желая, чтобы „міръ васъ страшился, Я хотѣла „единственно того, чтобы вы не „могли никого страшиться. Естьли Мои законы ограничиваютъ „природную вольность человѣка, то „будьте увѣрены, что Я пожертвовала частію свободы только „единой цѣлости гражданскаго порядка, и предпочла независимости вашей одно ваше благополу-

„чіе; не даровала вамъ тѣхъ одних правъ, которыя могли быть „для васъ вредными. Я просвѣщала „васъ, Россіяне! слѣдственно не „хотѣла угнетать человѣчества. „И естьли Мое царствованіе не „возвело еще Россіи на высочайшую „степень народнаго блаженства: „то помните, что власть Государя не есть всемогущество Небесное, Котораго воля есть уже „совершеніе; помните, что Имперіи цвѣтутъ вѣками, и что Провидѣніе требуетъ отъ Царей „только возможнаго блага. Но Я „указала вамъ великую цѣль: текште къ ней осѣненные Моими „лаврами, путеводимые Моими законами! И когда всѣ народы земли будутъ завидовать вашей долѣ; когда имя Россіянина будетъ „именемъ щастливѣйшаго гражданина въ мірѣ: тогда исполнятся „тайные обѣты Моего сердца; тогда вы узнаете, что Я хотѣла,

„но чего не могла сдѣлать; и при-
„знательность ваша почтитъ рав-
„но и дѣла Мои и Мою волю:
„единая награда, къ которой доб-
„рые Монархи могутъ быть чув-
„ствительны и по смерти своей!“

И я клянусь именемъ вашимъ, о сограждане! именемъ всего нашего потомства, что память ЕКАТЕРИНЫ Великой будетъ во вѣки вѣковъ благословляема въ Россіи.

О НОВОМЪ ОБРАЗОВАНІИ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

24 Января державная рука АЛЕКСАНДРА подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи Наукъ въ Россіи. Сей щастливый Императоръ — ибо дѣлать добро милліонамъ есть главное на землѣ блаженство — торжественно именуетъ народное просвѣщеніе важною частію государственной системы, любезною сердцу ЕГО. Многіе Государи имѣли славу быть покровителями Наукъ и дарованій; но едва ли кто нибудь издавалъ такой основательной, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія. ПЕТРЪ Великій учредилъ первую Акаде-

мію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый Университетъ, Великая ЕКАТЕРИНА городскія школы; но АЛЕКСАНДРЪ, размножая Университеты и Гимназіи, говоритъ еще: *да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!* Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ Исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою Монарховъ, не отечества, не народа. Россія, сильная и щастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистію, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы Греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавиться отъ имени

варваровъ. Не одно народное славолюбіе — хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа Патріотизма — не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благотворныхъ намѣреній Правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, раждаетъ злоупотребленія, несправедливости и — однимъ словомъ — не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ, общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, то есть добродѣтельнаго Монарха. АЛЕКСАНДРЪ пылая святою ревностію ко щастію ввѣренныхъ ЕМУ милліоновъ, избираетъ вѣрнѣйшее, *единственное* средство для совершеннаго успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ: ОНЪ желаетъ просвѣтить Россі-

янѣ, чтобы они могли пользоваться ЕГО человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія.

Ревностная признательность наша къ дѣламъ сего Монарха не должна казаться неблагодарностію въ разсужденіи ЕГО славныхъ и великихъ Предшественниковъ. Имя ПЕТРА И ЕКАТЕРИНЫ будутъ вѣчно сіять въ заглавіи Исторіи ума и просвѣщенія въ Россіи; но чего Они не могли сдѣлать, то дѣлаетъ АЛЕКСАНДРЪ, Который имѣетъ щастіе царствовать послѣ Нихъ, и въ девятомъ-надесять вѣкѣ. Небо оставило ЕМУ славу и возможность увѣнчать Ихъ безсмертныя творенія. Патріоты съ гордостію указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и промышленности многочисленнаго купечества; съ гордостію вводили ихъ

въ блестящія собранія нашего дворянства, въ Университеты, въ Академіи, въ Гимназіи; но искренніе, разумные иностранцы говорили намъ: „въ Россіи „уже *много* просвѣщенія, но „еще *не довольно*; въ неизмѣри„мыхъ странахъ ея мы находили „милліоны жителей, осужденныхъ „на вѣчное невѣжество; они еще „не умнѣе своихъ предковъ и не „имѣютъ никакихъ способовъ ум„ножать свои идеи, научаться опы„тами, успѣвать въ искусствѣ „жизни и благородныхъ наслажде„ній." Рускіе отвѣтствовали имъ, что сей родъ людей по самымъ связямъ гражданскаго общества кажется осужденнымъ на печальное варварство и невѣжество; но иностранцы звали насъ въ свои земли — и мы съ изумленіемъ видѣли въ разныхъ государствахъ Европы земледѣльцевъ трудолюбивыхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятно-

стію, вкусомъ, мирно и щастливо — тѣмъ щастливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе (*); мы видѣли заведенныя въ деревняхъ школы и дѣтей поселянина награждаемыхъ за прилѣжность къ ученью; видѣли въ хижинахъ (не отвратительныхъ, но опрятныхъ и чистыхъ) книги и добрые нравы; говорили съ земледѣльцами и слышали, что они благословляютъ скромную долю свою въ гражданскомъ обществѣ, считаютъ себя не жертвами его, а благополучными подобно другимъ состояніямъ, которыя всѣ должны трудиться, хотя разнымъ образомъ, для пользы отечества и собственной. Рускіе Патріоты, убѣжденные очевидною истиною, что человѣкъ и въ хижи-

(*) Можно поставить въ примѣръ Швейцарскихъ, многихъ Нѣмецкихъ (особливо Голштинскихъ) и Англійскихъ земледѣльцевъ, которые имѣютъ библіотеки, сами работаютъ и богаты.

нѣ и за плугомъ можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что отечество наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣяній отъ Трона въ разсужденіи государственнаго просвѣщенія; они желали ихъ — и добродѣтельный АЛЕКСАНДРЪ, слѣдуя влеченію прекрасной души СВОЕЙ, исполнилъ ихъ желаніе. — Предупредимъ гласъ потомства, судъ Историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію; скажемъ, что всѣ новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей Уставъ народнаго просвѣщенія есть *сильнѣйшее* доказательство небесной благости Монарха, Который во *всѣхъ* СВОИХЪ подданныхъ желаетъ найти признательныхъ, *всѣхъ* равно любитъ и *всѣхъ* считаетъ людьми.

Теперь Дворянство Россійское имѣетъ случай доказать свое усердіе къ отечеству ;. доказать , что мы достойны такого Монарха и нашихъ предковъ , и что польза общая намъ всего любезнѣе. Заведеніе и надежный успѣхъ сельскихъ училищъ зависятъ отчасти отъ патріотической ревности Дворянъ: они безъ сомнѣнія изъявятъ ее всѣми возможными способами , и посредственность будетъ спорить съ избыткомъ въ знакахъ великодушной щедрости. Самая вѣрнѣйшая опора политическихъ или государственныхъ правъ есть государственная добродѣтель ; мы желали бы возвысить ее названіемъ *безкорыстной:* но Небу угодно было во всемъ соединить съ нею награду , какъ въ Морали , такъ и въ Политикѣ. *Дворянство никогда не упадало тамъ , гдѣ оно любило жертвы для общаго блага.* Можемъ вспомнить нашу Исторію : во вре-

мена бѣдствій Россіи, когда самозванцы и Поляки терзали ея внутренность, народъ изъявлялъ удивительную привязанность къ Рускимъ Боярамъ, охотно слѣдовалъ ихъ волѣ и за ихъ знаменами — отъ того, что Бояре трогательнымъ образомъ доказывали свою любовь къ отечеству, первые жертвовали имѣніемъ и жизнію, забывали самую фамильную вражду (которая была тогда во всей силѣ) и думали единственно о спасеніи Россіи. Нынѣ, благодаря Провидѣнію! времена спокойны, и мы не въ *печальной*, но въ *радостной* одеждѣ можемъ служить отечеству или АЛЕКСАНДРУ (къ щастію, великія имена Ихъ имѣютъ для насъ одно значеніе); можемъ и должны исполнить надежду Монарха, Котораго человѣколюбивая Политика удаляетъ отъ насъ кровопролитіе войны, но не для того, чтобы мы въ мирной тишинѣ жили только

для удовлетворенія прихотямъ безразсудной роскоши, всегда порочной; можемъ стараніями, пріятными для благородной души, и частію доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенію народа и благу потомства. Чье сердце не трогается сею великою мыслію, тотъ безъ сомнѣнія живетъ не въ свое время, и намъ остается жалѣть объ его нещастіи; но о комъ изъ истинныхъ Дворянъ Рускихъ осмѣлимся такъ подумать? Кто изъ нихъ захочетъ обратить въ истину злословіе многихъ чужестранныхъ Писателей, представляющихъ насъ эгоистами и варварами? Нѣтъ, усердіемъ своимъ къ народному просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій, и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ человѣколюбіемъ.

Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ Лицеевъ, будучи истиннымъ *народнымъ* учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть *важнѣйшій* въ глазахъ Философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми Метафизиками въ свѣтѣ. *Исторія ума* представляетъ *двѣ* главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума. Сверхъ того мудрое Правительство еще умножаетъ пользу сельскаго ученія, соединяя съ нимъ начальное основаніе Морали, простой, ясной, истинно человѣческой и граждан-

ской (*). Дерзну сказать, что сочиненіе *нравственнаго Катихизиса* для приходскихъ училищъ достойно перваго Генія въ Европѣ: такъ оно важно и благодѣтельно! — Можно предвидѣть затрудненія въ началѣ такого новаго для Россіи учрежденія, особливо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; но время, опыты и великія выгоды грамотнаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ сельской жизни наконецъ убѣдятъ земледѣльцевъ въ необходимости ученія — и мѣры кроткаго понужденія уступятъ дѣйствію искренней охоты. Всего же болѣе отвѣтствуетъ за успѣхъ то, что мудрое наше Правительство соединяетъ уважаемый народомъ санъ духовныхъ Пастырей съ должностію сельскихъ учителей (**).

Главнымъ благодѣяніемъ сего новаго Устава останется (какъ мы

(*) См. 32 статью Устава.

(**) Статья 33.

сказали) заведенie сельскихъ школъ; но онъ представляетъ еще другiя, великiя пользы. Городскiя школы, Гимназiи, Университеты, теперь умноженные числомъ, оживленные лучшимъ внутреннимъ образованiемъ, будутъ сильнѣе прежняго дѣйствовать на воспитанiе умовъ въ Россiи. Мысль отдѣлить ученiе отъ другихъ частей государственныхъ, какъ систему особенную и цѣлую, есть мудрая и благодѣтельная мысль; ученыя мѣста должны зависѣть только отъ ученыхъ — и Ректоръ, глава ихъ въ каждомъ округѣ, будучи самъ питомцемъ Наукъ, тѣмъ ревностнѣе и дѣйствительнѣе можетъ стараться объ ихъ успѣхѣ. Довѣренность, изъявляемая Монархомъ къ собранiю Профессоровъ, которые избираютъ своего начальника и правятъ не только Университетомъ, но и всѣми окружными Гимназiями и другими школами, еще

болѣе возвышаетъ сей истинно-благородный санъ. Лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ. Новыя выгоды и почести (право избранія есть великая), данныя ученому состоянію, большее число Профессоровъ и другихъ людей, къ нему принадлежащихъ, отнынѣ твердо и надежно основываютъ его въ Россіи.

Должно замѣтить еще двѣ важныя, новыя идеи Устава. Великая ЕКАТЕРИНА знала необходимость образовать собственныхъ учителей для государства, которому назначено просвѣтиться — и мы имѣли уже нѣкоторыя педагогическія заведенія; но Кандидаты сего важнаго состоянія людей рѣдко оставались въ ихъ званіи, находя въ другихъ болѣе личныхъ выгодъ. Теперь мудрый Законодатель взялъ мѣры для отвращенія сего великаго зла: Кандидатъ педагогическій

долженъ по крайней мѣрѣ 6 лѣтъ быть учителемъ, чтобы перейти въ другую службу (*). Ободренія, назначаемыя для тѣхъ, которые отличатся въ сей должности, могутъ также имѣть весьма полезныя дѣйствія (**); сверхъ того всякой изъ нихъ по достоинству награждается пенсіею (***). Вторая великая идея есть побудить къ законовѣдѣнію всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ вступить въ гражданскую службу. Черезъ 5 лѣтъ никто уже не будетъ опредѣленъ къ должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не доказавъ, что онъ пріобрѣлъ ихъ систематическимъ ученіемъ. Нужно ли описывать всѣ хорошія слѣдствія такого закона? Правосудіе есть душа государственнаго по-

(*) Статья 40.

(**) Статья 22.

(***) Ст. 23.

рядка: не говоря о томъ, что Науки вообще благодѣтельны для Морали, скажемъ, что не столько злое намѣреніе, сколько грубое невѣжество бываетъ причиною неправосудія.

Вообще сей великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и Государя ея, но и для самаго вѣка; не только Россія, но и Европа и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться Монархомъ, Который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой Державѣ Своей. Естьли всѣ просвѣщенныя земли съ особеннымъ вниманіемъ смотрятъ на сію Имперію (въ которой творческая сила человѣколюбиваго Г е н і я дѣйствуетъ нынѣ живѣе, нежели гдѣ нибудь), то не одно любопытство раждаетъ его: Европа чувствуетъ, что собственный жребій ея зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ

жребія Россіи, столь могущественной и великой....

Здѣсь глубокомысленный, важный умъ долженъ обуздать нетерпѣливость добраго сердца, которое, плѣнясь намѣреніемъ, хочетъ немедленныхъ плодовъ закона благодѣтельнаго. Нѣтъ, великія государственныя творенія бываютъ медленны — такъ угодно Небу — и естьли Россія въ одномъ смыслѣ удивляетъ насъ своими быстрыми, щастливыми успѣхами, то съ другой стороны она же доказываетъ, сколь трудны, неровны и неспоры шаги государствъ къ цѣли гражданскаго просвѣщенія. Историкъ означаетъ эпохи *рожденія и новыхъ силъ*: надобны вѣки для полнаго образованія. Какъ безъ надежды нѣтъ щастія, такъ безъ будущаго нѣтъ великихъ дѣлъ: въ немъ хранится вѣнецъ ихъ. — Довольно, что сей безсмертный Уставъ для совершен-

наго просвѣщенія Имперіи нашей требуетъ только — вѣрнаго исполненія; а можно ли сомнѣваться въ исполненіи того, что Монархъ Россіи повелѣваетъ Россіянамъ?

ВЕЛИКОЙ МУЖЪ РУСКОЙ ГРАММАТИКИ.

Для успѣховъ всякой Науки, всякаго Искусства, надобно желать Педантовъ; они могутъ быть иногда смѣшны, но всегда полезны. Кто не знаетъ славнаго *трактата о соловьяхъ*, котораго Авторъ доказываетъ, что предметъ его важнѣе Философіи, нравственности, Политики, Богословіи? За то охотники до соловьевъ узнали, какъ надобно обходиться съ ними и спасать ихъ отъ болѣзней.

Такимъ образомъ я пользуюсь дружбою одного, крайне ученаго мужа, который живетъ единственно для *склоненій* и *спряженій*, божится *родами*, видитъ во снѣ *нарѣчія*; и естьли, марая бумагу,

ошибаюсь менѣе другихъ — естьли умѣю иногда задуматься надъ словомъ, умѣю быть осторожнымъ — то конечно ему обязанъ сею выгодою. Всякой мѣсяцъ хожу къ нему раза два, и всякой разъ возвращаюсь домой съ новымъ почтеніемъ къ Грамматикѣ. На воротахъ его, всегда запертыхъ, написано множество *вопросительныхъ знаковъ* ? ? ? Сіи *гіероглифы* извѣщаютъ гостей, желающихъ войти на дворъ, что хозяину надобно знать прежде: *кто они? за чѣмъ пришли?* и проч. — Въ домѣ видите вездѣ живописныя аллегоріи и эмблемы Грамматики. На примѣръ: женщина съ перомъ въ рукѣ и въ мантіи, усѣянной буквами *Ѣ*, *Ѣ* и *Ѳ*, есть *Орѳографія*; другая, представленная въ родахъ, Этимологія; Геркулесъ, разящій палицею великана Альбіона, изображаетъ *удареніе*; маленькой человѣкъ, съ ужаснымъ брюхомъ, *пред-*

логъ; камень, летящій между двумя деревами, *междометіе;* Нарциссъ, смотрящійся въ воду, *наклоненіе*; молодая женщина, которая дозволяетъ любовнику обнять себя, *падежъ;* старикъ, считающій деньги, *имена числительныя* — и проч. и проч. На дверяхъ его кабинета написано крупными буквами: *Человѣкъ всего болѣе отличается отъ другихъ животныхъ словомъ или языкомъ; слѣдственно наука языка есть истинно-человѣческая и важнѣйшая*. Въ самомъ кабинетѣ изображена Грамматика въ видѣ Египетской богини Изиды, закутанной въ пелены, и надпись говоритъ: *никто изъ смертныхъ не умѣлъ снять ихъ;* ибо хозяинъ думаетъ, что мы еще не имѣемъ совершенной Грамматики — и когда я принесъ ему новѣйшую, онъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ въ ней роспись глаголовъ: *калывать, гаривать, баливать, жидать, лыгать, колебливать, трепывать*, и

воскликнулъ голосомъ сокрушеннаго сердца: „О Небо! когда въ „*семь наклоненiи* бывали такiе глаголы въ языкѣ Рускомъ? Можно ли „*изъявительное* такъ своевольно обратить въ *неокончательное* и *глаголы недостаточные* въ *полные*? Можно ли забыть, что нѣкоторые „изъ нихъ употребляются только „съ *предлогами*, какъ-то: *начаты-*„*вать*, *ожидать*, *прилыгать*?" — Слезы текли ручьями по лицу чувствительнаго старца. Я не могъ видѣть его печали, ушелъ, и черезъ двѣ недѣли снова явился въ кабинетѣ ученаго мужа.

Онъ казался уже гораздо спокойнѣе, самъ началъ говорить о новой Грамматикѣ, хвалилъ въ ней многiя полезныя замѣчанiя, но осуждалъ раздѣленiе глаголовъ по ихъ *неокончательному наклоненiю*, доказывая его невѣрность и сбивчивость. „Мой другъ! сказалъ онъ: „намъ даютъ правила; но всякое

,,изъ нихъ раждаетъ изключеніе.
,,Я могу вытвердить ихъ наизусть
,,и безпрестанно ошибаться: слѣд-
,,ственно правила неосновательны.
,,На примѣръ: Авторы говорятъ,
,,что глаголы, которые въ *неопре-*
,,*дѣленномъ наклоненіи* оканчиваются
,,на *ать*, перемѣняютъ сіи буквы въ
,,*изъявительномъ наклоненіи перваго ли-*
,,*ца настоящаго времени* на *ю*; но они
,,должны тотчасъ примолвить,
,,что глаголы *плакать*, *кликать* и
,,многіе другіе уклоняются отъ
,,сего закона! Не будемъ клеве-
,,тать на языкъ: онъ имѣетъ вѣр-
,,ные законы для измѣненія буквъ
,,въ разныхъ случаяхъ *глагола*; но
,,мы только еще не открыли ихъ.
,,Изъяснимъ *великое малымъ*, и ска-
,,жемъ, что натура во всѣхъ тво-
,,реніяхъ и разрушеніяхъ слѣдуетъ
,,вѣчнымъ, единообразнымъ зако-
,,намъ, которые однакожъ по боль-
,,шой части укрываются отъ На-
,,туралистовъ. *Спряженія* во всѣхъ

,,коренныхъ языкахъ составляютъ ,,главную трудность: кто приведетъ ихъ у насъ въ ясную систему, того ожидаетъ вѣнецъ безсмертія; но сей великій мудрецъ, ,,сей блаженный смертный, еще ,,не родился. Я посѣдѣлъ надъ ,,*глаголами*, и не дерзаю думать о ,,системѣ!

,,Однакожь Небо награждаетъ ,,усердіе друзей истины, и естьли не совсѣмъ, то хотя сколько ,,нибудь озаряетъ ихъ свѣтомъ ея. ,,Такимъ образомъ и мнѣ удалось ,,открыть въ разсужденіи *глаголовъ* ,,истинное правило — *истинное*, говорю: ибо оно не имѣетъ ни одного изключенія.“ — Всякой догадается, что я нетерпѣливо хотѣлъ знать его. Хозяинъ мой улыбнулся съ гордостію — видно было, что онъ вспомнилъ славнѣйшую эпоху жизни своей — поправилъ на головѣ колпакъ, откашлялся, сѣлъ прямѣе на креслахъ,

значительнымъ движеніемъ руки приготовилъ меня ко вниманію, и съ неизъяснимою важностію громко произнесъ слѣдующее: „Всѣ „глаголы, которые въ настоящемъ „времени, въ третьемъ лицѣ един„ственнаго числа кончатся на *итъ*, „должны во множественномъ чи„слѣ того же лица и времени окан„чиваться на *ятъ* или *атъ* (*мчитъ*, „*мчатъ*; *славитъ*, *славятъ*); другое „же окончаніе единственнаго чи„сла, съ буквою *Е* вмѣсто *И*, пере„мѣняется во множественномъ все„гда на *утъ* или *ютъ* (*владѣетъ*, „*владѣютъ*; *лжетъ*, *лгутъ*). Теперь „найдите, любезный другъ, хотя „одинъ *глаголъ*, который уклонял„ся бы отъ сего правила! Даю „вамъ часъ, годъ, вѣкъ на размы„шленіе!“

Онъ снова поправилъ колпакъ свой, началъ тереть себѣ ладони пальцами, и не хотѣлъ смотрѣть на меня, чтобы не мѣшать мнѣ

думать... Черезъ нѣсколько минутъ глубокаго молчанія я смиренно объявилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не умѣю придумать ни одного исключенія, но что не вижу также и большой пользы сего правила. „Пользы?“ возразилъ онъ съ живостію: „а развѣ Авторы наши „не пишутъ *надѣятся* вмѣсто *на-*„*дѣются*, *сѣятъ* вмѣсто *сѣютъ* и „*стоютъ* вмѣсто *стоятъ?* Самъ я, „рожденный для Грамматики, въ „семъ случаѣ угадывалъ истину „единственно по щастливому вдо-„хновенію Природы!... Выслушай-„те исторію. Паденіе яблока съ „дерева, въ глазахъ Невтона, от-„крыло намъ систему *тяготѣнія*: „Грамматика обязана моимъ от-„крытіемъ — ржанію лошадей. „Однажды кучеръ пришелъ ко мнѣ „и сказалъ: *два дни сряду у насъ* „*безпрестанно* ржатъ *лошади*. Врешь, „отвѣчалъ я: надобно говорить „*ржутъ*. Упрямой кучеръ не хо-

,,шѣлъ согласиться со мною. Мы ,,призвали другихъ людей; выходила разноголосица. Я безпокоился, ѣздилъ, бѣгалъ по улицамъ, ,,останавливалъ знакомыхъ и незнакомыхъ, спрашивая: *ржутъ* или ,,*ржатъ?* Не многіе понимали важность моего вопроса; нѣкоторые ,,смотрѣли на меня съ удивленіемъ; ,,другіе смѣялись. Одинъ молодой ,,человѣкъ, которой ѣхалъ верхомъ ,,съ дамою, будучи такимъ образомъ остановленъ мною и видя, ,,что красавица его испугалась моего грамматическаго вопроса, махнулъ хлыстомъ и — сдѣлалъ меня Цыклопомъ навѣки.“ Надобно знать, что Грамматикъ нашъ кривъ.) ,,Это бездѣлица; но, къ ,,нещастію, я не могъ *употребленіемъ языка* рѣшить спора моего ,,съ кучеромъ: одни соглашались ,,со мною, другіе съ нимъ. Надлежало искать правила — и чрезъ ,,6 мѣсяцевъ, самыхъ безпокойнѣй-

„шихъ въ жизни моей, я нашелъ „его (оно уже вамъ извѣстно): „надобно говорить *ржутъ*, ибо мы „говоримъ *ржетъ*. Е перемѣняется „только на У или Ю."

Я слушалъ великаго мужа съ искреннимъ вниманіемъ и смотрѣлъ на кривой глазъ его съ почтеніемъ. Кто изъ смертныхъ приносилъ такія жертвы грамматическому любопытству?

Но сей великодушной человѣкъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ заплативъ глазомъ за открытіе истины въ *спряженіяхъ*, еще въ молодости лишился выгоднаго мѣста отъ усердія къ правильности *склоненій*. Мы въ другое свиданіе говорили съ нимъ объ *именахъ числительныхъ*: онъ доказывалъ, что наши Грамматики не даютъ вѣрнаго правила для сочиненія ихъ съ другими *именами*, и сказалъ: „Вы найдете въ Грамматикѣ, что надобно говорить: „*два человѣка*, *семь рублей*: важное

„наставленіе! Кто изъ Руских„ошибается въ этомъ случаѣ? Но „гдѣ же узнаете, какъ должно пи„сать: *съ двумя стами Гранадеръ* „или *Гранадерами, съ двумя ты„сячами рублей* или *рублями?* Вотъ „камень преткновенія! вотъ узелъ „Гордіевъ!... Любезный другъ! „теперь сообщу вамъ мое второе „открытіе и разскажу еще анек„дотъ. Я былъ нѣкогда Секрета„ремъ у Графа N. N. и пользо„вался его милостію. Онъ прика„залъ мнѣ однажды сочинить пись„мо къ Министру о важномъ дѣ„лѣ. Я уже дописывалъ его, но „вдругъ остановился; надобно бы„ло сказать: *въ осьмидесяти ты„сячахъ рубляхъ* или *рублей*: какъ же „правильнѣе? думалъ, ломалъ го„лову; часы и дни проходили. „Графъ требовалъ письма, и слы„ша все одинъ отвѣтъ: *не готово!* „наконецъ такъ разсердился, что „не велѣлъ меня выпускать изъ

,,горницы и осудилъ, какъ Англій-
,,скаго Присяжнаго, на голодную
,,смерть, естьли не исполню своей
,,должности. Неволя и голодъ безъ
,,сомнѣнія непріятны, но ужаснѣе
,,всего ошибиться противъ Грам-
,,матики, и я три дни не пилъ,
,,не ѣлъ, не спалъ, а въ четвер-
,,той, по милости Неба, нашелъ
,,правило — дописалъ письмо, и
,,едва могъ, отъ изнуренія силъ,
,,дотащиться до Графскаго каби-
,,нета, чтобы вручить ему бу-
,,магу. Онъ хотѣлъ знать причи-
,,ну моего неизъяснимаго упрям-
,,ства — и душа моя, обрадован-
,,ная великимъ открытіемъ, изли-
,,лась передъ нимъ въ искреннемъ
,,признаніи. Графъ засмѣялся, по-
,,дарилъ мнѣ осыпанную бриллiян-
,,тами табакерку, но велѣлъ ис-
,,кать другаго мѣста, сказавъ:
,,*тебѣ и впредъ могутъ встрѣчаться*
,,*грамматическія сомнѣнія, а бумаги*
,,*мои требуютъ скорости.*"

Я желалъ свѣдать правило, которое выгнало его изъ Графской Канцеляріи. „Вотъ оно," отвѣчалъ великодушный Грамматикъ (разумѣется, что онъ опять взялъ на себя видъ законодателя, который съ высоты трона даетъ уставы вселенной): „естьли *имя числительное* „не имѣетъ *рода* (какъ-то: *два*, „*пять*, *десять*, *семдесять*, то *су*„*ществительное* должно быть съ нимъ „въ одномъ *падежѣ*, и мы говоримъ: „*въ шестидесяти рубляхъ*, а не *руб*„*лей*; когда же число имѣетъ *родъ* „(на примѣръ: *пятокъ*, *десятокъ*, „*сотня*, *тысяча*, *милліонъ*) то имя, „за нимъ слѣдующее, должно быть „всегда въ *родительномъ падежѣ*, и „надобно говорить: *тысячами руб*„*лей*, *въ милліонѣ душъ*, а не *тыся*„*чами рублями*, не въ *милліонѣ ду*„*шахъ*. Когда же за тысячами или „за милліономъ слѣдуетъ число „*безродное*, то *существительное* при„нимаетъ его *падежъ*, и надобно

,,писать: *съ двумя тысячами двад-*
,,*цатью Гранадерами*, а не *Грана-*
,,*деръ*.“ —— Хорошо, сказалъ я: но число *сто* имѣетъ ли *родъ* по сему правилу, и какъ надобно сочинять его съ именами? — ,,Браво,
,,браво, любезный другъ!“ отвѣтствовалъ ученый мужъ: ,,этотъ
,,вопросъ доказываетъ, что Генiй
,,Грамматики, пролетая вселен-
,,ную, махнулъ крыломъ надъ тво-
,,ею головою! Такъ, число сто
,,приводило меня въ сомнѣнiе; но
,,я увѣрился наконецъ, что оно
,,имѣетъ *родъ*, когда мы говоримъ:
,,*первое* сто, *второе* сто, и когда
,,оно употребляется во множе-
,,ственномъ числѣ: *пять сотъ*,
,,*шесть сотъ*, и проч. Это рѣши-
,,тельно — и въ слѣдствiе моего
,,правила должно говорить: *съ тре-*
,,*мя стами Рускихъ*, а не *Руски-*
,,*ми*. — Такимъ образомъ любовь
,,къ *великой наукѣ* отъ времени до
,,времени производитъ открытiя;

„но (говорю и повторяю), что
„Россійская Грамматика есть до-
„нынѣ богиня Изида въ пеленахъ:
„никто еще не обнажилъ всѣхъ ея
„*тайностей*. Мой другъ! гораздо
„легче имѣть полную, ясную, му-
„друю систему гражданскаго зако-
„нодательства, нежели языка; го-
„раздо легче сдѣлаться всѣмъ судь-
„ямъ правосудными, нежели всѣмъ
„Писателямъ грамотными"
Тутъ я невольнымъ образомъ вос-
кликнулъ: *увы!* ... Грамматикъ мой
продолжалъ: „Разумѣю ваше, лю-
„безный другъ, *междометїе*; оно
„конечно горестно; но такъ вѣч-
„нымъ Судьбамъ угодно! ...

O Grammaire, abyme immenſe!
Tu nous laiſſes ſans clarté.
Notre ſort eſt l'ignorance:
Le savoir eſt vanité (*)!

„Мы щастливы и тѣмъ, что мо-
„жемъ *надѣяться* — и я заказалъ

(*) Пародія Вольтеровыхъ стиховъ:
O nature, abyme immenſe!

„уже первому живописцу нашей „Академіи представить на картинѣ Минерву, выходящую въ блестящихъ доспѣхахъ изъ Юпитерова мозгу: она будетъ для меня образомъ Грамматики, которая „со временемъ выдетъ изъ головы „мудрецовъ Россійскихъ, *вооруженная вѣрными правилами на всѣ возможные случаи языка.* Въ послѣднюю минуту жизни моей взгляну на эту картину, и спокойно „закрою глаза навѣки!“

Но сей огненный любовникъ правилъ не можетъ терпѣть излишно строгихъ. Онъ разсердился до крайности на сочинителей упомянутой новѣйшей Грамматики, которые говорятъ рѣшительно, что предлогъ *между* требуетъ всегда *падежа творительнаго*, и что *родительный* есть въ такомъ случаѣ ошибка. „Мой другъ!“ сказалъ онъ: „*употребленіе* есть избалованное дитя народовъ, съ которымъ не

,,льзя обходиться сурово; надобно ,,во многомъ щадить его. Давно ,,уже Рускіе говорятъ: *между по ,,лями* и *между полей*, соображаясь ,,иногда съ пріятностію слуха. Со- ,,храни насъ Богъ отъ тиранства! ,,Грамматикъ долженъ быть до- ,,бродушнымъ и жалостливымъ, ,,особливо къ стихотворцамъ. Ахъ! ,,они и такъ не рѣдко стенаютъ ,,отъ упругости длинныхъ словъ ,,въ языкѣ Рускомъ: на что ихъ ,,обременять лишними слогами? ,,Нѣтъ, у насъ не каменныя сер- ,,дца; нѣтъ! Грамматикъ чувстви- ,,тельной, и даже справедливой, ,,съ обыкновенною искренностію ,,скажетъ имъ: пишите смѣло ,,*между ясминовъ* и *лилей*, вы, не- ,,винныя дѣти Аполлоновы! Пиши- ,,те, какъ вамъ угодно — какъ ,,вамъ угодно, друзья мои!" ...

Тутъ голосъ его такъ смягчился, на лицѣ изобразилась такая добродушная, милая, нѣжная улыб-

ка, что слезы покатились изъ глазъ моихъ..... О торжество чувствительности даже и въ самой Грамматикѣ!... Одно воспоминаніе сей минуты трогаетъ мое сердце — и я долженъ бросить перо!!

О ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРІИ.

Левекъ говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичь учредилъ Тайную Канцелярію, и, какъ легкій Французскій Авторъ, прибавляетъ: „жаль! онъ былъ впрочемъ хорошій Государь!" Мы знаемъ, какъ по большой части Французы пишутъ Исторію, и не удивляемся. Гораздо важнѣе то, что Г. Шлецеръ, бывшій нѣсколько лѣтъ Профессоромъ Руской Исторіи въ нашей Академіи — (иностранный Профессоръ Руской Исторіи!!) — шутя надъ Левекомъ, и называя его не *Историкомъ*, а *гравёромъ* - Левекомъ, также приписываетъ учрежденіе Тайной Канцеляріи Алексѣю Михайловичу. „Ужасъ ея, говоритъ онъ, такъ поразилъ умы,

что перо выпало изъ рукъ лѣтописцевъ, и всѣ лѣтописи перервались въ царствованіе сего Государя.“ Это, на примѣръ, очень любопытно, естьли справедливо; но могъ ли Г. Шлецеръ, ученый Критикъ и страстный любитель нашей Исторіи, не усомниться въ истинѣ такого случая (fait)? Естьли и словесная критика важна въ Исторіи, то философическая еще важнѣе. Какъ! Царь Алексѣй Михайловичь, доброй и человѣколюбивой, основалъ страшное судилище? и для чего? какія чрезвычайныя опасности и заговоры могли оправдать сіе учреждение? Въ царствованіе славное и кроткое подняло голову чудовище?? при Государѣ, котораго Бояре Руские окружали съ любовію и почтеніемъ (ибо Онъ не казнилъ и не душилъ ихъ подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ подобно Годунову, не равнялся съ

ними подобно Шуйскому, и царствовалЪ смѣлѣе, надежнѣе своего родителя) — при Государѣ, который иногда (на примѣрЪ во время Новогородскаго и Псковскаго мятежа, во время двухЪ бунтовЪ Московской черни) умѣлЪ быть правосуднымЪ, но всегда любилЪ прощать и миловать?? КтожЪ были жертвами Его Тайной Канцеляріи? Развѣ ОнЪ учредилЪ ее для того, чтобы она дремала вЪ бездѣйствіи? Олеарій (*), Маер-

(*) Олеарій, какЪ извѣстно, былЪ СекретаремЪ Посольства, отправленнаго ГолштинскимЪ ГерцогомЪ вЪ Персію черезЪ Москву вЪ царствованіе Михаила Өеодоровича. Алексѣй Михайловичь, восшедши на престолЪ, звалЪ Олеарія вЪ Россію, и вЪ письмѣ своемЪ, учтивомЪ и ласковомЪ, называетЪ его *ГеографусомЪ небеснаго бѣга*. Honny ſoit qui mal y penſe! Довольно, что ОнЪ любилЪ ученыхЪ людей, вЪ такое время, когда вЪ Россіи не умѣли еще и называть ихЪ.

бергъ, говоря о происшествіяхъ (и самыхъ маловажныхъ) Его времени, безъ сомнѣнія разсказали бы нѣкоторые анекдоты *Руской жестокости* (*), которую иностранцы всегда любили изображать яркими красками. Самое преданіе сохранило бы для потомства память начальныхъ ужасовъ тайнаго судилища,

(*) Надобно замѣтить, что всякой народъ въ Европѣ ославленъ съ какой нибудь дурной стороны, и что всѣ обыкновенные путешественники основываютъ наблюденія свои на предразсудкѣ: во Франціи они ищутъ легкомысленныхъ, въ Италіи злобныхъ и мстительныхъ, въ Гишпаніи лѣнивыхъ, въ Англіи чудаковъ, въ Германіи педантовъ, а въ Россіи варваровъ. Случаи и характеры, которые не согласны съ общимъ предразсудкомъ о народѣ, остаются неуваженными. Гораздо легче твердить за другими, нежели наблюдать и мыслить. Люди, которые даже славятся умомъ своимъ въ Европѣ, не рѣдко судятъ такимъ образомъ

естьли бы они и въ самомъ дѣлѣ заставили молчать лѣтописцевъ. Но можно доказать, что царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича было, напротивъ того, цвѣтущимъ временемъ Рускихъ лѣтописей, перерванныхъ нещастіями Россіи. Естьли имѣемъ описаніе временъ Царя Ивана

о народахъ, и Виндамъ сказалъ въ Парламентѣ, что Рускіе варвары; что солдаты наши разбойники, грабители! Сей Ораторъ-Донъ-Кишотъ повторилъ фразу своего дѣдушки, не заботясь о томъ, справедлива ли она въ наше время; иначе, узнавъ, что въ Италіи, Швейцаріи и Нѣмецкой землѣ говорятъ о дисциплинѣ Англійскихъ и Рускихъ солдатъ, онъ нашелся бы принужденнымъ назвать варварами первыхъ. Какъ люди, такъ и народы должны презирать клевету. Устыдить можно единственно тѣхъ, которые имѣютъ стыдъ; а клеветники, по щастію, не знаютъ его въ глаза.

Васильевича, Годунова, Димитрія самозванца, Шуйскаго и славныхъ патріотическихъ дѣлъ междуцарствія, то мы обязаны тѣмъ спокойному вѣку великихъ Романовыхъ. Добрые монахи, которые въ нашествіе Поляковъ служили для Рускихъ не только примѣромъ любви къ отечеству и къ Вѣрѣ, но и примѣромъ храбрости, могли тогда снова обратиться къ мирнымъ упражненіямъ благочестивой жизни и къ похвальной охотѣ своей быть Историками отечества. Смѣло требую свидѣтельства всѣхъ знакомыхъ съ манускриптами нашихъ монастырскихъ библіотекъ: на многихъ историческихъ рукописяхъ именно означено время ихъ сочиненія, и сіе время есть — царствованіе Михаила и великодушнаго Сына Его. Я самъ имѣю одну лѣтопись, тогда писанную и доведенную до начала Польской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ; въ концѣ ея

поставленъ 1664 годъ. Гдѣ же страхъ, произведенной Тайною Канцеляріею? гдѣ онѣмѣніе лѣтописцевъ? спрашиваемъ у Г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ страницу 59 — и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности Руской Исторіи.

Такъ, Г. Татищевъ ввелъ въ заблужденіе и Левека и Шлецера; онъ именно говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичь, основавъ Тайную Канцелярію, устрашилъ лѣтописцевъ и заставилъ ихъ безмолвствовать. „Могъ ли грубо ошибиться нашъ умной, трудолюбивой Историкъ?" скажутъ нѣкоторые: „онъ конечно писалъ то, что зналъ, и что въ самомъ дѣлѣ было."
— Вы не совсѣмъ ошибаетесь,

милостивые государи: *Тайная Канцелярія* точно была при Алексѣѣ Михайловичѣ. . . „Слѣдственно Татищевъ правъ?" Нѣтъ! *тайная* значила *домашняя* или *приватная* (*): въ сію канцелярію входили экономическія дѣла Государевы; подъ ея вѣдѣніемъ находились нѣкоторыя села и деревни, которыя Онъ считалъ собственными: на примѣръ, село Алексѣевское, Тайнинское; и когда Царь хотѣлъ изъявить Свое отмѣнное благоволеніе къ какому нибудь монастырю, Онъ подчинялъ его Тайной Канцеляріи: на примѣръ, Савинскій, котораго всѣ расходы и счеты въ ней повѣрялись (**). Дьякъ или Секретарь управлялъ ею, всюду ѣзжалъ съ

(*) Chancellerie privée. По-Руски называемъ мы и Conſeiller privé Тайнымъ Совѣтникомъ.

(**) Вамъ скажутъ объ этомъ и въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ и въ Савинскомъ монастырѣ.

Государемъ и писалъ *личные* царскіе указы. Однимъ словомъ, она была Кабинетомъ и никогда не занималась наказаніемъ государственныхъ преступниковъ. Имя *тайной* обмануло Татищева: онъ вообразилъ то гибельное судилище, которое прославилось, къ нещастію, въ новѣйшія времена; а находя, что лѣтописи идутъ по большой части не далѣе кончины Михаила Ѳеодоровича, заключилъ, что монахи не смѣли писать ихъ при Его сынѣ, и догадку свою выдалъ за историческую истину, вмѣстѣ съ лѣтописію Іоакима и многими любопытными анекдотами, которыхъ источника мы никогда не узнаемъ.

Но отъ чего же монахи не описывали правленія Алексѣя Михайловича? Они, можетъ быть, не успѣли описать его, или думали, что современникамъ надобно готовить только матеріалы, и что

всякое царствованіе должно быть изображено по смерти Царя. Вотъ вѣроятная причина и того, что многія лѣтописи кончатся Княженіемъ Василья Ивановича! Не думаю, чтобы ужасы Царя Ивана Васильевича заставили монаховъ бросить перо; они конечно при немъ описали дѣла отца его. Лѣтописцы наши не Тациты: не судили Государей; разсказывали не всѣ дѣла ихъ, а только блестящія — воинскіе успѣхи, знаки набожности, и проч. *Левъ не раззѣвалъ челюстей за такими Историками*, и Царь Иванъ Васильевичь могъ бы съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ и въ другіе монастыри. Только славной Бояринъ Курбскій не утѣшилъ бы его своими записками: за то сей достойной мужъ убрался въ Польшу, чтобы оставить намъ *вѣрное*, но едва *вѣроятное* изображеніе Государя сво-

его. — Однакожъ мы обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за Рускія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ — и когда время ПЕТРА Великаго и строгія, взятыя имъ мѣры противъ монаховъ отняли у нихъ не только охоту, но и самую возможность продолжать лѣтописи, Исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріяловъ. Кто у насъ думалъ заготовлять ихъ для описанія временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы? Правда, есть Архивъ иностранныхъ дѣлъ; но собранія трактатовъ и дипломатическихъ бумагъ не довольно для Историка. Надобно будетъ читать иностранцевъ; а какъ вѣрно описываютъ они случаи и людей, мы знаемъ по ихъ извѣстіямъ о нашихъ временахъ! Надобно будетъ обратиться къ преданіямъ:

но скоро исчезнетъ слѣдъ ихъ. Гдѣ старцы, которые еще недавно говаривали со слезами о ПЕТРѢ Великомъ? Не много уже и такихъ, которые говорятъ о правленіи Анны, о нещастіи Долгорукихъ, о люпостяхъ Бирона, о весельяхъ Двора Елисаветы — и кто ихъ слушаетъ со вниманіемъ? У насъ заняты головы такими важными дѣлами!!...

Обратимся къ Тайной Канцеляріи. Желаете ли видѣть ея *первую* сцену? Подите въ село Преображенское, которое надѣляетъ Москву хорошею водою — тамъ, среди огородовъ, укажутъ вамъ развалины небольшаго каменнаго зданія: тамъ Великій Императоръ, преобразуя отечество, и на всякомъ шагу встрѣчая неблагодарныхъ, злые умыслы и заговоры, *долженъ былъ* для Своей и государственной безопасности основать сіе ужасное судилище.. Такъ,

Петрѣ Великій былъ его учредителемъ; но Исторія не дерзнетъ обвинять славнаго Монарха: жестокія обстоятельства заставили Его прибѣгнуть къ жестокому средству . . . Я видѣлъ глубокія ямы, гдѣ сидѣли нещастные; видѣлъ желѣзныя решетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ государственныхъ преступниковъ. Воспоминаніе конечно горестное; но въ туже самую минуту вы произносите имя АЛЕКСАНДРА, и сердце ваше отдыхаетъ!

Я чувствую великія дѣла ПЕТРОВЫ, и думаю: „щастливы предки наши, которые были ихъ свидѣтелями!" однакожъ — не завидую ихъ щастію! Гораздо веселѣе жить въ то время, когда въ Преображенскомъ поливаютъ землю не кровію, а водою для произведенія овощей и салата!

Естьли бы кто нибудь въ царствованіе АЛЕКСАНДРА могъ быть еще недоволенъ — (но мы для одной реторической фигуры предполагаемъ сію возможность) — то я желалъ бы въ лѣтній вечеръ сводить его въ Преображенское!

О ВѢРНОМЪ СПОСОБѢ ИМѢТЬ ВЪ РОССІИ ДОВОЛЬНО УЧИТЕЛЕЙ.

Есть два рода людей, у насъ и вездѣ: одни вѣрятъ силѣ и легкимъ успѣхамъ добра, радуются намѣреніемъ его какъ дѣломъ, и — мимо всѣхъ возможныхъ или необходимыхъ препятствій — летятъ мыслію къ щастливому исполненію плана; другіе трясутъ головою при всякой новой идеѣ человѣколюбія, тотчасъ находятъ невозможности, съ удивительною методою раздѣляютъ ихъ на классы и статьи, улыбаются и заключаютъ обыкновеннымъ припѣвомъ лѣниваго ума: *какъ ни мудри, а все будетъ по старому!* Въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что

первые не рѣдко обманываются; согласимся даже, что вторые чаще бываютъ правы: но скажемъ и то, что люди не успѣли бы ни въ чемъ хорошемъ и благородномъ, естьли бы всѣ имѣли такой образъ мыслей; смѣлые законодатели, творцы государственнаго блага, не сіяли бы тогда въ Исторіи, и мы не научились бы судить о великихъ людяхъ по трудностямъ, которыя они преодолѣваютъ.

Такимъ образомъ и сей новый Уставъ просвѣщенія, которымъ утѣшаются добрые Патріоты, можетъ иному флегматическому Скептику представить великія трудности въ своемъ исполненіи. На примѣръ, онъ скажетъ: „гдѣ „Россія будетъ находить столько „учителей, сколько ихъ нужно для „уѣздныхъ и Губернскихъ школъ по „новому образованію? кѣмъ наполнятся Педагогическіе Институты? можно ли надѣяться на до-

„вольное число охотниковъ?" Отвѣчаемъ ему:

Всѣ знаютъ, что при Московскомъ Университетѣ всегда воспитывалось нѣсколько молодыхъ людей на казенномъ содержаніи; но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстна великая польза сего учрежденія. Ему обязаны мы тѣмъ, что ученое состояніе (не смотря на малыя свои *донынѣ* выгоды и весьма ограниченный кругъ дѣйствія) не погасло въ Россіи; что Университетъ нашъ, славясь иногда чужестранными Профессорами, всегда славился и Рускими, которые, преподавая Науки, въ то же время образовали и языкъ отечественной. Другіе учились временно, мимоходомъ и рѣдко доучивались; но изъ питомцевъ Монаршей благодѣтельности выходили хорошіе Студенты, Бакалавры, Магистеры, Профессоры. Обязанные нравственнымъ бытіемъ своимъ Универси-

тету, привыкнувъ къ мѣсту, къ людямъ, къ жизни посвященной Наукамъ, они не обольщались выгодами другихъ состояній, оставались въ ученомъ, и съ удовольствіемъ брали на себя должность наставниковъ юношества. — Когда же мудрое наше Правительство новыми благодѣяніями оживитъ сей Институтъ, то Россія будетъ имѣть столько ученыхъ людей, столько Педагоговъ, сколько ей надобно. Правда, что мы и не знаемъ другаго надежнаго способа имѣть ихъ; но довольно и одного вѣрнаго.

Число желающихъ пользоваться симъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ было всегда такъ велико, что Университетъ не могъ принимать изъ нихъ ни третьей части, думаю, въ опредѣленный закономъ комплектъ. Нынѣ, при новыхъ выгодахъ ученаго званія, сколько бѣдныхъ молодыхъ людей захотятъ итти симъ путемъ! сколько

не богатыхъ родителей благословятъ Небо и Монарха, отдавая дѣтей въ такое мѣсто, гдѣ они будутъ хорошо содержаны, нравственно образованы, просвѣщены, и чрезъ нѣсколько лѣтъ найдутъ средство служить отечеству въ званіи столь полезномъ! Жалованье учителя городской школы есть уже избытокъ человѣка, воспитаннаго въ незнаніи прихотей. Онъ же можетъ имѣть и посторонніе, честные доходы: благодарные родители учениковъ его, купцы, дворяне, безъ сомнѣнія будутъ на дѣлѣ изъявлять ему свою признательность. Сверхъ того онъ имѣетъ въ виду временныя награжденія за особенное усердіе и способность въ отправленіи его должности, и наконецъ всегдашнюю пенсію. Какое щастіе для человѣка, которой родился въ бѣдности и могъ быть тягостію для злополучнаго отца, естьли бы благодѣтельное Прави-

тельство не взяло на себя его воспитанія! — Замѣтимъ еще выгоду Педагогическаго состоянія. Народный учитель есть конечно, какъ говорится, не знатной, не великой господинъ; но малочиновность бываетъ оскорбительна для самолюбія только въ гражданской дѣятельности и въ частыхъ сношеніяхъ съ людьми. Учитель по должности своей удаленъ отъ свѣтскаго вихря: онъ есть глава въ кругу своемъ, не имѣетъ нужды въ другихъ, а другіе имѣютъ въ немъ нужду (отцы и родственники учениковъ), и можетъ скорѣе возгордиться, нежели унизиться въ своихъ чувствахъ. Сіе замѣчаніе такъ справедливо, что во многихъ Европейскихъ земляхъ *гордость школьнаго мастера* вошла въ пословицу.

Бѣдность есть съ одной стороны нещастье гражданскихъ обществъ, а съ другой причина до

бра: она заставляетъ людей быть полезными, и, такъ сказать, отдаетъ ихъ въ расположеніе Правительства; бѣдные готовы служить во всѣхъ званіяхъ, чтобы только избѣжать жестокой нищеты. Россія *на первой случай* можетъ единственно отъ нижнихъ классовъ гражданства ожидать ученыхъ, особливо Педагоговъ. Дворяне хотятъ чиновъ, купцы богатства черезъ торговлю; они безъ сомнѣнія будутъ учиться, но только для выгодъ своего особеннаго состоянія, а не для успѣховъ самой Науки — не для того, чтобы хранить и передавать ея сокровища другимъ. Слава Богу! нигдѣ уже благородные не думаютъ, что пыльной генеалогической свитокъ есть право быть невѣждою и занимать важнѣйшія мѣста въ государственномъ порядкѣ; но естьли и въ другихъ земляхъ Европы, гораздо опытнѣйшихъ и старѣйшихъ въ

гражданскомъ образованіи, ученый дворянинъ есть нѣкоторая рѣдкость, то можемъ ли въ Россіи ждать благородныхъ на Профессорскую каѳедру? хотя — признаюсь — я душевно бы обрадовался первому феномену въ семъ родѣ. Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма Наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человѣкъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богатствъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сія необходимость горестна для человѣка. Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и преступленій: какъ же благородно ученое состояніе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно, и приближать щастливую эпоху порядка, мира, благоденствія!... Но я долженъ извиниться передъ читате-

лями: такія мысли далеки отъ обыкновенныхъ побудительныхъ причинъ гражданской дѣятельности.

Говоря о ближайшемъ и настоящемъ, скажемъ, что естьли въ Москвѣ и въ каждомъ *учебномъ округѣ* Россіи будетъ отъ трехъ до пяти сотъ воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержаніи, то чрезъ 10 или 15 лѣтъ Университетскимъ Правленіямъ останется только выбирать достойнѣйшихъ изъ нихъ для званія учителей. Патріотическая ревность нашего дворянства и купечества можетъ въ семъ случаѣ обнаружиться съ блескомъ и существенною пользою, чтобы не отяготить казны издержками. Благодѣяніе есть потребность нѣжной души: чѣмъ предметъ его вѣрнѣе и спасительнѣе, тѣмъ оно должно быть усерднѣе. Человѣколюбивыя намѣренія Монарха явно дѣйству-

ютъ нынѣ на умы и сердца: вездѣ обнаруживается какая-то *Филантропія*; вездѣ хотятъ общеполезныхъ учрежденій и выдумываютъ планы. Трудъ напрасный! оставимъ Правительству учреждать и заводить: удовольствуемся честію и славою способствовать ему въ его святыхъ намѣреніяхъ. Зная главную потребность Россіи, Оно всего болѣе желаетъ озарить умы наши свѣтомъ ученія: когда сей великій планъ его исполнится, тогда будемъ щастливѣе и въ собственныхъ изобрѣтеніяхъ ума и въ собственныхъ выдумкахъ для блага людей. Уже Патріотизмъ готовъ, дерзну сказать, удивить Россію своими щедрыми дарами въ пользу Университетовъ; но скромность не дозволяетъ намъ еще произнести имени. Исторія нашего отечества доказываетъ, что многіе Руские имѣли славу быть *первыми* въ блестящихъ дѣлахъ добра, но

никогда не оставались безъ подражателей; наше время безъ сомнѣнія не представитъ изключенія. Естьли мы, усердно прославляя знаменитыхъ благотворителей Россійской учености, не имѣемъ способовъ равняться въ щедрости съ ними, то все еще можемъ смѣло итти къ жертвеннику отечества и съ малѣйшимъ даромъ. Пусть богатой человѣкъ достойно славится тѣмъ, что его благотворительность воспитываетъ десять или двадцать молодыхъ людей при Университетѣ: другой не менѣе его можетъ радоваться мыслію, что, удѣляя нѣчто отъ плодовъ своего трудолюбія, дастъ хотя *одному* сыну бѣднаго мѣщанина средство учиться и быть полезнымъ гражданиномъ. Благодѣяніе такого роду *безконечно*, и слѣдствія его переживутъ нашихъ внуковъ: ибо всякой образованный умъ, дѣйствуя на современниковъ, дѣйствуетъ и

на потомство, которое не особеннымъ откровенiемъ, а нашими мыслями и свѣдѣнiями должно просвѣтиться.

Московскiе дворяне, издревле знаменитые, давно уже пользуясь благодѣянiемъ Университета — гдѣ они или сами учились или учатъ дѣтей своихъ — не захотятъ ли возвысить его передъ новѣйшими? не захотятъ ли присвоить ему славы надѣлять Россiю учителями, а другiе Университеты Профессорами? Для сего (повторяю) надобно только умножить число народныхъ или государственныхъ воспитанниковъ при Московской Гимназiи; и тогда Ректоръ Университетской, вводя какого нибудь знаменитаго иностранца въ огромныя залы училища, скажетъ ему: „вотъ питомцы щедраго Московскаго Дворянства!" Съ какимъ удовольствiемъ сiи государственные благотворители видѣли бы успѣхи моло-

дыхъ людей, обязанныхъ имъ истиннымъ человѣческимъ бытіемъ! Всякой занимался бы своимъ особеннымъ питомцемъ и гордился бы его отличіемъ. Содержаніе ученика стоитъ въ годъ около 150 рублей: какое же другое удовольствіе можемъ купить столь дешево?

Нынѣшнее щастливое состояніе Россіи, мудрый духъ Правленія, спокойствіе сердецъ, веселыя лица, чувствительность Рускихъ къ добру, вселяютъ въ насъ охоту разсуждать о дѣлахъ общей пользы. Мы знаемъ старцевъ, которые, стоя на краю могилы, съ радостными слезами слушаютъ и говорятъ о надеждахъ человѣколюбія, о благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ просвѣщенія, которыхъ имъ безъ сомнѣнія не дождаться. Такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще не мертваго душею человѣка.—

Разныя обстоятельства измѣняли нашъ простой, доброй характеръ, и запятнали его на время; видимъ людей, углубленныхъ въ свою личность и холодныхъ для всего народнаго; но видимъ и Патріотовъ, въ которыхъ истинная Руская кровь еще пылаетъ: ихъ сердце всегда откликается на гласъ отечества, когда онъ несется съ Трона.

ПИСЬМО СЕЛЬСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Вы желаете, любезный другЪ, знать всѢ подробности моего уединенія; но мы, деревенскіе люди, живемЪ такЪ обыкновенно, такЪ просто, что не умѢемЪ сказать о себѢ ничего любопытнаго и достойнаго примѢчанія. Только вы, горожане, имѢете способЪ разнообразить свою дѣятельность и пестрить жизнь вашу ежедневными новостями вЪ планахЪ, надеждахЪ, удовольствіяхЪ. Естьли не всегда можете хвалиться щастіемЪ, то по крайней мѢрѢ богатѢете опытами, наблюденіями, и ваши сутки стоятЪ нашего мѢсяца. Мы вЪ деревнѢ наблюдаемЪ только погоду, и наши записки служатЪ исторіею не сердца человѢческаго, а термометра....

Вы назовете это сельскою шуткою — и не обманетесь. Жизнь моя, думаю, щасплива, ибо я доволенъ ею. Лѣта конечно исцѣляютъ насъ отъ сей душевной лихорадки, отъ сего внутренняго неизъяснимаго безпокойства, которое тревожитъ молодость; но и самый чистый воздухъ полей и лѣсовъ, самый видъ сельской Природы не имѣетъ ли также благотворнаго вліянія на сердце, и не располагаетъ ли его *физически* къ сладкому чувству покоя? Спросите о томъ у вашихъ Медиковъ-Философовъ; а я между тѣмъ нахожу сіе дѣйствіе вѣроятнымъ, чувствуя себя какъ будто бы другимъ человѣкомъ со времени моего пріѣзда въ деревню.

Вамъ извѣстно, любезный другъ, что я не бывалъ мизантропомъ, даже и въ такихъ обстоятельствахъ, которыя могли бы извинить маленькую досаду

на ближнихъ; знаете, что я нѣкогда пылалъ ревностію имѣть обширный кругъ дѣйствія, въ нескромной надеждѣ на свою любовь къ добру и человѣчеству. Но долговременное ученье въ школѣ опыта и *феруля* сего жестокаго мастера смирили мою гордость — такъ смирили, что я, оставивъ всѣ дальнѣйшія требованія на блестящую долю *славныхъ людей*, взялся — за плугъ и соху! Подивитесь же теперь чудной игрѣ нашего самолюбія: съ сего времени мнѣ кажется, что добрый земледѣлецъ есть первый благодѣтель рода человѣческаго и полезнѣйшій гражданинъ въ обществѣ. „Гдѣ много Героевъ, тамъ много кровопролитія; гдѣ много судей, тамъ много ябеды и неправосудія; гдѣ много купцовъ, тамъ много роскоши; но гдѣ много пахарей, тамъ много хлѣба — а хлѣбъ есть корень изобилія.“ Что вы скажете о семъ раз-

сужденіи? Оно вѣрно полюбилось бы Китайцамъ.

Это вступленіе готовитъ васъ къ длинному письму: пеняйте сами на себя! Старики и деревенскіе жители любятъ поговорить, когда есть случай; а вы заставили меня взяться за перо, которому уже давно не было дѣла. Мнѣ хочется, на примѣръ, дать вамъ идею о главныхъ моихъ *сельскихъ подвигахъ*.

Я выросъ тамъ, гдѣ живу нынѣ. Путешествіе и служба совершенно раззнакомили меня съ деревнею; однакожъ, сдѣлавшись рано господиномъ изряднаго имѣнія, и будучи, смѣю сказать, напитанъ духомъ филантропическихъ Авторовъ, то есть, ненавистію ко злоупотребленіямъ власти, я желалъ быть заочно благодѣтелемъ поселянъ моихъ: отдалъ имъ всю землю, довольствовался самымъ умѣреннымъ оброкомъ, не хотѣлъ

имѣть въ деревнѣ ни управителя, ни прикащика, которые не рѣдко бываютъ хуже самыхъ худыхъ господъ, и съ удовольствіемъ искренняго человѣколюбія написалъ къ крестьянамъ: „Добрые земледѣль„цы! сами изберите себѣ началь„ника для порядка, живите мир„но, будьте трудолюбивы и счи„тайте меня своимъ вѣрнымъ за„ступникомъ во всякомъ притѣ„сненіи.“ Возвращаясь наконецъ къ Пенатамъ родины, чтобы умереть тамъ, гдѣ началъ жить, я сердечно утѣшался пріятною мыслію, что найду деревню свою въ цвѣтущемъ состояніи; какъ Поэтъ воображалъ богатыя нивы, пажити, полныя житницы, избытокъ, благоденствіе, и сочинялъ уже въ головѣ своей письмо къ какому нибудь Рускому Журналисту о щастливыхъ плодахъ свободы, данной мною крестьянамъ... Пріѣзжаю и нахожу бѣдность, поля весьма дур-

но обрабошанныя, житницы пустыя, хижины гніющія! . . . Съ горестнымъ удивленіемъ призываю къ себѣ стариковъ, которыхъ имена были мнѣ еще съ ребячества памятны, — разспрашиваю ихъ, и наконецъ узнаю истину! Покойный отецъ мой, живучи самъ въ деревнѣ, смотрѣлъ не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотѣлъ, чтобы и тѣ и другія были хорошо обработаны — и въ нашей деревнѣ хлѣбъ родился лучше, нежели во многихъ другихъ; господинъ богатѣлъ, и земледѣльцы не бѣднѣли. Воля, мною имъ данная, обратилась для нихъ въ величайшее зло: то есть, въ волю лѣниться и предаваться гнусному пороку пьянства, дошедшему съ нѣкотораго времени до ужасной крайности какъ въ нашей, такъ и въ другихъ Губерніяхъ. Эта язва въ здѣшнихъ, удаленныхъ отъ столицы мѣстахъ, есть новое явленіе:

живо помня лѣта своего дѣтства, помню и то, что прежде въ одни большiе годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая другъ друга домашнимъ пивомъ или виномъ, купленнымъ въ городѣ. Нынѣ будни сдѣлались для нихъ праздникомъ, и люди услужливые, подъ вывѣскою орла, вездѣ предлагаютъ имъ средство избавляться отъ денегъ, ума и здоровья: ибо въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ питейнаго дома. Къ чести нѣкоторыхъ дворянъ, сосѣдей моихъ, скажу, что они отвергаютъ выгоды, представляемыя имъ откупщиками, и не дозволяютъ заводить у себя храмовъ Рускаго неопрятнаго Бахуса; но другiе не такъ думаютъ, — особливо тѣ, которые сами въ откупахъ участвуютъ. Не мое дѣло осуждать сей легкой и модной способъ умножать свои доходы; не смѣю вообразить, чтобы онъ былъ несогласенъ съ достоинствомъ

благороднаго и великодушнаго Патріота: ибо вижу многихъ почтенныхъ людей, которые прибѣгаютъ къ нему безъ зазрѣнія совѣсти и хвалятся искусствомъ въ семъ важномъ промыслѣ. Мнѣнія и вкусы различны. Однакожь тѣ ошибаются, которые думаютъ, что Руские искони любили излишнее употребленіе вина, и что никакая законодательная мудрость не отвратитъ ихъ отъ сего порока: онъ заразилъ народъ только со времянъ Годунова; сей Царь, желая обогатить казну государственную, умножилъ число питейныхъ домовъ (*); а случай и удобность, какъ извѣстно, соблазняютъ людей. На примѣръ, при Князѣ Васильѣ Ивановичѣ народъ Московскій безъ со-

(*) Слова лѣтописца: „Устави же Царь „Борисъ въ Россіи и пошлину имати со всякихъ товаровъ, и мыты „и перевозы и вино продавати изъ „казны.“

мнѣнія не любилъ пьянства, ибо онъ укорялъ симъ порокомъ иностранныхъ солдатъ: Нѣмцовъ, Поляковъ и Литовцевъ, взятыхъ тогда въ Рускую службу (*). Но при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оно уже усилилось въ Москвѣ, такъ, что благодѣтельное Правительство искало мѣръ остановить его, уничтожило питейные домы и положило во всякомъ городѣ быть одному *кружешному двору*, чтобы продавать вино только ведрами и кружками.... Извините, любезный другъ: такая матерія совсѣмъ непріятна. Но мнѣ надлежало здѣсь имѣть дѣло съ откупщиками и блеснуть передъ ними *ученостію въ исторіи* ихъ промысла. Я постращалъ сихъ господъ, что скоро

(*) См. Герберштенна, Гваньино, Олеарія. — Мѣсто, гдѣ они жили (за Москвою рѣкою), прозвалось *Налейками*, отъ слова *налей*, которое часто употреблялось ими.

выдамъ книгу о вредѣ его для государства и нравовъ, естьли они не избавятъ нашей деревни отъ своей вывѣски. Жестокая угроза и 1000 рублей убѣдили ихъ исполнить это желаніе. Вотъ первый мой *подвигъ* для блага земледѣльцевъ!

Землю мою отдавали они въ наймы, и брали пять рублей за десятину, которая можетъ принести отъ 30 до 40 — но съ трудомъ, а имъ не хотѣлось и для своей выгоды работать. Я возобновилъ господскую пашню, сдѣлался самымъ усерднымъ экономомъ, началъ входить во всѣ подробности, надѣлилъ бѣдныхъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства, объявилъ войну лѣнивымъ, но войну не кровопролитную; вмѣстѣ съ ними, на поляхъ, встрѣчалъ и провожалъ солнце; хотѣлъ, чтобы они и для себя такъ же старательно трудились, во-время пахали и сѣяли; требовалъ

отъ нихъ строгаго отчета и въ не-рабочихъ дняхъ; перестроилъ всю деревню самымъ удобнѣйшимъ образомъ; ввелъ по возможности опрятность, чистоту въ ихъ избахъ, не столько пріятную для глазъ, сколько нужную для сохраненія жизни и здоровья. Наконецъ — безъ всякихъ Англійскихъ мудростей, безъ всякихъ хитрыхъ машинъ, не усыпая земли ни золою, ни известкою, ни толчеными костями — смѣю похвалиться, что и друзья земледѣлія и друзья человѣчества могутъ съ удовольствіемъ взглянуть на мои поля, село и жителей его. Всего же болѣе похвалюсь тѣмъ, что крестьяне благодарятъ меня за нынѣшнюю свою трезвость и работливость, видя щастливые плоды ихъ: изъ бѣдныхъ они сдѣлались зажиточными; имѣютъ хлѣбъ, лошадей, скотоводство и надежду быть со временемъ сельскими богачами.

Одинъ опытъ могъ увѣрить ихъ въ щастіи трудолюбія. Принудьте злаго дѣлать добро: отвѣчаю, что онъ скоро полюбитъ его. Заставьте лѣниваго работать: онъ скоро удивится своей прежней ненависти къ трудамъ. Сократъ называлъ добродѣтель *знаніемъ:* всякой порокъ можно назвать *невѣжествомъ* — ибо онъ есть слѣпота ума; ибо въ немъ гораздо болѣе страданія, нежели пріятности. Иностранные путешественники, видя въ Россіи безпечную лѣность крестьянина, обыкновенно приписываютъ ее такъ называемому рабству. „Какъ „ему охотно трудиться (говорятъ „сіи господа), когда помѣщикъ мо„жетъ всегда отнять у него иму„щество?" Но смѣю увѣрить ихъ, что такая Философія никогда не входила въ голову нашимъ земледѣльцамъ: они лѣнивы отъ природы, отъ навыка, отъ незнанія выгодъ трудолюбія. Какой госпо-

динѣ въ самомъ дѣлѣ отнимаетъ у кресіпьянъ хлѣбъ, лошадей и другую собственность? и развѣ нѣтъ между ими богатыхъ и промышленыхъ? Достойно замѣчанія, что нерадивые всегда приписывают избытокъ работящихъ не трудамъ ихъ, а щастію! Иностранные глубокомысленные Политики, говоря о Россіи, знаютъ все, кромѣ Россіи. Я разсуждалъ такъ же въ городскомъ кабинетѣ своемъ; но въ деревнѣ перемѣнилъ мысли. У насъ много вольныхъ крестьянъ: но лучше ли господскихъ они обработываютъ землю? по большой части напротивъ. Съ нѣкотораго времени хлѣбопашество во всѣхъ Губерніяхъ приходитъ въ лучшее состояніе: отъ чего же? отъ старанія помѣщиковъ: плоды ихъ экономіи, ихъ смотрѣнія, надѣляютъ изобиліемъ рынки столицъ. Естьли бы они, принявъ совѣтъ иностранныхъ Филантроповъ, всѣ сдѣлали

то же, что я прежде дѣлалъ: наложили на крестьянъ оброкъ, отдали имъ всю землю, и сами навсегда уѣхали въ городъ, то я увѣренъ, что на другой годъ пришло бы гораздо менѣе хлѣбныхъ барокъ какъ въ Москву, такъ и въ Петербургъ. Не знаю, что вышло бы черезъ пятьдесятъ или сто лѣтъ: время конечно имѣетъ благотворныя дѣйствія; но первые годы безъ сомнѣнія поколебали бы систему мудрыхъ Англійскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ головъ. Она хороша, естьли бы мы, принявъ ее, могли заснуть съ Эпименидомъ по крайней мѣрѣ на цѣлый вѣкъ; но всякой изъ насъ хочетъ жить хорошо, спокойно и щастливо нынѣ, завтра и такъ далѣе. Время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его! Мудрый идетъ шагъ за шагомъ, и смотритъ вокругъ себя. Богъ видитъ,

люблю ли человѣчество и народъ Руской; имѣю ли предразсудки, обожаю ли гнусной идолъ корысти — но для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ желаю единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ и средство просвѣщенія, которое одно, одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ. Къ щастію мы живемъ въ такое время, когда мудрое, отеческое Правительство угадываетъ всѣ истинныя потребности государственнаго и народнаго блага: съ какою радостію читалъ я указъ о заведеніи школъ деревенскихъ! Вотъ исполинскій шагъ къ вѣрнѣйшему благоденствію поселянъ! Они Рускіе: слѣдственно имѣютъ много природнаго ума; но умъ безъ знанія есть сидень.

Сей указъ обрадовалъ меня тѣмъ болѣе, что я въ нынѣшнюю зиму по собственному движенію завелъ у себя школу для крестьянскихъ

дѣтей, съ намѣреніемъ учить ихъ не только грамотѣ, но и правиламъ сельской Морали, и на досугѣ сочинилъ катихизисъ, самой простой и незатѣйливой, въ которомъ объясняются *должности поселянина, необходимыя для его щастія*. Умной новой Священникъ деревни нашей былъ въ этомъ дѣлѣ моимъ критикомъ, совѣтникомъ и помощникомъ. За то и я бываю его критикомъ и совѣтникомъ, когда онъ пишетъ сельскія проповѣди. Доставлю вамъ нѣкоторыя изъ нихъ, и вы увидите, что у насъ есть свои Йорики. Когда отецъ Савва начинаетъ говорить въ церкви, земледѣльцы мои подвигаются къ нему ближе и ближе: это хорошій знакъ. Мы живемъ съ нимъ дружно, часто обѣдаемъ вмѣстѣ, и сидя на диванѣ, въ разговорахъ своихъ перебираемъ всю Натуру отъ кедра до исопа. Отецъ Савва есть не только Теологъ и

Моралистъ, но и Физикъ, Ботанистъ, даже Медикъ самоучкою: я взялъ на себя должность Аптекаря, и мы ребарбаромъ, сосновыми шишками и Шифгаузенскимъ пластыремъ дѣлаемъ здѣсь чудеса. Крестьяне въ охотѣ лечиться едва ли уступаютъ городскимъ жителямъ. Слабому человѣку сродно искать облегченія въ его страданіяхъ, и Медицина въ нѣкоторомъ смыслѣ есть дочь Натуры. Чѣмъ она простѣе, тѣмъ лучше, и торжество ея всего явнѣе въ деревняхъ, гдѣ Природа, укрѣпленная суровою жизнію, при малѣйшемъ пособіи искусства какъ Геркулесъ отражаетъ болѣзнь. Дѣйствительность нашей маленькой Аптеки отводитъ поселянъ отъ употребленія вредныхъ средствъ, предписываемыхъ имъ въ болѣзняхъ ворожеями, колдунами и другими сельскими Адептами: польза не малая! Мнѣ сказывали, что въ Мо-

сковской Заиконоспасской Академіи съ нѣкотораго времени учатъ Студентовъ Анатоміи и Ботаникѣ, то есть, готовятъ быть и Священниками и лекарями: эта мысль прекрасна и достойна нынѣшняго Правительства. Такъ издревле ведется на Востокѣ, гдѣ одни люди врачуютъ душу и тѣло. Благодѣянія Медика возвышаютъ достоинство нравственнаго учителя. Вижу опытъ того въ своей деревнѣ: крестьяне мои уважаютъ и любятъ Священника какъ отца, и сдѣлались при немъ гораздо набожнѣе. Я съ своей стороны помогаю сему щастливому ихъ расположенію усерднымъ примѣромъ своимъ, и всякое Воскресенье являюсь въ церкви. Человѣкъ съ умомъ образованнымъ имѣетъ тысячу побужденій быть добрымъ: набожность замѣняетъ ихъ для грубаго земледѣльца, и смягчаетъ его душу. Ему, кажется, такъ естествен-

но молиться Небу, предмету надежды и страха для полей его! Питаясь непосредственно изъ рукъ Натуры, можетъ ли онъ забывать ея Творца великаго? Но, къ нещастію, суевѣріе гораздо обыкновеннѣе набожности между людьми непросвѣщенными.

Зная, любезный другъ, охоту вашу къ садамъ, желалъ бы я сообщить вамъ прелестное описаніе какого нибудь *Эдема*, мною заведеннаго; но, къ великому благополучію, не имѣю уже работниковъ для такого дѣла... Изъясню вамъ загадку. Сначала мы не рѣдко ссорились съ крестьянами за нерадивость и худое исполненіе моихъ приказаній: какъ же наказывать виноватыхъ? Я выдумывалъ для нихъ работы въ саду, довольно трудныя, и хотѣлъ удивить моихъ сосѣдей лабиринтами, Парнассами, водяными зеркалами, и проч. Но мало по малу число

преступниковъ уменьшалось, и наконецъ работы наши совсѣмъ остановились. *Тѣмъ лучше!* сказалъ я садовнику, и не думаю болѣе о лабиринтахъ. Поля и рощи служатъ для меня самымъ пріятнѣйшимъ Англійскимъ садомъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ дворянъ жалѣютъ о моемъ дурномъ вкусѣ: что дѣлать? я люблю добрыхъ, исправныхъ земледѣльцевъ гораздо болѣе садовъ, и не могу безъ вины наказывать ихъ трудами, вымышляемыми прихотью. Одно нужное и полезное кажется мнѣ хорошимъ. Такъ, на примѣръ, я съ великимъ удовольствіемъ отрылъ собственными руками источникъ свѣжей воды подлѣ самой большой дороги, обложилъ его дикимъ камнемъ, сдѣлалъ вокругъ дерновое канапе, часто сижу на немъ и веселюсь, смотря на проѣзжихъ, утоляющихъ жажду *моею* водою... Разумѣется, что вашъ пріятель

сравниваетЪ себя тогда сЪ славными благодѣтелями Востока, которые, слѣдуя предписанію Алкорана, дѣлаютЪ колодези для странниковЪ вЪ степяхЪ АравійскихЪ. Видите мой *романизмЪ:* это болѣзнь неизлечимая.

Однако жь, любезный другЪ, не смотря на то, я не хотѣлЪ завести у себя романическихЪ *праздниковЪ розы.* Пусть во Франціи семнадцатилѣтняя невинность какЪ фениксЪ украшается вѣнками славы: у насЪ всѣ дѣвушки смиренны и невинны. Не хочу бросить *яблока раздора* между ими. Довольно, что мы три раза вЪ годЪ цѣлою деревнею веселимся, празднуя весну, окончаніе полевыхЪ работЪ и день рожденія моей дочери. Широкой господской дворЪ обращается тогда вЪ залу пиршества и храмЪ изобилія; даемЪ обѣдЪ, какіе описываются вЪ старинныхЪ РускихЪ сказкахЪ и вЪ ГомеровыхЪ ПоэмахЪ;

сажаемъ земледѣльцевъ съ ихъ семьями за *столы дубовые*, и не жалѣемъ плодовъ земныхъ для угощенія. Послѣ обѣда является Руской *Трубадуръ*, слѣпой Украинской скоморохъ съ волынкою, и начинаются пляски. Между тѣмъ изъ *роговъ миѳологической козы Амалтеи* льется пиво и медъ для шумнаго собранія; и естьли пословица всѣхъ народовъ говоритъ правду, что хмѣль обнаруживаетъ сердце, то крестьяне любятъ меня душевно: ибо они, въ Бахусовыхъ восторгахъ, хотятъ безпрестанно цѣловать мои руки и называютъ меня самыми ласковыми именами.... Да и въ самомъ дѣлѣ за что имъ не любить господина, которой старается быть добрымъ, и главное свое удовольствіе находитъ въ ихъ пользѣ? Они люди, и слѣдственно имѣютъ чувство справедливости. Злая неблагодарность не такъ обыкновенна, какъ

думаютъ; но мы часто твердимъ объ ней для того, что она красиво выражается въ реторическихъ фразахъ; для того, что гораздо легче говорить о неблагодарности, нежели дѣлать добро великодушно и безкорыстно. . . . Крестьяне мои знаютъ, что я, подобно другимъ, могъ бы завести винный заводъ, приставить ихъ къ огромнымъ кубамъ, палить огнемъ неугасаемымъ, взять винную поставку и нажиться скорѣе, нежели отъ земледѣлія. Я требую отъ нихъ работы, но единственно той, для которой человѣкъ созданъ, и которая нужна для самаго ихъ щастія. Они лѣнились, пили и терпѣли недостатокъ: нынѣ работаютъ весело, пьютъ только въ гостяхъ у своего помѣщика и не знаютъ нужды. Сверьхъ того обхожденіе мое съ ними показываетъ имъ, что я считаю ихъ людьми и братьями по человѣчеству и Хри-

стіянству. . . Нѣтъ, не могу сомнѣваться въ любви ихъ!

Это увѣреніе, любезный другъ, пріятно душѣ моей; но еще гораздо пріятнѣе, гораздо сладостнѣе то увѣреніе, что живу съ истинною пользою для пяти сотъ человѣкъ, ввѣренныхъ мнѣ судьбою. Прискорбно жить съ людьми, которые не хотятъ любить насъ: всего же несноснѣе жить въ свѣтѣ безполезно. Главное право Рускаго дворянина быть помѣщикомъ, главная должность его быть добрымъ помѣщикомъ; кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ Монарху какъ вѣрный подданный: ибо АЛЕКСАНДРЪ желаетъ щастія земледѣльцевъ.

О ЩАСТЛИВѢЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однако жь не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія Натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны — въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и не льзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не Философія, а игра

ума; Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ снять для человѣка завѣсы съ дѣлъ Своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы увѣренія. — Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе; сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то

недостатокъ возможное на землѣ щастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однако жь слова: *благо* и *щастіе*, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другова — вотъ благо! одному лучше, нежели другому — вотъ щастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать *щастливѣйшею по сравненію?* Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть *только* животное) но — *послѣднюю степень физической зрѣлости* — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полномъ развитіи, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отно-

шенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ Природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій *характеръ благоразумія.* Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія.*

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Естьли бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли уклонясь отъ путей Натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо чело-

вѣкъ за тридцать пять лѣтъ безъ сомнѣнія не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его щасливѣе.

Въ сіе время люди по большой части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; *живемъ дома;* живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; вос-

питаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности, обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе. . . . Поля, нашими трудами обогащенныя — садикъ, нами обработанный — земледѣльцы, насъ благодарящіе — лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя — радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина. . . . такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть Натуры; думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить

минушу безъ наслажденія! . . . Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми Природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ Геній. . . . Ясный взоръ на міръ открываетъ истину, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая справед-

ливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль, утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню щастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ — но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ развитіи ума, въ мирныхъ тру-

дахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановися!* естьли бы въ то же время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гроба!*

ЗАПИСКИ СТАРАГО МОСКОВСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Эмилія уѣхала въ деревню, и Бостонъ нашъ разстроился; на *булеварѣ* нѣтъ ни души, ибо время не благопріятно для гулянья: куда же мнѣ дѣваться, и что дѣлать? Отъ скуки всего лучше писать; въ такомъ случаѣ, перо служитъ *отводомъ* ея, и передаетъ всю скуку Автора читателямъ. Какое мнѣ до нихъ дѣло! всякой о себѣ думай.... Къ тому же мнѣ стукнуло 62 года, и я жилъ не съ завязанными глазами въ свѣтѣ: сколько важныхъ наблюденій могу сообщить любопытнымъ, не хуже того *славнаго эфемера*, который, родясь на восходѣ солнца, видитъ себя въ глубокой старости при его за-

хожденіи, и съ краснорѣчіемъ Доктора Франклина (Автора сей остроумной басни (*)) разсказываетъ юнѣйщимъ эфемерамъ о великихъ перемѣнахъ свѣта, замѣченныхъ имъ въ теченіе столь долгаго времени, то есть въ 15 или 16 часовъ! Боже мой! сколько сдѣлалось перемѣнъ и на моихъ глазахъ! Красавицы подурнѣли, веселыя женщины стали унылыми; въ рукахъ, которыя прежде такъ мило играли опахаломъ и въ легкомъ *вальсѣ* обнимали щастливыхъ Зефировъ, вижу теперь четки или карты; взоры, съ которыми нѣкогда всѣ другіе встрѣчались, нынѣ бродятъ уединенно по залѣ, наполненной людьми невнимательными. Многіе умники обратились въ глупцовъ, честные люди въ бездѣльниковъ, подлецы въ гордецовъ, святоши въ

(*) Она напечатана въ Московскомъ Журналѣ.

вольнодумцевъ и вольнодумцы въ святошъ. Однимъ словомъ, я, старой эфемеръ, замѣчалъ метамсрфозы въ жизни, которыя стоятъ Овидiевыхъ; видѣлъ все, кромѣ того, чтобы плуты дѣлались честными, а глупцы умными.

Но не льзя писать обо всемъ, что знаешь: назовутъ Сатирикомъ; а я никогда не любилъ сего имени, можетъ быть отъ того, что оно всегда напоминаетъ мнѣ гнусную фигуру Сатира. Не хочу также сообщать наблюденiй, которыя можно растолковать въ худую сторону для настоящаго времени; скажутъ: ,,таковы старики! хвалятъ, чего уже нѣтъ, а все новое осуждаютъ!" Нѣтъ, брошу на бумагу замѣчанiя самыя невинныя и служащiя неоспоримымъ доказательствомъ того, что все идетъ къ лучшему въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ у насъ на Руси... Но въ такомъ случаѣ должно подумать....

„Господинъ! господинъ! не надобно ли вамъ цвѣтовъ?“... Этотъ голосъ, перервавъ нить идей моихъ, могъ бы чрезмѣрно разсердить меня, естьли бы онъ былъ не женской; но я, по старой привычкѣ, все еще не умѣю сердиться на женщинъ... Смотрю и вижу сельскую невинность, которая, остановясь передъ окномъ моего низенькаго домика, показываетъ мнѣ букетъ свѣжихъ ландышей. Встаю съ креселъ какъ молодой человѣкъ (ибо у меня еще нѣтъ подагры), даю деньги, беру цвѣты, нюхаю ихъ, и снова ищу въ головѣ мыслей... Но чего лучше? этотъ букетъ можетъ быть темою... Безъ сомнѣнія!... Задумываюсь на минуту и восклицаю: „слава нынѣшнему просвѣщенію и великимъ успѣхамъ его въ Москвѣ бѣлокаменной!“

Такъ, на моей памяти образовалась въ нашей столицѣ сія но-

вая отрасль торговли: на моей памяти стали продавать здѣсь ландыши. Естьли докажутъ мнѣ, что въ шестидесятыхъ годахъ хотя одинъ сельской букетъ былъ купленъ на Московской улицѣ, то соглашаюсь бросить перо свое въ первый огонь, который разведу осенью въ моемъ каминѣ. . . . Изъ чего мы, Философы, заключаемъ, что Московскіе жители просвѣтились: ибо любовь къ сельскимъ цвѣтамъ есть любовь къ Натурѣ; а любовь къ Натурѣ предполагаетъ вкусъ нѣжный, утонченный Искусствомъ. Какъ первые пріемы Философіи склоняютъ людей къ вольнодумству, а дальнѣйшее употребленіе сего драгоцѣннаго элексира снова обращаетъ ихъ къ вѣрѣ предковъ: такъ первые шаги общежитія удаляютъ человѣка отъ Натуры, а дальнѣйшіе снова приводятъ его къ ней. Старинные Рускіе Бояре не заглядывали въ дере-

вню, не имѣли загородныхъ домовъ и не чувствовали ни малѣйшаго влеченія наслаждаться Природою (для которой не было и самаго имени въ языкѣ ихъ); не знали, какъ милы для глазъ ландшафты полей, и какъ нуженъ для здоровья деревенскій воздухъ.... Правда, что они были здоровѣе нашего; но это неизъяснимое чудо!... О варварство! они гуляли только въ своихъ огородахъ, гдѣ, сидя подъ тѣнію черемхи, пивали холодный медъ изъ стопъ оловянныхъ; не имѣли даже и цвѣтниковъ; въ глаза не знали великолѣпной душистой розы, которую уже во время Царя Михаила Ѳедоровича привезъ въ Москву Голштинецъ Петръ Марселлисъ (*)!—Только при Государѣ ПЕТРѢ Великомъ Знатные начали строить домы въ Подмосковныхъ но еще за 40 лѣтъ передъ симъ

(*) Прежде въ Россіи извѣстны были однѣ дикія розы.

богатому Рускому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревнѣ. Какая розница съ нынѣшнимъ временемъ, когда Москва совершенно пустѣетъ лѣтомъ; когда всякой дворянинъ, насытившись зимою городскими удовольствiями, при началѣ весны спѣшитъ въ село, слышать первый голосъ жаворонка или соловья! а кто долженъ остаться въ Москвѣ, тотъ желаетъ по крайней мѣрѣ переселиться за городъ; число сельскихъ домиковъ въ окрестностяхъ ея годъ отъ году умножается; ихъ нанимаютъ не только дворяне, но и купцы. Мнѣ случилось въ одной Подмосковной деревнѣ видѣть крестьянскiй сарай, обращенный въ комнату съ диванами: тутъ въ хорошее время гуда живетъ довольно-богатый купецъ съ своимъ семействомъ. Въ городѣ у него каменной домъ и большой садъ; но онъ говоритъ:

„что можетъ сравняться лѣтомъ съ пріятностію сельской жизни?" Самые ремесленники любятъ уже веселиться хорошимъ днемъ на чистомъ воздухѣ. Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы Горы, къ Симонову Монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ. Портные и сапожники съ женами и дѣтьми рвутъ цвѣты на лугахъ, и съ букетами возвращаются въ городъ. Мы видали это въ чужихъ земляхъ, а у насъ видимъ только съ нѣкотораго времени, и должны радоваться. Еще не такъ давно я бродилъ уединенно по живописнымъ окрестностямъ Москвы и думалъ съ сожалѣніемъ: „какія мѣста! и никто не наслаждается ими!" а теперь вездѣ нахожу общество!

Однимъ словомъ, Рускіе уже чувствуютъ красоту Природы; умѣютъ даже украшать ее. Объѣзжайте Подмосковныя: сколько

прекрасныхъ домиковъ, Англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ! На примѣръ, село Архангельское, въ 18 верстахъ отъ Москвы, вкусомъ и великолѣпіемъ садовъ своихъ можетъ удивить самаго Британскаго Лорда; щастливое, рѣдкое мѣстоположеніе еще возвышаетъ красоту ихъ. Рощи — гдѣ дикость Природы соединяется съ удобностями Искусства, и всякая дорожка ведетъ къ чему нибудь пріятному: или къ хорошему виду, или къ обширному лугу, или къ живописной дичи — наконецъ заступаютъ у насъ мѣсто такъ называемыхъ *правильныхъ садовъ*, которые ни на что не похожи въ Натурѣ и совсѣмъ не дѣйствуютъ на воображеніе. Скоро безъ сомнѣнія перестанемъ рыть и пруды, въ увѣреніи, что самой маленькой ручеекъ своимъ быстрымъ теченіемъ

и журчаніемъ оживляетъ сельскія красоты гораздо болѣе, нежели сіи *мутныя зеркала*, гдѣ гніетъ вода неподвижная. . . .

Знаете ли, что и самой Московскій *булевар*ъ, каковъ онъ ни есть, доказываетъ успѣхи нашего вкуса? Вы можете засмѣяться, государи мои; но утверждаю смѣло, что одно просвѣщеніе раждаетъ въ городахъ охоту къ народнымъ гульбищамъ, о которыхъ, на примѣръ, не думаютъ грубые Азіатцы, и которыми славились умные Греки. Гдѣ граждане любятъ собираться ежедневно въ пріятной свободѣ и смѣси разныхъ состояній; гдѣ знатные не стыдятся гулять вмѣстѣ съ не-знатными, и гдѣ одни не мѣшаютъ другимъ наслаждаться яснымъ лѣтнимъ вечеромъ: тамъ уже есть между людьми то щастливое сближеніе въ духѣ, которое бываетъ слѣдствіемъ утонченнаго гражданскаго образо-

ванія. Предки наши не имѣли въ Москвѣ гульбища; даже и мы еще весьма не давно захотѣли имѣть сіе удовольствіе; но за то очень любимъ его. Жаль только, что нашъ *булеваръ* скупъ на тѣнь и до крайности щедръ на пыль; онъ же, къ нещастью, именемъ своимъ напоминаетъ *булевары* Парижскіе, столь прекрасные и сѣнистые! Древней столицѣ Рускаго царства больно въ чемъ нибудь завидовать другимъ Европейскихъ городамъ. Хорошее гульбище даетъ какую-то выгодную идею о самыхъ жителяхъ; и для того Швейцары, знакомясь съ иностранцемъ, къ нимъ пріѣхавшимъ, тотчасъ ведутъ его на свои прелестныя *террассы*, въ свои тѣнистыя алеи, которыя украшаютъ всѣ города ихъ. . . .

Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы — и не нахожу ничего лучше бе-

рега Москвы-рѣки (*) между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, естьли бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлать дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею. Тогда, смѣю сказать, Московское гульбище сдѣлалось бы однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей; огромный Воспитатель-

(*) Тамъ уже заводилось гульбище; но Кремлевская стѣна ни мало не весела для глазъ. Тогда же берегъ не былъ еще выстланъ камнемъ.

ный Домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля — вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа! Тогда житель Парижа или Берлина, сѣвъ на уступѣ Кремлевской горы, забылъ бы свой *булеваръ*, свою *липовую улицу* . . . Воображаю еще множество лодокъ и шлюпокъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разноцвѣтными флагами, съ роговою музыкою: ежедневное собраніе людей на берегу ея безъ сомнѣнія произвело бы сію охоту забавляться и забавлять другихъ... Сверьхъ того Кремль есть любопытнѣйшее мѣсто въ Россіи по своимъ богатымъ историческимъ воспоминаніямъ, которыя еще возвысили бы пріятность сего гульбища, занимая воображеніе.

Но это одна мысль. Кремлевская

стѣна есть нашъ Палладіумъ: кто смѣетъ къ ней прикоснуться? Развѣ одно время разрушитъ ее, такъ же, какъ оно разрушило стѣну вокругъ Бѣлаго города и Землянаго: ибо и сей послѣдній былъ нѣкогда окруженъ башнями (деревянными)... И такъ удовольствуемся своимъ *булеваромъ!* куда, государи мои, вы дозволите мнѣ и теперь отправиться: ибо облака разсѣялись и солнце проглянуло. Бросаю перо до первой скучной минуты, въ которую могу еще поговорить съ вами о другихъ поремѣнахъ въ Москвѣ бѣлокаменной и новыхъ выгодахъ нашего времени.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ НА ПУТИ КЪ ТРОИЦѢ.

Троицкой монастырь святъ не только для сердецъ набожныхъ, но и для ревностныхъ любителей отечественной славы; не только Россіяне, но и самые просвѣщенные иностранцы, знающіе нашу Исторію, любопытствуютъ видѣть мѣста великихъ происшествій.

Возобновивъ въ памяти своей дѣла нашей древности, въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы на ту дорогу, по которой столь часто Цари Рускіе ѣзжали и ходили на богомолье, испрашивать побѣды или благодарить за

нее Всевышняго, въ обители основанной святымъ мужемъ и Патріотомъ: сердце его, забывъ для себя все земное, желало еще благоденствія отечеству. Черезъ нѣсколько минутъ открылось село Алексѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, которой приготовилъ Россію къ величію и славѣ. Но тамъ представляется глазамъ еще другой, ближайшій его памятникъ: старый дворецъ, гдѣ онъ всегда останавливался на возвратномъ пути изъ монастыря Троицкаго и располагалъ торжественный въѣздъ свой въ Москву. Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе, едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи. Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину саженъ тридцать. На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ срединѣ Царица; въ первыхъ

окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли, вѣроятно для того, чтобы нескромное любопытство не могло въ нихъ со двора заглядывать — тогда думали болѣе о скромности, нежели о симметріи. Стѣны разрушаются; но я осмѣлился войти въ домъ, и прошелъ во всю длину его, естьли не съ благоговѣніемъ, то по крайней мѣрѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Печи вездѣ большія, съ разными, отчасти аллегорическими фигурами на изразцахъ. Внутреннія украшенія не могли истощить казны Царской: потолки и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными скобами; окна выкрашены зеленою краскою. Я воображалъ нашего добраго Рускаго Царя, сидящаго тутъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать,

передъ ними: тогда и самые важные бояре, приходя къ Государю, останавливались у дверей; а сиживали съ нимъ единственно за обѣдомъ, и то за другимъ столомъ. Къ сожалѣнію, мы худо знаемъ старинные обычаи; а что и знаемъ, то по большой части отъ иностранцевъ, которые, бывъ въ Россіи, описывали ихъ: на примѣръ Герберштеинъ, Петреусъ, Олеарій, Маржеретъ и другіе. Лѣтописцы наши и не подозрѣвали, что должно изображать характеръ времени въ его обыкновеніяхъ; не думали, что сіи обыкновенія мѣняются, исчезаютъ и дѣлаются занимательнымъ предметомъ для слѣдующихъ вѣковъ. Не все то любопытно, что хорошо; за то многое любопытно, чего и нельзя назвать хорошимъ. Пусть мы умнѣе своихъ предковъ, пусть намъ нечего занять отъ нихъ; но самое просвѣщеніе дѣлаетъ умъ

любопытнымЪ: хочется знать старину, какова ни была она, даже и чужую, а своя еще занимательнѣе. Мнѣ случилось видать памятники иностранной древности; но дворецЪ Государя Алексѣя Михайловича гораздо болѣе занималЪ мое воображеніе, даже и сердце. Я сЪ какою-то любовію смотрѣлЪ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще кЪ характеру старой Руси; сЪ какимЪ-то неизЪяснимымЪ удовольствіемЪ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда отворялЪ ее Родитель Петра Великаго, или КанцлерЪ МатвѣевЪ, или собственный предокЪ мой, служившій Царю. Я чувствовалЪ, что во мнѣ не простыла Руская кровь!

Москва не много видна изЪ оконЪ дворца; но вѣроятно, что бывшій сЪ этой стороны заборЪ (ямы столбовЪ не заросли еще вЪ нѣкоторыхЪ мѣстахЪ) не дозволялЪ и того видѣть: вЪ старину любили

жить открытымъ сердцемъ, а не въ открытомъ домѣ. Передъ окнами растутъ двѣ березы, изъ которыхъ одна запустила корень свой подъ самый домъ; можетъ быть Царица Наталія Кириловна посадила ихъ! — Другая стѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнія украшался всего болѣе подсолнечниками (этотъ вкусъ видимъ еще и нынѣ въ провинціальныхъ купеческихъ огородахъ); теперь густѣютъ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородинные кусты, такіе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды. Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхалъ отъ стариковъ, свѣдущихъ въ Рускихъ преданіяхъ. — Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданій, кромѣ погреба, гдѣ не

только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени; слѣдственно Царь могъ всегда пить здѣсь самой холодной медъ! — Онъ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстоположеніе очень обыкновенно: ровное и гладкое; на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща. Большая каменная церковь Алексѣевская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее. Пусть одно время разрушитъ его до основанія, а не рука человѣческая! У насъ мало памятниковъ прошедшаго: тѣмъ болѣе должны мы беречь, что есть!

Сѣвъ въ коляску, я могъ на досугѣ мыслить о быстрыхъ и медленныхъ успѣхахъ гражданскаго искусства. Воображая, какъ въ седьмомъ-надесять вѣкѣ жили еще Цари наши, и сравнивая тогдашній образъ жизни съ нашимъ, мы готовы назвать своихъ предковъ варварами; но должно заглянуть

мысленно въ другія части свѣта, чтобы судить справедливо о степеняхъ гражданскаго просвѣщенія. Въ Азіи, въ Африкѣ есть народы, которые десять, пятнадцать вѣковъ учатся въ школѣ общежитія, и еще далеки отъ того состоянія, въ которомъ были Рускіе во время Царей. Этотъ низенькой домикъ Алексѣя Михайловича удивилъ бы своею огромностію Министровъ Сеннарскаго Царя.

Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный *водоводъ*, оставилъ сравненія и пошелъ смотрѣть его. Вотъ одинъ изъ монументовъ ЕКАТЕРИНИНОЙ благодѣтельности! Она любила во многомъ слѣдовать примѣру Римлянъ, которые не жалѣли ничего для пользы имѣть въ городахъ хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей, необходимѣе самыхъ Аптекъ. Издержки для общественнаго блага составляютъ роскошь,

достойную великихъ Монарховъ, — роскошь, которая питаетъ самую любовь къ отечеству, нераздѣльному съ Правленіемъ. Народъ видитъ, что объ немъ пекутся, и любитъ своихъ благотворителей. Москва вообще не имѣетъ хорошей воды; едва ли двадцатая часть жителей пользуется Трехгорною и Преображенскою, за которою надобно посылать далеко. ЕКАТЕРИНА хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ близь своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мытищскихъ; теперь она уже въ городѣ: остается сдѣлать каналы внутри его. Работа долговременна и трудна, но благодѣяніе превосходитъ труды; и время открытія народныхъ колодезей будетъ важною эпохою для Московскихъ жителей, то есть небогатыхъ, слѣдственно большаго

числа. — Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ саженъ 100. Я увѣренъ, что всякой иностранной путешественникъ съ удовольствіемъ взглянетъ на сіе дѣло общественной пользы.

Коляска дожидалась меня въ деревнѣ Ростокинѣ, которая достойна примѣчанія для любителей Исторіи. Тутъ народъ Московскій, всегда усердный къ добрымъ Государямъ своимъ, встрѣтилъ Царя Іоанна Васильевича, когда онъ, взявъ Казань, съ торжествомъ возвращался въ столицу, еще не обагренный кровію подданныхъ, истинныхъ Бояръ Рускихъ — еще не грозный истребитель невинныхъ Новогородцевъ, славнѣйшихъ дѣтей древней Россіи, но юный Герой, украшенный лаврами славы, и нѣжный супругъ прелестной Анастасіи, столь любезной для Историка, вопервыхъ по ея кроп-

кимъ добродѣтелямъ, вовторыхъ и по тому, что брачному союзу Іоанна съ нею обязаны мы царствованіемъ Фамиліи Романовыхъ, которая успокоила и возвеличила Россію. Извѣстно, что главною причиною избранія въ Цари Михаила Θеодоровича было свойство его съ Іоанномъ черезъ Анастасію. Лѣтописи говорятъ, что все пространство отъ города до Ростокинскаго моста (то есть, семь верстъ) было занято радостными Московскими жителями, которые, слѣдуя собственному побужденію, спѣшили скорѣе преклонить колѣна передъ своимъ Государемъ; спѣшили изъявить ему благодарность за то, что онъ сокрушилъ грозное Татарское царство. Не многихъ побѣдителей народы благодарили столь искренно! Въ семъ случаѣ польза была явная для Россіи, и Государь не имѣлъ нужды доказывать ее подданнымъ. Осада

и приступъ стоили крови; но вдовы и сироты жаловались только на судьбу, а не на Царя своего. Принявъ народную благодарность, онъ снялъ съ себя воинскую одежду, надѣлъ корону Мономахову и въ величественномъ смиреніи пошелъ за крестами въ городъ. — Историкъ Россіи признаетъ сіе время щастливѣйшимъ и славнѣйшимъ временемъ Іоаннова царствованія. —

Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичь любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, которая, любя слѣды великаго Ея Дѣда, построила его близъ развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онъ также разрушается и, какъ

мнѣ сказывали, продается на свозъ. Я осмотрѣлъ его: есть большія комнаты, и видно, что нѣкоторыя были хорошо отдѣланы. Госпожа Радклифъ могла бы воспользоваться симъ дворцомъ и сочинить на него ужасной романъ; тутъ есть все нужное для ея мастерства: пустыя залы, коридоры, высокія лѣстницы, остатки богатыхъ украшеній, и (что всего важнѣе) вѣтеръ воетъ въ трубахъ, свиститъ въ разбитыя окончины и хлопаетъ дверьми, съ которыхъ валится позолота. Я же ходилъ по гнилымъ его лѣстницамъ при страшномъ громѣ и блескѣ молніи: это въ самомъ дѣлѣ могло сильно дѣйствовать на воображеніе. — Жаль, что такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревами, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь остается дикою пусты-

нею. Вездѣ трава въ поясъ; крапива и полынь растутъ на свободѣ. Сонныя воды Яузы одѣлись тиною. Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться. Эта неприступность напомнила мнѣ Эрменонвильскій островъ, гдѣ нѣкогда покоились Руссовы кости. — — Прибавлю, что въ Тайнинскомъ ночевалъ Царь Іоаннъ Васильевичь, возвращаясь въ Москву по взятіи Казани. Тамъ встрѣтили его главные Бояре и Князь Юрій Васильевичь, братъ его. По обычаю тогдашняго времени Царица Анастасія должна была ожидать супруга въ Московскомъ дворцѣ и преодолѣть желаніе сердца, которое стремилось на встрѣчу къ нему, чтобы представить Іоанну новорожденнаго сына ихъ Димитрія. Казалось, что Провидѣніе хотѣло тогда со всѣхъ сторонъ осыпать

сладкими чувствами сердце сего Государя.

Выѣхавъ опять на большую Троицкую дорогу въ Мытищахъ, я ходилъ пѣшкомъ, сквозь длинную насаженную алею, къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ, откуда проведена вода въ Москву. Ихъ числомъ 42; каждый представляетъ издали видъ маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ, прекраснымъ селеніемъ. Тутъ я отвѣдывалъ воду: она чиста и не имѣетъ никакого вкуса, слѣдственно очень хороша. Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго *громовымъ*, для того, какъ увѣряютъ, что тутъ ударилъ нѣкогда громъ въ землю, и что изъ отверстія, имъ сдѣланнаго, потекла сама собою чистая вода.

Село Пушкино (въ 26 верстахъ отъ Москвы) извѣстно въ нашей Исторіи тѣмъ, что въ немъ Бояринъ Иванъ Андреевичь Хованскій,

оклеветанный Милославскимъ, взятъ былъ подъ стражу. Въ другомъ мѣстѣ упомянемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ сего случая. — Здѣсь замѣчу только, что многіе крестьяне села Пушкина живутъ не въ избахъ, а въ красивыхъ домикахъ, не хуже самыхъ богатыхъ поселянъ въ Англіи и въ другихъ Европейскихъ земляхъ. Вотъ дѣйствіе усердія Московскихъ жителей къ Святому Сергію! Троицкая дорога ни въ какое время года не бываетъ пуста, и живущіе на ней крестьяне всякой день угощаютъ проѣзжихъ съ большою для себя выгодою. Они всѣ могли бы разбогатѣть, естьли бы гибельная страсть къ вину не разоряла многихъ — страсть, которая въ Россіи, особливо вокругъ Москвы, дѣлаетъ по крайней мѣрѣ столько же зла, какъ въ сѣверной Америкѣ между дикими народами. Я всегда радуюсь успѣхамъ промышленно-

сти, встрѣчая на улицахъ, въ торговые дни, миловидныхъ крестьянокъ съ ягодами, цвѣтами, травами для Аптекъ; но какъ отцы и мужья ихъ употребляютъ деньги? Не только нищета и болѣзни, но и самыя злодѣйства бываютъ слѣдствіемъ сего ужаснаго порока. Руской человѣкъ добродушенъ: ему надобно впасть въ нѣкоторое безпамятство, чтобы поднять руку на ближняго . . . Но что говорить о такомъ злѣ, которое всѣмъ извѣстно!

Тамъ, гдѣ Цари наши всегда отдыхали на пути къ Троицѣ, въ селѣ Братовщинѣ, я также остановился, не столько для отдыха, сколько для того, чтобы видѣть тамъ на досугѣ нѣкоторые монументы старины. Они состоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ

Царскою вышкою. Это имя было для меня не ново: я слыхалъ, что въ старину назывались такъ высокіе терема, въ которыхъ Рускіе Бояре прохлаждались иногда лѣтомъ. Цари наши не требовали ничего великолѣпнѣе для своего дорожнаго отдыха. Тутъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *задвижныя* окна: тогда не боялись еще сквознаго вѣтра. Приставъ сказывалъ мнѣ, что другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо пространнѣе. Близь ветхой церкви (гдѣ давно нѣтъ ни службы, ни образовъ) построенъ дворецъ при Елисаветѣ Петровнѣ: Г. Миллеръ ошибся, назвавъ его древнимъ зданіемъ Царей. Къ нему идетъ отъ села прекрасная березовая алея. Рѣчка Скауба на лѣвой сторонѣ, поля и луга составляютъ очень хорошій сельскій видъ. Онъ полюбился ЕКАТЕ-

ринѣ Великой, Которая, бывъ тутъ въ 1775 году, приказала строить новый дворецъ и каменную церковь. Сдѣланъ фундаментъ, изготовлены матеріалы — и все такъ оставлено. Отъ мѣста, гдѣ надлежало быть новому зданію, насажена въ правую сторону еще другая березовая алея до самой большой дороги. Во всякомъ дѣлѣ, которое начато и несовершено, есть для меня что-то печальное. Развалины древности говорятъ по крайней мѣрѣ о прошедшемъ; тутъ зданіе отслужило время свое: это почтенный старецъ, лѣтами склоненный къ землѣ и гробу — а гдѣ разрушается недостроенное, тамъ можно только жалѣть о трудахъ потерянныхъ.

Сѣвъ на гнилой церковной паперти, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскіе ландшафты вдали, думая, что не только люди, образъ ихъ жизни и

творенiй, но и самый видЪ Натуры перемѣняется со временемЪ. Теперешнiе веселые луга и поля были нѣкогда или болотомЪ или густымЪ лѣсомЪ. ГнЪ МиллерЪ удивляется, отЪ чего Переславль названЪ *ЗалѣскимЪ*, когда вокругЪ его нѣтЪ даже и рощи! Видно, что онЪ безЪ вниманiя смотрѣлЪ на окрестности Троицкой дороги: частый кустарникЪ и самый грунтЪ земли (на правой и на лѣвой сторонѣ) доказываютЪ, что тутЪ прежде были сплошные лѣса, которые, вѣроятно, простирались и далѣе кЪ сѣверу, то есть, кЪ Переславлю. Россiя вЪ сравненiи сЪ другими Европейскими землями есть конечно новая страна вЪ разсужденiи *обитаемости*; вЪ первые вѣки Христiянскаго лѣтосчисленiя она состояла изЪ обширныхЪ пустынь, гдѣ являлись иногда кочующiе народы, подобно караванамЪ вЪ степяхЪ АфриканскихЪ, и гдѣ вЪ де-

сятомъ, одиннадцатомъ вѣкѣ рѣдкія селенія уподоблялись рѣдкимъ островамъ на Океанѣ; но присутствіе людей въ два или три столѣтія чудеснымъ образомъ измѣняетъ Натуру. Гдѣ размножаются люди, тамъ (особливо въ сѣверныхъ земляхъ) исчезаютъ лѣса; нѣкоторые боятся того, думая, что потомкамъ нашимъ со временемъ нечѣмъ будетъ согрѣвать домовъ своихъ: страхъ напрасной! Вопервыхъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе; вовторыхъ, дерева растутъ у насъ скоро; наконецъ, въ случаѣ нужды, неистощимые слои земляныхъ угольевъ ожидаютъ въ Россіи только заступа, чтобы пылать въ нашихъ печахъ и каминахъ. —

Маленькая деревня Талица, въ 9 верстахъ отъ Братовщины, замѣчена мною по любопытной

встрѣчѣ. Я шелъ пѣшкомъ, увидѣлъ старика съ сумою, и проговорилъ съ нимъ долѣе часу. Ему около ста лѣтъ; но онъ едва начинаетъ сѣдѣть, и твердъ на ногахъ какъ человѣкъ лѣтъ въ 50; только худо видитъ. Жена у него еще старѣе (двумя или тремя годами) и живетъ съ нимъ въ хижинѣ какъ Бавкида съ Филемономъ. У нихъ было 12 дѣтей, которыя всѣ померли во младенчествѣ. Я зашелъ къ нимъ въ гости. Они питаются милостынею и дома не пекутъ хлѣба, однако жь варятъ щи. Мужъ приноситъ воду и дрова, а жена затопляетъ печь; онъ имѣетъ болѣе силъ, а она лучше видитъ. Какая рѣдкая судьба! жить вмѣстѣ 80 лѣтъ! Можетъ быть на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другова супружества столь долговременнаго! Я хотѣлъ знать, любятъ ли они другъ друга? — „Какъ не любить! мужъ да жена больше, чѣмъ братъ

да сестра (*).“ — Боитесь ли вы смерти? — „Чего бояться? Мы, слава Богу! пожили. Смерть не бѣда.“ — Тебѣ не жаль будетъ старушки? — „Чего жалѣть! Кому нибудь надобно умереть прежде.“ — А естьли она переживетъ тебя? — „Что же? въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; дадутъ ей уголокъ.“ — — Такимъ образомъ лѣта служатъ самымъ лучшимъ приготовленіемъ ко смерти, и Натура себя оправдываетъ! По ея закону мы должны любить жизнь, когда она еще сильно дѣйствуетъ въ крови и въ нервахъ; силы изнуряются, и благодѣтельное равнодушіе заступаетъ мѣсто сей, нѣкогда пламенной любви; утружденный старецъ видитъ для себя въ могилѣ мѣсто отдохновенія. — Къ удовольствію всѣхъ страстныхъ

(*) Думаю, что это старинная пословица.

охотниковъ до здѣшняго свѣта замѣтимъ, что едва ли въ какой нибудь землѣ люди живутъ такъ долго, какъ у насъ: не въ городахъ, разумѣется, а въ деревняхъ. Всякой годъ (какъ извѣстно по вѣдомостямъ разныхъ Губерній, вносимымъ въ газеты) умираетъ въ Россіи множество стариковъ за сто лѣтъ. Вотъ благословеніе сѣверныхъ земель и трудолюбивой жизни! а мы не рѣдко бранимъ климатъ свой и боимся работы; хотимъ богатства, чтобы имѣть все безъ труда — то есть, хотимъ преждевременной смерти!

Въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 12 верстахъ отъ Троицы, юные Цари, Іоаннъ и Петръ, съ Царевною Софіею жили нѣсколько времени, боясь въ Москвѣ мнимаго злоумышленія Хованскихъ. Князь сей фамиліи Андрей Ивановичь и Милославскій были тогда начальниками грозныхъ Стрѣльцовъ и поссори-

лись другъ съ другомъ. Стрѣльцы взяли сторону перваго, и Милославскій, страшась ихъ обыкновеннаго неистовства, уѣхалъ въ деревню; но оттуда написалъ къ Государямъ и Царевнѣ, что Хованскій имѣетъ злодѣйскій умыселъ обагрить руки свои въ крови Царской, умертвить Патріарха, всѣхъ главныхъ Бояръ; что сынъ его всенародно хвалился свойствомъ съ Королями Польскими и говорилъ, что онъ рожденъ царствовать, а не повиноваться; что отецъ хочетъ возвести его на тронъ Россіи, и проч. Испуганный Дворъ немедленно уѣхалъ въ Савинъ монастырь, а оттуда въ Воздвиженское. Между тѣмъ отъ имени Царей написали къ Князю Андрею Ивановичу, что по извѣстнымъ его заслугамъ и вѣрности къ трону Государи желаютъ совѣтоваться съ нимъ въ нѣкоторомъ важномъ дѣлѣ и требуютъ его къ себѣ вмѣ-

стѣ съ сыномъ. Сей Бояринъ, ничего не подозрѣвая (убѣдительное доказательство его невинности!) спѣшилъ къ Монархамъ; но Царевна Софія велѣла еще на дорогѣ взять подъ стражу отца и сына, оковать и привести въ Воздвиженское. Тамъ ожидалъ нещастныхъ эшафотъ безъ всякаго изслѣдованія и суда. Старецъ Хованскій со слезами просилъ Бояръ, чтобы они только выслушали его; но Софія не велѣла принимать никакихъ оправданій — ему отрубили голову. Войско, собравшееся тогда вокругъ монастыря Троицкаго, единодушно требовало дозволенія итти въ Москву, истребить опасный корпусъ Стрѣльцовъ, и навсегда успокоить Дворъ; но Государи, или, лучше сказать, правительствующая Царевна не хотѣла того: дерзкіе мятежники были нужны для тайныхъ замысловъ ея властолюбія. — Въ селѣ Воздвиженскомъ между

поселянами сохранилось преданіе, что ПЕТРЪ Великій въ юности своей искалъ у нихъ безопасности. Мудрено понять, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами.

Верстъ за семь отъ Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столбу. — Я взъѣхалъ на гору Волкушу. . . . Рускіе Патріоты! это мѣсто должно быть вамъ извѣстно. Здѣсь Архимандритъ монастыря Троицкаго благословлялъ крестомъ и кропилъ святою водою достойныхъ сыновъ Россіи, которые съ Вождемъ Пожарскимъ и съ Гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужестранныхъ тирановъ! . . Я сталъ на вершинѣ горы — и воображеніе представило глазамъ мо-

имъ ряды многочисленнаго войска подъ сѣнію распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними: Нижняго Новагорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владимира, и проч. Мнѣ казалось, что я вижу сановитаго Пожарскаго среди мужественныхъ воеводъ его, и слышу громъ оружія, которому черезъ нѣсколько дней надлежало грянуть во имя отечества!... Руские были тогда сиротами: не имѣли Государя, и сражались за одну Россію.

Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ. Святый Сергій, рожденный въ нещастныя времена нашего отечества, когда внѣшніе непріятели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную *юдоль плача*, въ самой цвѣтущей юности удалился отъ свѣта, который представлялъ ему горе-

стное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцемъ Натуры; здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божію!... Но Святый Угодникъ,* какъ говоритъ почтенный Историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынѣ, не могъ сокрыть имени своего.* Мірскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость, и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочестиваго Сергія сдѣлалось извѣстнымъ, и многіе старцы захотѣли молиться вмѣстѣ съ юношею. Вотъ происхожденіе сея обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи! то есть, судьбу ея можно нѣкото-

рымъ образомъ уподобить жребію самой Христіянской Религіи.

Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокой ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства. Въ пятомъ-и шестомъ-надесять вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей, которые искали у нихъ сокровищъ. Всѣ старинные монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія не для хорошихъ видовъ, о которыхъ не думали святые отшельники, но для удобнѣйшей защиты. — Я видѣлъ слѣды батарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны; но и развалины бываютъ *тамъ* могилою непріятеля, *гдѣ* два сильныя чувства: любовь

къ отечеству и Вѣра, вооружаютъ защитниковъ.

Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы четырехъ вѣковъ, которые, по словамъ Стихотворца, привѣтствуютъ васъ

Одинъ съ угрюмостью своей,

Другой съ улыбкою веселой!

Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Васильѣ Дмитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ 15 вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его. Италіянскій Архитекторъ, именемъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ щастливаго вѣка Медицисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскій, служившій образцомъ и для Успенскаго Собора Лавры, храма величе-

ственнаго; прежде того въ Россіи не имѣли идеи о хорошей архитектурѣ. — Изъявивъ Христіянское усердіе къ святынѣ Троицкаго монастыря, я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницы. Два образа, даръ Царей Іоанна и Годунова Троицкому Собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями. Тутъ же Рускіе Патріоты съ особенною вѣрою прикладываются къ образу Сергія, написанному на отломкѣ гробовой доски его и бывшему во всѣхъ походахъ съ Государемъ ПЕТРОМЪ Великимъ, и еще съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: вотъ славное знамя Россіи! — Между многими любопытными вещами я замѣтилъ пелену Софіи, Греческой Княжны, супруги Великаго Князя Ивана Васильевича, и многія церковныя утвари, вышитыя самою Императрицею Анною, Ко-

торая отмѣнно любила женскія рукодѣлья. Елисавета Петровна подарила монастырю богатую служебную шапку и панагію, а Великая ЕКАТЕРИНА большіе золотые сосуды. Однимъ словомъ, здѣсь всякой Руской Государь ознаменовалъ Свое царствованіе какимъ нибудь даромъ, кромѣ, естьли не ошибаюсь, ПЕТРА Великаго. Иностранцы, которые видали богатство Италіянскихъ и Гишпанскихъ монастырей, могутъ еще подивиться богатству Троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей. Серебряная рака Чудотворца Сергія есть конечно самая драгоцѣннѣйшая гробница въ свѣтѣ. Кромѣ щедрости Государей, кромѣ 100,000 душъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его велелѣпію.

Сіе отмѣнное усердіе къ Лаврѣ не прохлаждается въ сердцахъ Россіянъ. Не только жители Москвы и въ радостяхъ и въ горестяхъ своихъ посѣщаютъ ее, но и другіе, изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ отъ столицы, ѣздятъ сюда на богомолье. Святость Лавры торжествовала и въ наши времена: когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы — когда всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею — ни одинъ человѣкъ не заразился въ монастырѣ, отворенномъ для всѣхъ мольщиковъ, которые толпами приходили въ него.

Между колокольнею и Троицкимъ Соборомъ стоитъ каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ. Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, изображены *четыре* эпохи славы его и не-

забвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи.

1. Когда Димитрій, вдохновенный любовію къ отечеству, осмѣлился наконецъ, черезъ 200 лѣтъ удивительной робости Славянскаго потомства, сразиться съ Татарами, онъ спѣшилъ принять совѣтъ и благословеніе Сергія, который не только утвердилъ его въ семъ великомъ предпріятіи, но далъ ему и двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, явившихъ себя Героями на полѣ сраженія. Хотя радость народа и торжество Димитрія были кратковременны; хотя злобный Тахтамышъ скоро послѣ того опустошилъ Россію, взялъ и выжегъ Москву: однакожь на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣріе Рускихъ, главная вина ихъ постыднаго рабства: *они считали грозныхъ Татаръ бичемъ небеснымъ, которому ничто не могло противиться.* Такимъ обра-

зомЪ великодушный Князь Александрѣ, Герой на берегахЪ Невы, ужасЪ ШведовЪ и храбрыхЪ НѣмецкихЪ Рыцарей, унижался передЪ БатыемЪ и СартакомЪ — не стыдился смиренно молить ихЪ о помилованіи Россіи! Богатыри его: ПолочонинЪ Храбрый, Миша НовогородецЪ, Сава Сильный, РатмирЪ Смѣлый, не дерзали поднять руки на Татарина! Но Димитрій далЪ примѣрЪ, и великій Князь ІоаннЪ имЪ воспользовался; свергнулЪ иго — и Москва вЪ стѣнахЪ своихЪ увидѣла плѣнныхЪ Князей ТатарскихЪ.

2. ВЪ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былЪ осажденЪ Поляками, которые требовали, чтобы онЪ сдался Лжедимитрію, извѣстному подЪ именемЪ Тушинскаго. АрхимандритЪ ІосафЪ сЪ Воеводами ДолгорукимЪ и ГолохвастовымЪ изъявили непріятелю одно презрѣніе.

Начались приступы, кровопролитныя сраженія, и монахи вмѣстѣ съ малочисленными стрѣльцами умирали на стѣнахъ; святые гимны Христіянскіе, которые день и ночь не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Руских гимнами битвы. Дѣло невѣроятное! цѣлая армія болѣе года осаждала монастырь, истощила всѣ усилія, и наконецъ отступила. — Троицкая обитель увѣнчала подвигъ свой тѣмъ, что отправила къ Царю всѣ церковныя сокровища: ибо ему нужны были деньги для содержанія войска.

3. Когда недостойные Бояре и гнусные измѣнники свели съ престола нещастнаго Шуйскаго и впустили Поляковъ въ Москву злодѣйствовать, тогда Троицкіе Патріоты, Архимандритъ Діонисій и Келарь Аврамій Палицынъ писали грамоты во всѣ города и молили гражданъ вспомнить отече-

ство. Трубецкій, ими убѣжденный, собралъ войско и приступилъ къ Москвѣ; но не могъ или не хотѣлъ усмирить мятежниковъ въ своей арміи. Пожарскій остановился въ Ярославлѣ: Келарь Палицынъ спѣшилъ къ нему, заклиналъ его не медлить, самъ отправился съ войскомъ къ столицѣ, былъ въ сраженіяхъ и способствовалъ побѣдамъ. Козаки, требуя жалованья, взбунтовались: начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, стихари, жемчужные эпитрахили; мятежники были тронуты, ничего не взяли, и клялись быть вѣрными. — — Столица освободилась отъ ига; юный Михаилъ царствовалъ, но Польскій Королевичь Владиславъ называлъ себя Царемъ Рускимъ, и скоро осадилъ Москву; не могъ взять ее, и приступилъ къ Троицкому монастырю — но тамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и

Пана Лисовскаго: храбрые иноки снова явились на стѣнахъ съ Келаремъ Аврамiемъ, и такъ славно отразили Владислава, что онъ потерялъ надежду завоевать престолъ Россiйскiй — заключилъ перемирiе съ монастыремъ и требовалъ мира съ Россiею.

4. Наконецъ юный ПЕТРЪ два раза находилъ въ стѣнахъ Троицкихъ убѣжище отъ злобы Стрѣльцовъ. Здѣсь вооружился онъ мечемъ правосудiя для наказанiя заговорщиковъ и твердостiю прекратить умыслы Софiина властолюбiя.

Однимъ словомъ, Троицкая Лавра съ самаго основанiя своего была истиннымъ рускимъ Палладiумомъ, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству. Вообще должно отдать справедливость Россiйскому Духовенству: оно во всѣхъ народныхъ бѣдствi-

яхъ изъявляло героическій патріотизмъ — и для того свирѣпство Поляковъ, желавшихъ спокойно тиранствовать въ Россіи, болѣе всего устремлено было противъ нашего Духовенства. Такъ добродѣтельный Патріархъ Эрмогенъ сдѣлался жертвою ихъ лютости и своей любви къ отечеству. Гетманъ Желковскій требовалъ отъ него, чтобы онъ запретилъ Пожарскому собирать войско; но сей великій мужъ отвѣчалъ ему: *а кто же спасетъ Россію?* и плавая въ крови своей, еще грозилъ Гетману правосудіемъ Неба и храбростію вѣрныхъ сыновъ отечества. Патріоты! вамъ надобно знать, что прахъ Эрмогена покоится въ Чудовѣ монастырѣ. Отъ того, что мы не имѣемъ порядочной Исторіи, славныя и великія дѣла предковъ намъ мало извѣстны; но ихъ довольно для пера краснорѣчиваго. Съ нѣкотораго времени намъ на-

твердили о Мининѣ и Пожарскомъ: ихъ любовь къ отечеству безъ сомнѣнія трогательна; но еще трогательнѣе для меня тогдашнее братское согласіе Рускихъ воиновъ, изображенное сею милою, простою чертою въ нашихъ лѣтописяхъ: *никакой ссоры между людьми Пожарскаго не бывало, но всѣ совѣтно и единомысленно другъ съ другомъ поступали.* Вотъ что должно быть въ памяти всѣхъ Рускихъ! Мы со слезами читаемъ въ Греческой Исторіи, съ какимъ усердіемъ маленькія Республики высылали гражданъ своихъ противъ Царя Персидскаго: у насъ была такая же эпоха. Рускіе съ радостію отдавали имѣніе и жизнь отечеству. На примѣръ: Смоленскъ осажденъ Сигизмундомъ; жители окрестныхъ мѣстъ оставляютъ и домы и семейства свои въ жертву Полякамъ, чтобы спѣшить къ Пожарскому подъ знамя отечества!

Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которымъ ихъ разили храбрые иноки. Здѣсь была особенная палата наполненная бердышами, мечами и пищалями; но Генералъ-Фельдцейгмейстеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елисаветы Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю.

Въ Лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ, иностранныхъ и Рускихъ, историческихъ, нравоучительныхъ, богословскихъ, и проч; а во второй однѣ церковныя книги и рукописи. Въ Россіи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ, монахи во время общаго невѣжества были почти единственными хранителями любопытныхъ ману-

скриптовЪ. Всѣ историческія рукописи были изЪ Троицкой библіотеки посыланы кЪ ЕКАТЕРИНѢ Великой, Которая столь ревностно занималась нашею Исторіею; но мнѣ сказывали, что вЪ нихЪ нѣтЪ никакихЪ важныхЪ отмѣнЪ противЪ напечатанныхЪ лѣтописей.

КЪ любопытнымЪ вещамЪ вЪ Лаврѣ принадлежитЪ и большой колоколЪ, вЪ 4000 пудЪ вѣсомЪ, первой вЪ Россіи и вЪ цѣломЪ свѣтѣ, такЪ, что и славный Китайскій не можетЪ сЪ нимЪ равняться. Вѣроятно, что онЪ и навсегда останется первымЪ: вкусЪ кЪ огромнымЪ колоколамЪ проходитЪ. Троицкіе всѣ называются особенными именами: ГодуновЪ, Лебедь, ПереспорЪ, и проч. — ВидЪ сЪ колокольни (превышающей двумя или тремя саженями Ивана Великаго) отмѣнно хорошЪ; монастырскія окрестности живописны.

Еще недавно сломанЪ Троицкій

каменный дворецъ Царя Іоанна Васильевича. Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Странно, что въ архивѣ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построеніи. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ, и что Тихонъ Писаревъ былъ Троицкимъ Архимандритомъ около 1720 году; слѣдственно можно заключить, что онъ и построенъ въ это время; внутри же украшенъ лѣпною работою при Елисаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ побѣды ПЕТРА Великаго, съ девизами не дурно вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стоятъ алебастровыя изображенія всѣхъ нашихъ Князей и Государей отъ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалей, которыя не весьма уда-

чно изобрѣтены художникомъ. На примѣръ, Святославъ, чудесный Герой своего времени, столь прекрасно и живо описанный Несторомъ, изображенъ какимъ-то смиреннымъ Игумномъ: ни одной черты геройской! Лицо Годунова характернѣе другихъ; оно безъ сомнѣнія есть также вымыселъ; въ его время у насъ не писали портретовъ, воображая, что это грѣхъ, и что одни лица Святыхъ достойны живописи. Любопытно знать, когда и съ кого былъ написанъ первый портретъ въ Россіи? — ПЕТРЪ Великій могъ еще жить въ этомъ дворцѣ. Онъ часто бывалъ въ Троицкомъ монастырѣ и часто бралъ деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя росписки, которыя и теперь хранятся въ Лаврѣ. Государь посылалъ Архимандрита въ церковь, оставался съ Келаремъ, и дружески спрашивалъ: есть ли у нихъ деньги? Келарь отвѣчалъ:

„какъ не быть для Вашего Величества?" и приносилъ мѣшки. Надобно знать, что Троицкіе Архимандриты не вмѣшивались въ экономію монастыря: ею занимались всегда Келари. Я слышалъ сіи подробности отъ такого человѣка, которому онѣ извѣстны по вѣрному преданію. — Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ алей сѣнистыхъ, вокругъ немалаго пруда, и большое зданіе, гдѣ живутъ семинаристы, называются также Писаревскими.

Троицкая Семинарія, заведенная при Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, есть одно изъ главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Въ ней всѣхъ учениковъ около 400, изъ которыхъ 150 на полномъ казенномъ содержаніи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ Французскому и Нѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдывать, тотъ долженъ знать Боссюэта и Массильйона. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ

монаховъ говорили со мною по-Французски; а важные учители вмѣшивали въ свой разговоръ Латинскія фразы. Они доказывали мнѣ, что ученость привѣтлива: ходили со мною и все показывали съ видомъ искренней услужливости. Наука даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состояніи.

Въ Лаврѣ погребены многіе знаменитые люди; и читая списокъ ихъ, я нашелъ множество именъ, которыхъ уже нѣтъ въ нашихъ дворянскихъ книгахъ: на примѣръ, Князей Пожарскихъ, Горбатыхъ, Гагиныхъ, Ряполоскихъ, Воротынскихъ. Князья Долгорукіе имѣли бы право возобновить фамилію Пожарскихъ, которой послѣдняя отрасль, внука (естьли не ошибаюсь) Князя Дмитрія Михайловича, вышла за Долгорукаго; съ нею исчезло сіе имя, столь любезное для Рускихъ! — Мнѣ показывали гробъ славнаго Архимандрита Діонисія.

Я спросилъ, гдѣ лежатъ кости добродѣтельнаго Келаря Аврамія? и къ сожалѣнію услышалъ, что Преосвященный Платонъ, любя великихъ мужей Россіи, напрасно искалъ его могилы; время сокрыло ее завѣсою тайны. Извѣстно только по запискамъ монастырскимъ, *что* Аврамій оставилъ по кончинѣ своей: мало богатства, но много славы! — Въ Успенскомъ Соборѣ погребена единственная *Лифляндская* Королева въ свѣтѣ, Марѳа Владиміровна, двоюродная племянница Царя Іоанна Васильевича и супруга Магнуса, столь извѣстнаго въ нашей Исторіи. Іоаннъ игралъ судьбою сего Датскаго Принца; давалъ ему города, чтобы снова отнимать ихъ; велѣлъ Лифляндцамъ быть ему вѣрными, и жестоко наказывалъ ихъ за сію вѣрность; пожаловалъ его въ Короли, и взялъ въ плѣнъ. Нѣжная супруга раздѣляла съ Магнусомъ непостоянную судьбу его;

она по любви къ нему отказалась отъ Россіи, когда онъ прибѣгнулъ наконецъ къ защитѣ Польши, и горести сократили жизнь ея. — Въ часовнѣ, при церкви Сошествія Св. Духа, стоитъ гробъ ученаго Грека Максима, еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго. Онъ противился браку Великаго Князя Василія Іоанновича съ Княжною Глинскою, находя его незаконнымъ — былъ сосланъ въ заточеніе, возвращенъ при Іоаннѣ и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, когда Царь, послѣ своей тяжкой болѣзни, съ Царицею и съ сыномъ пріѣхалъ въ сію обитель. Узнавъ о намѣреніи его отправиться въ Кириловскій монастырь, Философъ Максимъ всячески уговаривалъ Государя остаться въ Москвѣ, доказывая, что Богъ во всѣхъ мѣстахъ равно присутствуетъ, и что гораздо лучше царствовать добродѣтельно, нежели скитаться по отда-

леннымЪ монастырямЪ. Видя же, что ІоаннЪ не принимаетЪ его совѣта, онЪ предсказалЪ ему кончину Царевича. ТакЪ повѣствуетЪ Курбскій, говоря, что благочестивый МаксимЪ призывалЪ кЪ себѣ Князя Мстиславскаго, Адашева и его самого, заклиная ихЪ удержать Царя. Но ІоаннЪ не послушался, и предсказаніе сбылось. Сей анекдотЪ дѣлается еще любопытнѣе своимЪ послѣдствіемЪ. ВЪ монастырѣ Св. Николая, на берегу рѣки Яхромы, путешествующій Царь желалЪ увидѣться сЪ однимЪ старымЪ монахомЪ, который прежде былЪ ЕпископомЪ, и котораго любилЪ отецЪ его. Князь ЩербатовЪ говоритЪ, что лѣтописцы наши не сказываютЪ имени сего монаха, а сохранили только его прозванье *Топорковъ*. Почтенный ИсторикЪ ошибся: Князь Курбскій именуетЪ его СевастіаномЪ, прибавляя, что онЪ былЪ родомЪ изЪ Лифляндіи,

и за его злыя дѣла лишенъ Епископскаго сана по смерти Василія Іоанновича. Сей чернецъ совѣтовалъ Царю быть истинно самодержавнымъ, отнять всю власть у Бояръ и царствовать ужасомъ. Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, такъ плѣнился коварнымъ совѣтомъ монаха, что поцѣловалъ руку его съ восторгомъ, сказавъ: *самъ отецъ мой не могъ бы присовѣтовать мнѣ лучше!* .. Царевичь Димитрій скончался дорогою; скоро умерла добродѣтельная Царица Анастасія; Іоаннъ началъ свирѣпствовать, и къ семейственнымъ утратамъ своимъ прибавилъ еще важнѣйшую: потерю любви народной. — Умный Историкъ долженъ разсказывать такіе анекдоты: ибо они любопытны и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣетъ еще и другую обязанность: разсуждать и сказки отличать отъ истины.

Подлѣ Успенскаго Собора вростаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: Царь Борисъ, супруга его, сынъ Ѳеодоръ и нещастная Ксенія. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Естьли бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то Исторія назвала бы его славнымъ Государемъ; и царскія его заслуги столь важны, что Рускому Патріоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семъ злодѣяніи: такъ больно ему гнушаться памятію человѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно противоборствовалъ государственнымъ бѣдствіямъ и страстно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго

роду святынею; и робкій Историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ Исторія дѣлается иногда эхомъ злословія... Мысль горестная! Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, естьли мы клевещемъ на сей пепелъ; естьли несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?.. Но я пишу теперь не Исторію: слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею Святаго Димитрія, удивляюсь Небесному правосудію, Которое наказало сіе зло-

дѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.

Борисъ Годуновъ (*) былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сами творятъ блестящую судьбу свою и доказываютъ чудесную силу Натуры. Родъ его не имѣлъ никакой знаменитости, и воспитаніе тогдашняго времени не могло воспалить въ немъ того страстнаго честолюбія, развить той великой хитрости, которыя составляютъ его характеръ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался извѣстенъ при Дворѣ въ должности Рынды или оруженосца; для чего надлежало ему быть пріятной наружности: ибо иностранцы, описывая Дворъ Царей нашихъ, замѣчаютъ отмѣнную красоту юношей, которые, въ длинной бѣлой одеждѣ, носили передъ Государями

(*) Несправедливость нашихъ лѣтописцевъ въ разсужденіи сего Царя заставила меня войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

оружіе въ ихъ торжественныхъ выходахъ. Борисъ умѣлъ пріобрѣсти благосклонность Малюты Скуратова, любимца Іоаннова; женился на его дочери, былъ пожалованъ въ Кравчіе, былъ Дружкою на свадьбѣ Царя и наконецъ выдалъ сестру свою за Царевича Ѳеодора: изъ чего можно заключить о великой милости Іоанновой къ Годунову. Кончина сего Государя и слабость Ѳеодора открыли ему дальнѣйшіе виды властолюбія. Будучи только 17мъ Членомъ Тайнаго Совѣта (*), онъ сдѣлался единственною его душею: однихъ удалилъ, другихъ преклонилъ на свою сторону, и властвовалъ въ Россіи. Иностранные Писатели называютъ его торжественно-объявленнымъ Протекторомъ Государства; но онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ только властолюбіе и разумъ Кромвеля, не имѣя

(*) Онъ состоялъ изъ 31 человѣка.

его титула: Рускіе лѣтописцы даютъ ему одно имя Конюшаго. Мирное и кроткое царствованіе Ѳеодора, послѣ ужасовъ Іоаннова, казалося народу и дворянству истиннымъ золотымъ вѣкомъ: такъ выгодно быть преемникомъ жестокаго Царя! А какъ всѣ знали, что Ѳеодоръ мало занимался государственными дѣлами, то вся слава правленія относилась къ Годунову, который своею мудрою дѣятельностію, благоразумною политикою въ разсужденіи иностранныхъ Державъ, правосудіемъ внутри государства, ласковымъ обхожденіемъ съ Боярами и щедростію къ народу (*), заслужилъ общее уваженіе и любовь. Онъ воспитывалъ сына своего сообразно съ тайнымъ, великимъ его назначеніемъ; призвалъ для того изъ Нѣмецкой земли уче-

(*) Доходы его простирались до 90000 руб.

ныхъ мужей и явилъ въ Россіи первый образецъ нравственнаго образованія, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Димитрія уже не было . . . Увѣривъ Россію въ своей рѣдкой мудрости, Годуновъ спокойно ожидалъ слѣдствій; онъ предвидѣлъ скорую кончину Өеодора, слабаго душею и тѣломъ.

Надежда его исполнилась. Общій гласъ наименовалъ Годунова Царемъ (*), когда на тронѣ пресѣкся родъ Князей Варяжскихъ и Царица Ирина отказалась отъ правленія. Россія въ первый разъ избрала себѣ Государя, торжественно и свободно. Бояре и народъ, Патріархъ и Духовенство предложили ему вѣнецъ отечества. Хитрый Годуновъ хотѣлъ показать, что твердая душа его не ослѣпляется блескомъ трона, и съ скромнымъ величіемъ

(*) Одни Шуйскіе и Григорій Годуновъ тому противились.

отвергнулъ корону; но Іовъ умолялъ его, народъ требовалъ, сама Царица просила — и Борисъ съ видомъ глубокой горести отвѣтствовалъ наконецъ, что онъ изъ позиновенія соглашается властвовать!

Ложный слухъ о вооруженіяхъ Хана Крымскаго благопріятствовалъ тонкой политикѣ Годунова: онъ желалъ увѣрить Россіянъ, что безопасность отечества ему дороже сана Царскаго — отложилъ священный обрядъ вѣнчанія и велѣлъ собираться войску. Серпуховъ былъ свидѣтелемъ великаго зрѣлища: тамъ въ нѣсколько недѣль собралось болѣе 200,000 воиновъ (*): армія, какой еще въ Россіи никогда не видали! Бояре и дворянство хотѣли изъявить отмѣнное усердіе новому Государю; вооружили столько людей, сколько могли набрать

(*) Маржеретъ говоритъ: пять сотъ тысячь.

въ своихъ помѣстьяхъ, и явились въ станѣ со всѣмъ блескомъ восточной роскоши. Годуновъ прибылъ въ сей необозримый станъ какъ на пиръ великолѣпный, который давала ему довольная и щастливая Россія; бранный шлемъ украшалъ тогда голову его не хуже вѣнца Царскаго. Но Казигирей требовалъ мира и прислалъ Мурзъ своихъ быть свидѣтелями славы и величія Царя Россійскаго. Пораженные зрѣлищемъ безчисленнаго войска, стоявшаго въ ружьѣ на пространствѣ семи верстъ, они отъ страха и трепета едва могли говорить съ Царемъ. Въ станѣ начались пиршества, которыхъ описаніе кажется намъ даже романическимъ. Цѣлыя шесть недѣль Государь угощалъ ежедневно болѣе 10000 человѣкъ, въ богатыхъ ставкахъ, на серебряныхъ блюдахъ; раздавалъ деньги простымъ воинамъ, а чиновниковъ дарилъ золотыми парчами

и бархатомъ; наконецъ, утвердивъ миръ съ Татарами, заключилъ ежедневныя празднества обѣдомъ для всего войска: изъявилъ ему благодарность за усердіе, и съ торжествомъ возвратился въ Москву, принять корону отъ Патріарха. Властолюбивая Годунова душа блаженствовала въ сіе время. Едва ли какое нибудь другое царствованіе начиналось столь великолѣпно и славно: можно ли было ожидать такого конца ужаснаго?

Принимая вѣнецъ, Годуновъ со слезами клялся быть правосуднымъ, человѣколюбивымъ, отцомъ народа. Онъ старался исполнить обѣтъ свой. Лѣтописцы наши, столь не охотно отдающіе ему справедливость, признаются, что Борисъ *любилъ въ судахъ правду*, и что въ его время не лилась кровь человѣческая на эшафотахъ; но все, чего можно было не сказать въ похвалу Годунова, ими умолчено: на

примѣръ, какъ онъ облегчалъ бремя налоговъ; какъ хотѣлъ прекратить разныя злоупотребленія власти, вредныя для народа (*); какъ во время общихъ бѣдствій, которыми Богъ посѣтилъ Россію въ его правленіе, истощилъ онъ всю казну Царскую на благодѣянія... Провидѣнію не угодно было, чтобы намѣреніе Годунова исполнилось, и чтобы Россія въ его время начала уже спорить съ другими Державами въ успѣхахъ гражданскаго искусства; но онъ имѣлъ сіе намѣреніе, и мы должны быть признательны къ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ ума во мракѣ самаго невѣжества. Царь Борисъ, по увѣренію иностранныхъ Писателей (**), хотѣлъ ввести въ Россію науки съ

(*) См. Манифестъ Годунова, отысканный Миллеромъ въ Сибирскихъ Архивахъ.

(**) Мильтона, Петрея и проч.

художествами; любилъ великихъ людей, и всячески убѣждалъ славнаго Англійскаго Математика Ди пріѣхать въ Москву; отправлялъ молодыхъ дворянъ въ другія земли (*) учиться; взялъ въ Русскую службу многихъ Нѣмецкихъ Офицеровъ — однимъ словомъ, хотѣлъ употребить тѣ же способы для просвѣщенія Россіи, которые сто лѣтъ послѣ были увѣнчены совершеннымъ успѣхомъ въ рукахъ ПЕТРА Великаго. Но Судьба не позволила ему царствовать долѣе осьми лѣтъ; не позволила ему и въ сіе краткое время спокойно заниматься благомъ отечества, омрачивъ Россію ужасами и бѣдствіями. Годуновъ сдѣлалъ все, чего можно требовать отъ человѣческой мудрости, когда она должна

(*) Ихъ послано было 18 въ Швецію и въ Нѣмецкую землю. Трое изъ нихъ служили при Дворѣ Карла IX въ Штокгольмѣ.

сражаться съ ожесточеннымъ рокомъ. Очевидцы, Маржеретъ и Петрей, описали намъ его удивительную попечительность о спасенiи народа во время страшнаго голода, который два года свирѣпствовалъ въ Россiи. Царь ежедневно раздавалъ бѣднымъ 30000 рублей (*); отправлялъ лекарства и большiя суммы денегъ въ Смоленскъ, опустошаемый язвою; истребилъ цѣлую армiю злодѣевъ, которые подъ начальствомъ грознаго, отчаяннаго *Хлопка*, сего Рускаго Катилины, все жгли и грабили въ окрестностяхъ столицы. Въ самое то время, когда государство было жертвою неслыханныхъ золъ, Царь Борисъ, находя въ духѣ своемъ до-

(*) См. Петрея и Маржерета. Онъ нарочно завелъ строенiя, чтобы бѣдные люди, имъ питаемые, могли трудами быть полезны государству. Иванъ Великiй остался монументомъ сего благодѣянiя.

вольно твердости для ихъ отраженія, спокойно и величественно принималъ въ Москвѣ иностранныхъ Министровъ, удивлялъ ихъ велелѣпіемъ Двора, давалъ убѣжище Принцамъ (*), сажалъ Царей на троны (**), заключалъ выгодные союзы, строилъ города и крѣпости, славился своимъ миролюбіемъ, дѣйствіемъ одной хитрой политики, безъ оружія, истребилъ опасныя Нагайскія Орды, и безъ побѣдъ заставилъ Европейскія Державы (***) уважать Россію болѣе прежняго. Послы Сигизмунда III, Королей Датскаго и Швед-

(*) Шведскому.

(**) Касимовскаго.

(***) Самъ жестокой Авторъ Ядра Россійской Исторіи въ этомъ признается — не Хилковъ, а Секретарь, или Переводчикъ его, истинный сочинитель сей книги, какъ-то открылось по найденнымъ запискамъ въ Архивѣ Иностр. Коллегіи.

скаго, Елисаветы Англійской и преемника ея, славныхъ городовъ Ганзейскихъ, надменнаго Папы, Императора Рудольфа и наконецъ завоевателя восточнаго, Персидскаго Шаха Аббаса, благоговѣли передъ трономъ Годунова.... И сего Монарха, о которомъ ПЕТРЪ Великій отзывался съ уваженіемъ, и котораго имя самъ Царь Михаилъ велѣлъ сохранить на Иванѣ Великомъ, не смотря на то, что родитель его былъ гонимъ Борисомъ; сего Монарха, говорю, лѣтописцы наши не стыдятся описывать безумнымъ злодѣемъ, увѣряя, что онъ, для пріобрѣтенія любви народной, жегъ Москву, тайно умерщвлялъ старыхъ Монахинь, изъ фамиліи Романовыхъ (*), научалъ слугъ доносить на господъ своихъ въ нелѣпостяхъ, и

(*) Евфимію Никитишну, жену Князя Ивана Васильевича Сыцкаго.

даже самъ грабилъ съ ними домы Бояръ (*)! Мы, слава Богу! живемъ въ такія времена, въ которыя можемъ и должны разсуждать; изъясняемъ характеръ человѣка дѣломъ, и дѣло характеромъ человѣка; знаемъ, что властолюбіе умныхъ людей не всегда бываетъ чуждо злодѣйству, но что для вѣроятности сего злодѣйства надобно доказать связь его съ пользою властолюбія. Годуновъ, ослѣпленный страстію, могъ ужаснымъ образомъ пролить невинную, святую кровь для пріобрѣтенія короны: къ нещастію рода человѣческаго мы находимъ такія страшныя дѣла въ Исторіи; но почти всѣ другія мнимыя преступленія его кажутся мнѣ нелѣпостями, достойными грубыхъ невѣждъ, которые хотѣли злословіемъ льстить царствующей Фамиліи

(*) См. Ядро Россійской Исторіи.

Романовыхъ. Безпристрастный Историкъ конечно осудитъ въ немъ безпокойную подозрительность въ разсужденіи нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій: она была причиною ссылки Романовыхъ; она заставила Годунова мѣшать брачнымъ союзамъ Бояръ и терпѣть шпіонство; но должно вспомнить характеръ того времени; должно вспомнить, что Борисъ царствовалъ скоро послѣ Іоанна, который дозволялъ себѣ не такіе ужасы въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія. Онъ не родился Государемъ; а подозрительность гораздо извинительнѣе въ избранномъ, нежели въ наслѣдственномъ Монархѣ. Послѣдній въ самой колыбели уже казался намъ властелиномъ; но люди таковы, что имъ трудно считать земнымъ богомъ человѣка, который нѣкогда былъ наровнѣ съ ними. Годуновъ могъ думать, что знатные Бояре не охотно ему по-

винуются; и хотѣвъ быть осторожнымъ, сдѣлался притѣснителемъ. Иностранные Писатели (*) замѣчаютъ, что онъ весьма рѣдко показывался народу: не трудно угадать причину: Годуновъ-Царь боялся напомнить ему лицомъ своимъ Годунова-подданнаго — страхъ неизвѣстный наслѣдственнымъ Вѣнценосцамъ! — Къ чести нравственнаго характера его должно замѣтить, что онъ былъ нѣжнымъ отцомъ и супругомъ. Москва въ царствованіе Бориса не видала при Дворѣ тѣхъ соблазнительныхъ, развратныхъ явленій, которыя описаны Курбскимъ, и которыми она гнушалась послѣ въ царствованіе Лжедимитрія: тамъ сіяло одно великолѣпіе и соблюдалась строгая благопристойность. Усердная набожность принадлежитъ также къ характеру Годунова; не льзя

(*) Маржеретъ.

сомнѣваться въ ея искренности, когда онъ пожертвовалъ ей жизнію любимаго сына, велѣвъ его больнаго, въ холодный зимній день, нести въ церковь (*). Никто изъ Руских Царей чаще Бориса не бывалъ въ монастырѣ Троицкомъ и въ другихъ святыхъ обителяхъ. Можетъ быть угрызеніе совѣсти влекло его къ олтарямъ Религіи, которая самыхъ преступниковъ не отвергаетъ, и льетъ бальзамъ на сокрушенное тайнымъ раскаяніемъ сердце.

Уже Россія забывала свои бѣдствія; рука дѣятельнаго правленія залечила язвы ея; изобиліе, порядокъ и благоустройство начинали царствовать (**)... Вдругъ

(*) См. Флетчера.

(**) Маржеретъ, вѣрный слуга Лжедимитрія, и слѣдственно недоброжелатель Годунова, пишетъ, что Россія была тогда сильнѣе и щастливѣе прежняго.

все перемѣнилось!...Сей Царь, мудрый и сильный, на котораго смотрѣла съ почтеніемъ Европа и Азія, уступаетъ тронъ свой Польскому бродягѣ!..Вотъ любопытная эпоха нашей Исторіи, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе, не только для Россіи, но и для Европы; рѣшить не иначе, какъ собравъ довольное число вѣроятностей для убѣжденія..... Хотя Историкъ судитъ безъ свидѣтелей; хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ: однако жь истина всегда заранивaетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно отыскать ихъ въ пеплѣ — и тогда происшествіе объясняется.

Естьли Небесное правосудіе хотѣло наказать Годунова, то Оно не могло избрать ужаснѣйшаго способа для сего наказанія, какъ

воскресивъ имя убіеннаго для пораженія убійцы; и естьли Годуновъ подлинно отравилъ себя ядомъ, то безразсудное его отчаяніе можно только изъяснить непосредственнымъ дѣйствіемъ вышняго Промысла и безпокойной совѣсти (*): ибо онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ еще никакихъ причинъ бояться самозванца, на голову побитаго Царскою арміею и не смѣвшаго выдти изъ Путивля, гдѣ едва ли было у него и 3000 сброднаго войска (**). Внезапная смерть Годунова, молодость Царя Ѳеодо-

(*) Маржеретъ и Петрей, бывшіе тогда въ Россіи, говорятъ, что ударъ прекратилъ жизнь его; нѣкоторые иностранцы думали, что измѣнникъ Петръ Басмановъ далъ ему яду; а наши лѣтописцы утверждаютъ, что Борисъ самъ себя отравилъ.

(**) Вотъ тогдашнее состояніе дѣлъ: самозванецъ, побитый Шуйскимъ, ушелъ въ Путивль съ своими Іезуи-

ра, несогласіе Бояръ и наконецъ измѣна неблагодарнаго Басманова открыли ему путь къ Москвѣ. — Что принадлежитъ до тогдашней народной ненависти къ Царю Борису, о которой говоритъ Князь Щербатовъ, то я не вижу рѣшительныхъ ея доказательствъ. Извѣстно непостоянство народа: онъ могъ быть обольщенъ чудесною новостію и слѣдовать за Лжедимитріевыми знаменами безъ всякой особенной ненависти къ Борису, который правленіемъ своимъ не заслужилъ ее. Скорѣе повѣрю я Татищеву, что *Бояре* не любили тогда Годунова: ибо онъ, запретивъ крестьянамъ переходить съ мѣ-

тами; Воевода Сендомирскій, отецъ Марины, уѣхалъ назадъ въ Польшу; часть Борисовой Арміи не могла взять Рыльска, занятаго единомышленниками Отрепьева; главная армія осаждала Кромы, и начальники ея ссорились между собою.

ста на мѣсто, отнялъ у сильныхъ и богатыхъ господъ средство разорять бѣдныхъ дворянъ, то есть переманивать ихъ земледѣльцевъ къ себѣ. Татищевъ находитъ въ семъ законѣ причину гибели Царя Бориса и нещастнаго семейства его. Но Патріоту не хотѣлось бы оскорблять памяти старинныхъ Бояръ Рускихъ и думать, что грубое корыстолюбіе могло привязать ихъ къ успѣхамъ самозванца.

Ничто по крайней мѣрѣ не мѣшаетъ намъ жалѣть о добродѣтельной Борисовой супругѣ (отъ которой онъ, по словамъ одной лѣтописи нашей, таилъ непохвальныя дѣла свои) — о юномъ и прекрасномъ Ѳеодорѣ, котораго умъ и свойства единодушно прославляютъ всѣ Рускіе лѣтописцы, и который, подобно Англійской Аннѣ Грей, нашелъ на тронѣ одну преждевременную смерть — — наконецъ о

любезной Ксеніи, столь милой доброму сердцу по самымъ ужаснымъ ея бѣдствіямъ. Едва оплакавъ кончину достойнаго жениха своего, Принца Датскаго, она лишилась родителя — видѣла убіеніе матери, брата, и была жертвою гнуснаго сластолюбія убійцы ихъ. Ея жизнь угасла въ слезахъ подъ сводомъ монастырской кельи.

Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевезти тѣло Годунова изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троицкій и похоронить его *честно*, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, при Успенскомъ Соборѣ. Симъ изъявилъ онъ уваженіе къ памяти Годунова, который любилъ его. На лѣвой сторонѣ отъ Собора, съ краю, лежитъ Царица; подлѣ нее Борисъ; въ третьемъ гробѣ Ксенія, а въ четвертомъ Ѳеодоръ.

Всякой, кто знаетъ исторію отечества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лав-

рѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку; устремитъ на нее глаза съ любопытствомъ; скажетъ: „вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе!" и примолвитъ: „Богъ судитъ тай„ныя злодѣянія; а мы должны хва„лить Царей за все, что они дѣ„лаютъ для славы и блага отече„ства!" — — —

Изъ монастыря поѣхалъ я въ село Деулино, до котораго будетъ версты 4 отъ Троицы. Тутъ заключенъ съ Поляками миръ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, не славный, однако жь въ тогдашнихъ обстоятельствахъ благодѣтельный для Россіи. Она уступила Польшѣ Смоленскъ и еще нѣсколько городовъ; за то Королевичь Владиславъ отказался отъ своихъ требованій на престолъ Россійскій, и возвратилъ изъ плѣна Филарета Никитича. Три раза съѣзжались Министры: въ первый разъ

(по словамъ лѣтописцевъ) они побранились, въ другой едва не подрались, а въ третій заключили миръ на 14 лѣтъ. Поляки, выходя изъ Россіи, конечно не думали, что имъ уже никогда не возвращаться въ ея предѣлы. Деулинскій трактатъ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ трагедіи, которую они столько лѣтъ играли въ нашемъ отечествѣ. Воображая ихъ неистовства — грабежи, убійства, всякаго роду насилія — я вижу дѣйствіе Небеснаго правосудія, которое дозволило потомству отмстить за предковъ, избравъ ЕКАТЕРИНУ Великую для совершенія удара. Взаимная ненависть двухъ народовъ рано или поздно кончится погибелію одного изъ нихъ.

Г. Миллеръ замѣчаетъ, что многія мѣстечки и деревни въ Россіи, гдѣ заключались трактаты съ Швеціею и Польшею, или совсѣмъ исчезли или перемѣнили

свои имена; такимъ образомъ, возвращаясь изъ Сибири, между Тихвина и Старой Ладоги, онъ напрасно искалъ села Столбова, гдѣ подписанъ былъ трактатъ съ Шведами. Заполье и Андруссово, гдѣ въ 1582 и 1667 году Россія заключила миръ съ Поляками, также намъ неизвѣстны. Но Деулино и самая деревянная церковь, построенная Троицкимъ Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Аврамiемъ на память миру, служатъ до нынѣ предметомъ любопытства для Рускихъ, знающихъ свою Исторію. — Не далеко отъ Деулинской церкви видны еще остатки укрѣпленій: Рускихъ или Польскихъ, не извѣстно. Тамошній Священникъ, о которомъ пишетъ Г. Миллеръ, и который разговаривалъ съ нимъ о Польской войнѣ, давно умеръ. Я не видалъ нынѣшняго, и не могъ узнать, столько ли онъ свѣдущъ въ Рускихъ древностяхъ, какъ его предмѣстникъ.

Такимъ образомъ два дни прошли для меня въ историческихъ воспоминаніяхъ, дѣлающихъ мѣста и предметы любопытными. Исторія въ нѣкоторыхъ лѣтахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе романовъ; для зрѣлаго ума истина имѣетъ особенную прелесть, которой нѣтъ въ вымыслахъ. Въ самомъ грустномъ расположеніи, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человѣкъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься Исторіею: тамъ все говоритъ о томъ, что было, и чего уже нѣтъ!...

О БОГДАНОВИЧѢ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ (*).

Коллежскій Совѣтникъ Ипполитъ Ѳедоровичь Богдановичь родился въ 1743 году, Декабря 23, въ щастливомъ климатѣ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Переволочномъ, гдѣ отецъ его былъ при должности; ему и нѣжной матери онъ единственно обязанъ первымъ своимъ образованіемъ. — Таланты иногда

(*) Съ величайшею благодарностію Авторъ воспользовался извѣстіями, доставленными ему почтеннымъ братомъ творца *Душеньки*, Иваномъ Ѳедоровичемъ Богдановичемъ, но прибавилъ къ нимъ и нѣкоторые анекдоты, слышанные имъ отъ людей, которые были коротко знакомы съ покойникомъ.

долго зрѣютъ, но всегда рано открываются: уже въ дѣтствѣ Богдановичь страстно любилъ чтеніе, рисованье, музыку и стихотворство.

Въ 1754 году отвезли его въ Москву и опредѣлили въ Юстицъ-Коллегію Юнкеромъ. Президентъ ея, Г. Желябужскій, замѣтилъ въ немъ особенную склонность къ наукамъ, и дозволилъ ему учиться въ Математической школѣ, бывшей тогда при Сенатской Конторѣ. Но Математика не могла быть наукою человѣка, рожденнаго для Поэзіи; числа и линеи не питаютъ воображенія. Богдановичь, утомленный Ариѳметикою и Геометріею, отдыхалъ за твореніями Ломоносова, котораго лира гремѣла и плѣняла тогда Россіянъ, еще не строгихъ судей въ Поэзіи, но уже чувствительныхъ къ великимъ красотамъ ея.

Драматическое Искусство силь-

но дѣйствуетъ на всякую нѣжную душу; разборчивость вкуса приходитъ только съ лѣтами и съ тонкимъ образованіемъ душевныхъ способностей: не мудрено, что пылкой молодой человѣкъ, увидѣвъ въ первый разъ драматическія представленія, сіи живыя картины страстей, такъ плѣнился ими, что готовъ былъ сдѣлать безразсудность. Однажды является къ Директору Московскаго Театра мальчикъ лѣтъ пятнадцати, скромной, даже застѣнчивой, и говоритъ ему, что онъ дворянинъ и желаетъ быть — актёромъ (*)! Директоръ, разговаривая съ нимъ, узнаетъ его охоту къ ученью и стихотворству; доказываетъ ему неприличность актёрскаго званія для благороднаго человѣка; записываетъ его въ Университетъ и

(*) Этотъ случай разсказанъ мнѣ вѣрнымъ человѣкомъ.

беретъ жить къ себѣ въ домъ. Сей мальчикъ былъ Ипполитъ (*) Богдановичь, а Директоръ Театра (что не менѣе достойно замѣчанія) Михайло Матвѣевичь Херасковъ. И такъ щастливая звѣзда привела молодаго ученика Музъ къ ихъ знаменитому любимцу, который, имѣя самъ великій талантъ, умѣлъ открывать его и въ другихъ. — Тогда Богдановичь узналъ правила языка и стихотворства, языки иностранные, и пріобрѣлъ другія свѣдѣнія, необходимыя для надежныхъ успѣховъ дарованія; наука не даетъ таланта, но образуетъ его. Творецъ Россіяды былъ ему полезенъ наставленіями, совѣтами и примѣромъ. Богдановичь учился въ классахъ и писалъ стихи, которые печатались въ Журналѣ, выходившемъ при Университетѣ(**).

(*) *Піитическое* имя Ипполита пріятнѣе ушамъ безъ отчества.

(**) Въ Полезномъ Увеселеніи.

Они были еще далеки отъ совершенства, но показывали въ Авторѣ способность къ нему приближиться.

Кромѣ Михайла Матвѣевича Хераскова (который былъ тогда Членомъ Университета) молодой Стихотворецъ нашъ имѣлъ еще ревностнаго покровителя въ Князѣ Михайлѣ Ивановичѣ Дашковѣ. Уваженіе, оказанное къ юному таланту, достойно всегда признательнаго воспоминанія добрыхъ сердецъ: сей нѣжный цвѣтъ, отъ знаковъ холодности и невниманія, часто безъ всякаго плода увядаетъ. Но къ чести Рускихъ замѣтимъ, что молодые люди съ дарованіемъ всегда находили и находятъ у насъ дѣятельное покровительство, особливо естьли нравственный характеръ ихъ возвышаетъ цѣну ума, какъ въ Ипполитѣ Богдановичѣ, который отличалъ себя и тѣмъ и другимъ — а всего болѣе милымъ

простосердечіемъ, свойственнымъ любимцу Аполлонову...

Сынъ Фебовъ не рожденъ быть тонкимъ знатокомъ
Обычаевъ, условій свѣта;
Невинность, простота видна въ дѣлахъ Поэта.
Ему вселенная есть домъ,
Гдѣ онъ живетъ съ чужими
Какъ съ братьями родными;
Свободу и покой любя,
Не мыслитъ принуждать себя.

Нѣкоторые Поэты составляютъ изключеніе изъ сего правила; но таковъ былъ Лафонтенъ — и Богдановичь! Осьмнадцати лѣтъ онъ казался еще младенцемъ въ свѣтѣ; говорилъ, что думалъ; дѣлалъ, что хотѣлъ; любилъ слушать умные разговоры и засыпалъ отъ скучныхъ. Къ щастію, Поэтъ жилъ у Поэта, который требовалъ отъ него хорошихъ стиховъ, а не рабскаго наблюденія свѣтскихъ обыкновеній, и забавляясь иногда его

невинностію, любилъ въ немъ какъ дарованіе, такъ и рѣдкое добродушіе. Богдановичь отъ искренности своей казался иногда смѣлымъ; но естьли слово его оскорбляло человѣка, то онъ готовъ былъ плакать отъ раскаянія; чувствовалъ нужду въ осторожности, и черезъ десять минутъ слѣдовалъ опять движенію своей природной откровенности: слабость души нѣжной и прекрасной, которая иногда и самую долговременную опытность побѣждаетъ!.. Стихотворецъ нашъ, богатый единственно риѳмами, не могъ сыпать золота на бѣдныхъ, но (какъ сказалъ любезной переводчикъ Греевой Элегіи)

Дарилъ нещастныхъ онъ, чѣмъ только могъ — слезою!

Пріязнь находила въ немъ самую ревностную услужливость. Однажды, ночью, сдѣлался пожаръ близь знакомаго ему дома: онъ забылъ

крѣпкой сонъ молодаго человѣка, дурную погоду, разстояніе, и въ одномъ камзолѣ явился тамъ предложить услуги свои. — Хозяинъ и хозяйка, столь любезные и почтенные, обходились съ нимъ какъ съ роднымъ: онъ во всю жизнь сохранилъ къ нимъ сердечную привязанность. — Но мы еще должны замѣтить одну черту характера его, едва ли не во всѣхъ Поэтахъ явную и рѣзкую — чувствительность къ любезности женской, которая всегда служила вдохновеніемъ для стиховъ пріятныхъ. Кто рожденъ быть Поэтомъ Грацій, въ томъ рано обнаруживается сія нѣжная симпатія съ ихъ подругами — но симпатія часто безмолвная. Молодой Стихотворецъ видѣлъ, обожалъ, краснѣлся и вздыхалъ только въ нѣжныхъ мадригалахъ. Какая строгая женщина могла оскорбиться такими чувствами?

Въ 1761 году Богдановичъ определенъ былъ въ надзиратели надъ Университетскими классами съ чиномъ Офицера, а по восшествіи на престолъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, въ Члены Коммиссіи торжественныхъ приготовленій, и сочинялъ надписи для воротъ тріумфальныхъ. Въ 1763 году, черезъ покровительство Княгини Екатерины Романовны Дашковой (*), онъ вступилъ переводчикомъ въ штатъ Графа Петра Ивановича Панина, и въ то же время издавалъ Журналъ (**), въ которомъ сія знаменитая любительница Руской Словесности участвовала собственными

(*) „Благодѣтельницы фамиліи Богдановичей," прибавляетъ И. Ѳ. Б. въ своихъ извѣстіяхъ: „ибо и братъ „его обязанъ ей своимъ воспитаніемъ." — Мы должны были сохранить сіе изъявленіе благородной признательности.

(**) Подъ титуломъ: *Невинное Упражненіе*

трудами своими. Уже дарованіе его съ блескомъ обнаружилось тогда въ переводѣ Вольтеровыхъ стихотвореній, а всего болѣе въ Поэмѣ на разрушеніе Лиссабона, которую Богдановичь перевелъ такъ удачно, что многіе стихи ея не уступаютъ красотѣ и силѣ Французскихъ. На примѣръ:

Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но
ею Онъ не связанъ.

— — — — — — — — — —

Когда Творецъ такъ благъ, почто же
страждетъ тварь?

— — — — — — — — — —

Я живъ, я чувствую, и сердце отъ
мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облег-
ченья..
О дѣти бѣдныя всемощнаго Отца!
На то ли вамъ даны чувствительны
сердца?

— — — — — — — — — —

Кому, о Боже мой! Твои судьбы из-
вѣстны?
Всесовершенный зла не можетъ про-
известь:
Другова нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ
есть.

— — — — — — — — — —

Одинъ лишь можетъ Онъ дѣла Свои
открыть,
Исправить немощныхъ и мудрыхъ уму-
дрить.

— — — — — — — — — —

Отверженъ Эпикуръ, оставленъ мной
Платонъ:
Бель знаетъ болѣ ихъ — но можно ль
основаться?
Держа вѣсы въ рукахъ, онъ учитъ —
сомнѣваться!
И не пріемля самъ системы никакой,
Всѣ только опровергъ, сражаяся —
съ собой,
Подобно какъ Самсонъ, лишенный
глазъ врагами,
Подъ зданьемъ палъ, его разрушен-
нымъ руками!

— — — — — — — — — —

Калифа (*) нѣкогда, оканчивая вѣкъ,
Въ послѣдній часъ сію молитву къ
Богу рекъ:
„Я все то приношу Тебѣ, о Царь все-
ленной!
Чего нѣтъ въ благости Твоей всесо-
вершенной:

(*) Надлежало бы сказать : *Калифъ*.

Грѣхи, невѣдѣнье, болѣзни, слезы, стонъ!"
Еще прибавить могъ къ тому *надежду* онъ.

Такіе стихи, написанные молодымъ человѣкомъ двадцати лѣтъ, показываютъ рѣдкой талантъ для стихотворства; нѣкоторые изъ нихъ можетъ осудить только набожный, строгій Христіянинъ, а не Критикъ; но и въ первомъ случаѣ долженъ отвѣтствовать Вольтеръ, а не Богдановичь. — Вмѣстѣ съ переводами напечатаны въ семъ Журналѣ и многія его сочиненія, изъ которыхъ иныя отличаются нѣжностію и хорошими мыслями; на примѣръ слѣдующіе стихи къ Клименѣ:

Чтобъ щастливымъ намъ быть,
Я буду жить за тѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить;
А ты люби меня за тѣмъ, чтобъ могъ я жить.

Въ 1765 году Богдановичь, считаясь въ Иностранной Коллегіи

Переводчикомъ, издалъ маленькую Поэму: *Сугубое блаженство*. Онъ раздѣлилъ ее на три пѣсни: въ первой изображаетъ картину золотаго вѣка, во второй успѣхи гражданской жизни, наукъ и злоупотребленіе страстей, а въ третьей спасительное дѣйствіе законовъ и царской власти. Сей важный предметъ требовалъ зрѣлости дарованій: еще Стихотворецъ нашъ не имѣлъ ее; однако жь многіе стихи умны и пріятны. Поэтъ складно и хорошо описываетъ наслажденія человѣка въ его невинности:

Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Природою одной и сердцемъ наученъ;
Какъ всякій взоръ ему казалъ его блаженство
И всякимъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ;
Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
Которое его ко щастію вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили;

Не зналъ (*) онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти;
Желаній далѣ нуждъ своихъ не простиралъ;
Желалъ того, что онъ всегда имѣлъ во власти,
И слѣдственно имѣлъ онъ все, чего желалъ.

Хорошо также описаны, въ піитическомъ видѣніи, различныя славы Царей...

Безчисленные зрю тамъ скипетры, державы,
И разные вѣнцы для кроткихъ или злыхъ.
Одни получатся народною любовью,
Предзнаменуя миръ, спокойство, тишину;
Другіе купятся злодѣйствами и кровью:
Имъ будетъ ненависть покорствовать въ плѣну (**).

(*) Послѣ: *не зналъ*, должно сказать: *какъ* — то есть: *не зналъ, какъ употреблять во зло.*

(**) Лучшій стихъ въ Поэмѣ.

Пребудутъ первые спокойны, безопасны,
И слава возгласитъ по свѣту имя ихъ;
Но будутъ наконецъ послѣдніе нещастны,
Собою дѣлая нещастными другихъ.

Сія Поэма, приписанная тогда Его Высочеству, Августѣйшему Наслѣднику трона, заключается слѣдующими прекрасными стихами:

Учись, Великій Князь, числомъ примѣровъ сихъ,
Великимъ быть Царемъ, великимъ человѣкомъ,
Ко щастью Твоему и подданныхъ Твоихъ.

Она, сколько намъ извѣстно, не сдѣлала очень сильнаго впечатлѣнія въ публикѣ. Лавровый вѣнокъ уже сплетался для Автора, но еще невидимо.

Въ 1766 году, опредѣленный въ должность Секретаря Посольства къ Саксонскому Двору, Богдановичь отправился въ Дрезденъ съ

Министромъ, Княземъ Андреемъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ. Любезность сего Посланника, блестящія собранія въ его домѣ, хорошія знакомства, живописныя окрестности города и драгоцѣнности Искусствъ, въ немъ соединенныя, сдѣлали тамошнюю жизнь весьма пріятною для Богдановича, такъ, что онъ всегда любилъ воспоминать объ ней: она безъ сомнѣнія имѣла щастливое вліяніе и на самый піитическій талантъ его. Но, гуляя по цвѣтущимъ берегамъ Эльбы и мечтая о Нимфахъ, которыхъ они достойны; плѣняясь одушевленною кистію Корреджіо, Рубенса, Веронеза (*), и собирая въ ихъ картинахъ милыя черты для своей *Душеньки*, которая уже занимала его воображеніе, онъ въ то же время описы-

(*) Всѣмъ извѣстна Дрезденская картинная галлерея.

валъ Конституціи Германіи и соглашалъ удовольствія человѣка свѣтскаго, любителя Искусствъ, Поэта, съ должностію ученаго Дипломата.

Въ 1768 году возвратясь изъ Дрездена, онъ совершенно посвятилъ себя Литтературѣ и Стихотворству; перевелъ разныя статьи изъ Энциклопедіи, Вертотову Исторію бывшихъ перемѣнъ въ Римѣ, мысли Аббата Сен-Пьера о вѣчномъ мирѣ, пѣснь ЕКАТЕРИНѢ Микеля Анджело Джіанетти (за которую имѣлъ щастіе быть представленъ сей великой Государынѣ); выдавалъ 16 мѣсяцевъ журналъ, подъ титуломъ Петербургскаго Вѣстника, и наконецъ, въ 1775 году, положилъ на олтарь Грацій свою *Душеньку*. Богдановичь съ удовольствіемъ говаривалъ послѣ о времени ея сочиненія. Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ Острову, въ тихомъ, уединенномъ до-

микѣ, занимаясь музыкою и стихами, въ щастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ Муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами.... Мирныя, неизъяснимыя удовольствія творческаго дарованія, можетъ быть самыя вѣрнѣйшія въ жизни! Не рѣдко призраки суетности и другихъ страстей отвлекаютъ насъ отъ сихъ любезныхъ упражненій; но какой человѣкъ съ талантомъ, вкусивъ ихъ сладость, и послѣ вверженный въ шумную, дѣятельную праздность свѣта, среди всѣхъ блестящихъ забавъ его не жалѣлъ о плѣнительныхъ минутахъ вдохновенія? Сильный, хорошій стихъ, щастливое слово, искусный переходъ отъ одной мысли къ другой, радуютъ Поэта какъ младенца, и не рѣдко на цѣлый день дѣлаютъ веселымъ, особливо, естьли онъ мо-

жетъ сообщать свое удовольствіе другу любезному, снисходительному къ его авторской слабости! Оно живо и невинно; самый трудъ, которымъ его пріобрѣтаемъ, есть наслажденіе; а впереди ожидаетъ Писателя благоволеніе добрыхъ сердецъ. Говорятъ о зависти: но ея жалкія усилія не рѣдко еще болѣе способствуютъ торжеству дарованій, и всегда, какъ легкія волны, отражаются твердымъ подножіемъ, на которомъ талантъ возвышается въ честь отечеству, ко славѣ разума и въ память вѣка...

Басня Психеи есть одна изъ прекраснѣйшихъ Миѳологіи и заключаетъ въ себѣ остроумную аллегорію, которую стихотворцы затмили наконецъ своими вымыслами. Древняя басня состояла единственно въ сказаніи, что богъ любви сочетался съ Психеею (душею), *земного* красавицею, и что отъ сего брака родилась *богиня на-*

слажденія. Мысль аллегоріи есть та, что душа наслаждается въ любви божественнымъ удовольствіемъ. Апулей, славный остроумецъ и колдунъ, по мнѣнію народа Римскаго, сочинилъ изъ нее любопытную и даже трогательную сказку, совсѣмъ не въ духѣ Греческой Миѳологіи, но похожую на волшебныя сказки новѣйшихъ временъ. Лафонтенъ плѣнился ею, украсилъ вымыслъ вымыслами и написалъ складную повѣсть, смѣшавъ трогательное съ забавнымъ и стихи съ прозою. Она служила образцомъ для Руской *Душеньки*; но Богдановичь, не выпуская изъ глазъ Лафонтена, идетъ *своимъ* путемъ и рветъ на лугахъ цвѣты, которые укрылись отъ Французскаго Поэта. Скажемъ безъ аллегоріи, что Лафонтеново твореніе полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ, а *Душенька* во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и вообще

превосходнѣе тѣмъ, что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ Искусствахъ. Надобно также замѣтить, что нѣкоторыя изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ для большаго удовольствія читателей, и что никакая гармоническая, цвѣтная проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно несбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня *Душеньки*). Случаи неестественные должны быть описаны и языкомъ необыкновеннымъ; должны быть украшены всѣми хитростями Искусства, чтобы занимать насъ повѣстію, въ которой нѣтъ и тѣни истины, или вѣроятности. Стихотворство есть пріятная игра ума, и богатѣе обыкновеннаго языка разнообразными оборотами, измѣненіями тона, особливо въ вольныхъ стихахъ, ка-

кими писана *Душенька*, и которые, подобно Англійскому саду, болѣе всякаго правильнаго единства обнаруживаютъ умъ и вкусъ Артиста. Лафонтенъ самъ это чувствовалъ, и для того не рѣдко оставляетъ прозу; но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, естьли бы совсѣмъ оставилъ ее и написалъ Поэму свою, отъ начала до конца, въ стихахъ. Богдановичь писалъ ими, и мы всѣ читали его; Лафонтенъ прозою, и романъ его едва ли извѣстенъ одному изъ пяти Французовъ, охотниковъ до чтенія. Правда, что есть люди, которые не любятъ стиховъ—такъ же, какъ другіе не любятъ музыки и прекрасныхъ женщинъ; но такая антипатія есть чрезвычайность, и мы изъ учтивости — ничего не скажемъ о сихъ людяхъ!

Желая *украсить гробъ* сего любезнаго Поэта *собственными его цвѣтами,* напомнимъ здѣсь люби-

телямъ Рускаго стихотворства лучшія мѣста *Душеньки*. Она не есть Поэма Героическая; мы не можемъ, слѣдуя правиламъ Аристотеля, съ важностію разсматривать ея *басню*, *нравы*, *характеры* и *выраженіе* ихъ; не можемъ, къ щастію, быть въ семъ случаѣ педантами, которыхъ боятся Граціи и любимцы ихъ. *Душенька* есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса; а для нихъ нѣтъ Аристотеля. Въ такомъ сочиненіи все правильно, что забавно и весело, остроумно выдумано, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко — и въ самомъ дѣлѣ не трудно — но только для людей съ талантомъ. Пойдемъ же, безъ всякаго ученаго масштаба, въ слѣдъ за Стихотворцемъ; и чтобы лучше цѣнить его дарованіе, будемъ сравнивать *Душеньку* съ Лафонтеновымъ твореніемъ.

Мы уже говорили о томѣ, что Богдановичь не рабски подражалѣ образцу своему. На примѣрѣ, вѣ самомѣ началѣ онѣ весьма забавно описываетѣ добраго царя, отца Героини,

Который свѣту былѣ полезенѣ,
Богамѣ любезенѣ;
Достойно награждалѣ,
Достойно осуждалѣ;
И естьли находилѣ вѣ подсудныхѣ злыя души,
Такимѣ ослиныя приклеивалѣ онѣ уши;
Завистникамѣ велѣлѣ, чтобѣ щастіе другихѣ
Скучало взорамѣ ихѣ,
И не моглибѣ они покоемѣ наслаждаться;
Скупымѣ опредѣлилѣ у золота сидѣть,
На золото глядѣть,
И золотомѣ прельщаться,
Но имѣ не насыщаться;
Спесивымѣ предписалѣ сѣ людьми не сообщаться,

И ихъ потомкамъ въ казнь давалась
та же спесь,
Какая видима осталась и поднесь.

У Лафонтена нѣтъ о томъ ни слова. И какъ все пріятно сказано! какъ перемѣна стиховъ у мѣста и щастлива! — Любезное имя, которымъ Богдановичь назвалъ свою Героиню, представляетъ ему щастливую игру мыслей, которой Лафонтенъ могъ бы позавидовать:

Звалась она *Душа* по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ
знатоковъ,
У Рускихъ *Душенькой* она именовалась,
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Которое еще для слуха было ново.
Во славу *Душенькѣ* у насъ отъ тѣхъ
временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ
законѣ

Это одно гораздо лучше всякаго подробнаго описанія Душенькиныхъ прелестей, котораго нѣтъ ни у Богдановича, ни у Лафонтена: ибо они не хотѣли говорить слишкомъ обыкновеннаго.—Жалобы Венеры въ Руской Поэмѣ лучше, нежели во Французской сказкѣ, гдѣ она также въ стихахъ. Читатели могутъ судить.

Амуръ! Амуръ! вступись за честь
мою и славу;
Яви свой судъ, яви управу.
Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней
слыхать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставитъ ни во что твою безсмер-
тну мать;
Уже и нашими слугами
Осмѣлилась повелѣвать,
И въ областяхъ моихъ надъ мной
торжествовать.
Могу ли я сносить и видѣть равно-
душно,
Что Душенькѣ одной вездѣ и все по-
слушно?

За ней гоняяся, отъ насъ отходятъ
прочь
Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры.
— — — — — — — — — —
Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ
день и ночь,
И слышно, что беретъ себѣ ее въ су-
пруги:
Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!
Какой ты будешь богъ, и гдѣ твой
будетъ тронъ,
Когда отъ нихъ другой родится
Купидонъ,
Который у тебя отниметъ лукъ и
стрѣлы,
И нагло покоритъ подвластны намъ
предѣлы?
Ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы
смѣлы:
По волѣ ходятъ въ небеса,
И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.
И можно ли терпѣть, что Душенька
собою,
Безъ помощи твоей, во всѣхъ все-
ляетъ страсть,
Какую возжигать одинъ имѣлъ ты
власть?
Она давно уже смѣется надъ тобою,

И ставитъ въ торжество себѣ мою
напасть.
За честь свою, за честь Ве-
неры,
Яви ты строгости примѣры;
Содѣлай Душеньку постылою навѣкъ,
И столь худою,
И столь дурною,
Чтобъ всякой отъ нее чуждался че-
ловѣкъ;
Иль дай ты ей въ мужья, ктобъ всѣхъ
сыскался хуже,
Чтобы нашла она себѣ тирана въ
мужѣ,
И мучила себя,
Жестокаго любя;
Чтобы ея краса увяла,
И я покойна стала.

Лафонтенова Венера, сказавъ, что изъ Пафоса бѣжали къ Душенькѣ всѣ Игры и Смѣхи, продолжаетъ:

L'un de ces jours je lui vois pour époux
Le plus beau, le mieux fait de tout l'hu-
main lignage,
Sans le tenir de vos traits ni de vous;
Sans vous en rendre aucun hommage,
Il naitra de leur mariage

Un autre Cupidon qui d'un de ses regards
Fera plus mille fois que vous avec vos dards.
Prenez y gard; il vous y faut songer.
Rendez la malheureuse, & que cette cadette,
Malgré les siens épouse un étranger,
Qui ne sache où trouver retraite;
Qui soit laid, & qui la maltraite,
La fasse consumer en regrets superflus,
Tant que ni vous ni moi nous ne la craignions plus.

Для чести Рускаго таланта мы не побоялись длинной выписки. Богдановичь и мыслями и выраженіями побѣждаетъ опаснаго совмѣстника. Онъ гораздо приличнѣе заставляетъ сказать Венеру, что *самъ Юпитеръ* можетъ жениться на *Душенькѣ*, а *не лучшій изъ смертныхъ красавцевъ*, отъ котораго не льзя было родиться второму Купидону. Стихи: *ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы — и столь худою, и столь дурною — и мучила себя, жестокаго любя*,

живы и прекрасны; а Лафонтеновы только изрядны, кромѣ: ſans le tenir de *vos* traits, ni de *vous*, гдѣ одно сказано два раза для наполненія стиха. — Венерино шествіе у Лафонтена эскизъ, у Богдановича картина. Первый сказалъ: l'un (Тритонъ) lui tient un miroir fait de criſtal de roche, а вторый:

Несетъ отломокъ горъ кристальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
„О естьлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!"
Но тщетно онъ того желаетъ!
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ;
Останется одинъ лишь камень
— и *проч.*

Лафонтенъ говоритъ: Thétis lui fait ouir un concert de Sirenes. *Богдановичъ:*

Сирены, сладкія пѣвицы,
Межь тѣмъ поютъ стихи ей
въ честь,
Мѣшаютъ съ былью небылицы,
Ее стараясь превознесть.
— — — — — — —
Сама Өетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ!

Послѣдняя черта забавна. Өетида рада веселить Венеру, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы влюбчивый богъ морей не выѣзжалъ къ ней на встрѣчу съ трезубцемъ своимъ! — Лафонтенъ:

Tous le vents attentifs retiennent leurs
haleines;
Le ſeul Zéphir est libre, & d'un ſouffle
amoureux
Il careſſe Venus, ſe joue à ſes cheveux,
Contre ſes vêtemens par fois il ſe cour
rouce.
L'onde pour la toucher à longs flots s'en-
trepouſſe

Et d'une égale ardeur chaque flot a ſon tour
S'en vient baiſer les pieds de la mere d'Amour.

Французскіе стихи хороши, но Рускіе еще игривѣе и живѣе:

Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы.
Иной власы ея взвѣваетъ;
Но вдругъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спутавшись летитъ.
Гонясь за нею, волны тамъ
Толкаютъ въ ревности другъ друга
Чтобъ вырвавшись скорѣй изъ круга
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

Такъ Стихотворцы съ талантомъ подражаютъ. Богдановичь не думалъ о словахъ Лафонтеновыхъ, а видѣлъ передъ собою шествіе Венеры и писалъ картину съ натуры.

Что Французъ остроумно говоритъ прозою, то Руской не менѣе остроумно, и еще милѣе сказалъ въ стихахъ. Всѣ любовники оставляютъ красавицу. Народъ приходитъ въ ужасъ отъ небывалаго чуда, и Венера грозитъ государству еще новыми бѣдствіями, естьли не принесутъ ей въ жертву самой Душеньки....

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры;
Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Моглиль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый часъ,
Богинѣ на отказъ,
Отвѣтствовали смѣло,
Что то не сбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея олтарь;
Другіе стали горько плакать;
Другіежъ не дослушавъ такать,
Когда лишь слово скажетъ Царь.
Иные Душенькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,

Когда къ стыду богинь ее боготворили;
И что Венеры къ ней и ненависть и месть
Ея умножатъ честь.
Царевнѣ жь тѣ слова хотя и лестны были,
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей.
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ;
Но въ тайнѣ часто унывала,
Себя нещастной называла,
И часто въ горестныхъ слезахъ
Къ Амуру такъ взывала:
„Амуръ, Амуръ, веселій Богъ!
„Зачто ко мнѣ суровъ и строгъ?
„Давно ли всѣ меня ласкали?
„Въ побѣдахъ я вела часы;
„Могла плѣнять, любить по волѣ:
„Зачтожь теперь въ нещастной долѣ?
„Къ чему полезны мнѣ красы?
„Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
„Себѣ находитъ пастуха;
„А я одна — —,
„Не бывъ дурна, не бывъ лиха!“

Сія жалоба Душеньки отмѣнно любезна своею простотою. Но въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что темный отвѣтъ Оракула лучше выраженъ во Французскихъ стихахъ. Отчаяніе красавицы, и то, что она говоритъ своему отцу, желая предаться въ волю таинственной судьбы, также совершеннѣе и трогательнѣе въ Лафонтенѣ. Онъ разсказываетъ прозою: одно легче другова. За то нѣкоторыя мѣста лучше въ стихахъ Богдановича. Лафонтенова Псиша говоритъ: Qu'on me mette ſur un chariot, ſans cocher ni guide; et qu'on laiſſe aller les chevaux á leur fantaiſie: le ſort les guidera infailliblement au lieu ordonnè. Стоитъ ли эта бездушная проза слѣдующихъ стиховъ? Душенька

Сказала всей роднѣ своей,
Чтобъ только въ путь ее какъ должно снарядили,

И въ колесницу посадили,
Пустя на волю лошадей,
Безъ кучера и безъ вождей.
,,Судьба, сказала, будетъ править;
Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
Къ жилищу радостей иль бѣдъ,
Гдѣ должно вамъ меня оставить.‟

Вотъ славное преимущество языка Поэзіи! Естьли Стихотворецъ умѣетъ побѣждать трудности и ставить каждое слово въ своемъ мѣстѣ, то самыя простыя выраженія отмѣнно нравятся, и прозаистъ далеко назади остается.

Ужасы Душенькина путешествія изображены во Французской сказкѣ какъ дѣйствительные ужасы, а въ Руской съ пріятною шутливостію:

Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ
Встрѣчали новой страхъ;
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны
И къ безднѣ глубины.
Инымъ являлись тамъ Мегеры;

Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ драконы и Церберы.
— — — — — — — —
Царевнина кровать
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась,
И многіе отъ страха тутъ
Не мало шапокъ пороняли,
Которы на подхватъ драконы пожирали,
Иные по кустамъ одежды изодрали,
И наготы имѣя видъ,
Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ стыдъ.
Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ
И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.

Надобно быть въ весьма дурномъ расположеніи, чтобы не засмѣяться отъ двухъ послѣднихъ стиховъ. Мы не жалѣемъ, что Стихотворецъ нашъ предпочелъ здѣсь важному описанію каррикатуру: она хороша.

Какъ ни складно, ни красно описываетъ Лафонтенъ Купидоновъ

дворецъ, сады, услужливость Нимфъ, но проза его не дѣлаетъ мнѣ такого удовольствія, какъ слѣдующіе стихи Богдановича:

Явился передъ ней
Прекрасный видъ алей
И рощей и полей.
Высокіе балконы
Открыли царство тамъ и флоры и Помоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать удобны только боги;
И тамо Душеньку, къ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору вмѣсто водъ повсюду собирали.
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,
И составляли мыла,
Какими моются восточные Цари,
И коихъ вѣдома живительная сила.
Царевна со стыдомъ,
Со спромъ и трудомъ,

Какъ водится притомъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Безъ горя не могли оттуда вытти вонъ,
И даже за дверьми, не будучи въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ.
Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ,
Зефиры хищные, за тѣмъ, что ростомъ мѣлки,
Нашли въ дверяхъ и окнахъ щелки,
Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась.

Богдановичь, угощая и веселя музыкою Героиню во дворцѣ Купидоновомъ, составилъ оркестръ свой лучше Лафонтена, и велѣлъ даже, весьма кстати, невидимо управлять имъ самому Аполлону; но жаль, что хоръ пѣвицъ его, хваля любовь, не повторилъ

на Рускомъ языкѣ слѣдующей строфы гимна Французскаго:

Sans cet amour tant d'objets ravissans,
Lambris dorés, bois, jardins & fontaines
N'ont point d'appas qui ne soient languissans,
Et leurs plaisirs sont moins doux que ses peines.
Des jeunes coeurs c'est le suprême bien:
Aimez, aimez — tout le reste n'est rien.

Въ доказательство, что Поэты, вопреки старинному злословію, умѣютъ быть иногда скромными, и Французъ и Руской не хотѣли описать перваго свиданія Душеньки съ Амуромъ. Послѣдній отдѣлался отъ читателей пріятною шуткою, говоря, что эта сцена осталась навѣки тайною между супругами. . .

Но только по утру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подъ тишкомъ,

И гостья, будучи стыдлива
отъ натуры,
Казалась между ихъ съ завѣ-
шеннымъ ушкомъ.

Въ изображеніи палатъ съ ихъ драгоцѣнностями я люблю статую Душеньки...

Смотря на образъ сей, она сама
дивилась;
Другая статуя казалась въ ней
тогда,
Какой не видывалъ никто и ни-
когда.

Черта прекрасная! взята съ Французскаго (elle demeura longtems immobile, & parut la plus belle ſtatue de ces lieux); но, выраженная въ стихахъ, болѣе нравится... Люблю также разныя живописныя изображенія Душеньки:

Въ одномъ она, съ щитомъ престраш-
нымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И болѣ, чѣмъ копьемъ, своимъ пре-
краснымъ взоромъ.

Въ другомъ видимъ передъ нею
Сатурна, который
Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ,
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе (*) волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
А тамъ она видна, подобяся Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ.
Прекрасной Душеньки за честь и красоту
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету;
Летятъ великою толпою;
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой нравъ,
Полей не обагряетъ кровью,
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,

(*) Надобно сказать: *оставшіеся*.

Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней
любовью.

На третьей картинѣ Зефиръ списываетъ съ нее портретъ; но боясь нескромности,

Скрываетъ въ спискѣ онъ большую
часть красотъ;
И многія изъ нихъ, конечно чудесами,
Предъ Душенькою вдругъ тогда писа-
лись сами.

Всего же болѣе люблю милое обращеніе Поэта къ красавицѣ:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хо-
роша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ *бо-
жествомъ* —
И только ты одна прекраснѣе пор-
трета.

Просто и такъ мило, что, можетъ быть, никакое другое мѣсто въ Душенькѣ не дѣлаетъ въ читателѣ столь пріятнаго впечатлѣнія. Всякому хочется ска-

зать сіи нѣжные, прекрасные стихи той женщинѣ, которая ему всѣхъ другихъ любезнѣе; а послѣдній стихъ можно назвать золотымъ. — Мы не пеняемъ Автору, что онъ не хочетъ далѣе описывать Купидонова дворца,

Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно;
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь, и по томъ
Палаты забываю.

Но съ палатами Стихотворецъ забылъ и хозяина; забылъ, между портретами, упомянуть объ его изображеніяхъ. Скрываясь отъ Душеньки, Амуръ долженъ былъ показаться ей хотя на картинѣ. Лафонтенъ представилъ на обояхъ разныя *чудеса* Купидоновы: на примѣръ, ужасный хаосъ, приводимый его рукою въ стройность....

Que fait l'Amour? Volant de bout en bout,
Ce jeune enfant, sans beaucoup de myſtere,
En badinant vous debrouille le tout,
Mille fois mieux qu'un sage.

Какъ бы хорошо могъ Богдановичь сказать это въ Рускихъ стихахъ! какъ бы хорошо могъ, слѣдуя Лафонтену, описать приступы любопытной Душеньки къ невидимому Амуру, и его отговорки, столь остроумныя! Neceſſairement je ſuis Dieu ou je suis Demon. Si vous trouvez que je ſuis Demon, vous me haïrez; & ſi je ſuis Dieu, vous ceſſerez de m'aimer ou du moins vous ne m'aimerez plus avec tant d'ardeur: car il s'en faut bien qu'on aime les Dieux auſſi violemment que les hommes. Но Поэтъ нашъ, какъ Поэтъ, не любилъ закона и принужденія; хотѣлъ брать не все хорошее въ образцѣ своемъ, а что слегка и само собою попадалось ему въ глаза —

Любя свободу я мою,
Какъ вздумается мнѣ, пою.

Довольно, что Богдановичь, проходя иногда мимо красотъ Лафонтеновыхъ, щедро замѣнялъ ихъ собственными и разнообразными. Умѣя быть нѣжнымъ, забавнымъ, онъ умѣлъ и колоть — даже кровныхъ своихъ, то есть Стихотворцевъ. Вводя Душеньку въ Амурову библіотеку, онъ говоритъ:

Царевна тамъ взяла читать стихи;
Но ихъ читаючи какъ будто за грѣхи,
Узнала въ первый разъ мучительную скуку,
И бросивъ ихъ подъ .столъ, притомъ зашибла руку.
Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ
Нещастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
Указомъ Аполлона,
Навѣки согнанъ съ Геликона;
И будто Душенька, боясь подобныхъ *скукъ* (*),

(*) Скука не употребляется у насъ во множественномъ числѣ.

Иль ради сохраненья рукъ,
Стиховъ съ недѣлю не читала,
Хотя любила ихъ и нѣкогда слагала.

Сей нещастный, согнанный съ Геликона, былъ конечно не похожъ на Богдановича, котораго Душенька съ удовольствіемъ могла бы читать даже и тогда, какъ онъ съ піитической искренностію описываетъ лукавство ея въ гибельную ночь любопытства. Злыя сестры уговорили ее засвѣтить лампаду во время сна Купидонова....

Прекрасна Душенька употребила тутъ
И хитрость и притворство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ нибудь покой даютъ мужьямъ.
Но хитрости ль ея въ то время успѣвали,
Иль самъ клонился къ сну отъ дѣйствія печали:
Онъ мало говорилъ, вздохнулъ,
Зѣвнулъ,
Заснулъ.

Это напоминаетъ одинъ изъ славнѣйшихъ стиховъ въ Lutrin и стоитъ десяти прозаическихъ страницъ Лафонтеновыхъ.

Въ описаніи Душенькиныхъ бѣдствій нѣкоторыя черты также гораздо щастливѣе у Богдановича; на примѣръ, трогательное обращеніе его къ жалкой изгнанницѣ:

Умри, красавица, умри! твой сладкой вѣкъ
 Съ минувшимъ днемъ уже протекъ;
И естьли смерть тебя отъ бѣдствій не избавитъ,
Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ зломъ,
И всюду горести за горестьми представитъ.

— — — — — — — — —

Къ нещастію тебя оставилъ Купидонъ.
 Твой рай, твои утѣхи,
 Забавы, игры, смѣхи,
 Прошли какъ будто сонъ.

Вкусивши сладости, кто въ мірѣ ихъ лишился,
Любя съ любимымъ разлучился,
И радости себѣ уже не чаетъ впредь,
Легко почувствуетъ, безъ дальнѣйшаго слова,
что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.

Стихотворецъ нашъ, описывая съ Лафонтеномъ всѣ образы смерти, избираемые Душенькою, прибавляетъ отъ себя еще одинъ, не весьма піитическій, но игриво и забавно имъ представленный:

Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ ступила
И къ вѣтви свой платокъ какъ должно прицѣпила,
И въ петлю Душенька головушку вложила.
О чудо изъ чудесъ!
Потрясся долъ и лѣсъ;
Дубовый, грубый сукъ, на чемъ она повисла,
Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ
Пригнулся такъ какъ прутъ — — —

И здраву Душеньку поставилъ на травѣ;
И вѣтьви всѣ тогда, нанизъ влекомы ею,
Иль сами волею своею,
Шумѣли радостно надъ нею,
И съединяючи концы,
Свивали разны ей вѣнцы.
Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,
И Душенькинъ покровъ вверху остановился;
Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ
Другое чудо изъ чудесъ — —

Вольность бываетъ маленькою слабостію Поэтовъ; строгіе люди давно осуждаютъ ихъ, но снисходительные многое извиняютъ, естьли воображеніе неразлучно съ остроуміемъ и не забываетъ правилъ вкуса. Когда горы и лѣса, видя *чудо*, восклицали, что Душенька всѣхъ на свѣтѣ прекраснѣе,

Амуръ, смотря изъ облаковъ,
Прилѣжнымъ взоромъ то оправдывалъ безъ словъ.

Поэту хотѣлось сказать, что Душенька прошла *сквозь огнь и воду*, и для того онъ заставляетъ ее броситься въ пламя, когда Наяды не дали ей утонуть въ рѣкѣ...

Лишь только бросилась во пламя на дрова,
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила;
Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ потухъ;
Остался только лишь потребный теплый духъ,
За тѣмъ, чтобъ ножки тамъ Царевна осушила,
Которыя въ водѣ не давно замочила.

Это смѣшно, и разсказъ имѣетъ всю точность хорошей прозы. — Лафонтенъ, для разнообразія своей повѣсти, вводитъ исторію Философа-рыболова: въ Душенькѣ она могла бы только остановить быстроту главнаго дѣйствія. Сказки въ стихахъ не требуютъ *множества* вымысловъ, нужныхъ для

живости прозаическихъ сказокъ. Богдановичь упоминаетъ о старомъ рыбакѣ единственно для того, чтобы Душенькѣ было кому пожаловаться на ея нещастіе...

Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ:
Скажи, какъ свѣтъ стоитъ съ начала,
Встрѣчалось ли когда кому
Нещастье равно моему?
Я рѣзалась и въ петлю клалась,
Топилась и въ огонь бросалась;
Но въ горькой участи моей,
Прошедъ сквозь огнь, прошедъ сквозь воду,
И всѣми видами смертей
Приведши въ ужасъ всю природу,
Противъ желанія живу
И тщетно смерть къ себѣ зову.
— — — — — — — —
Но кто ты? старецъ вопросилъ....
„Я Душенька — люблю Амура.“

Послѣдній стихъ очень милъ и трогателенъ, не смотря на шут-

ливый тонъ Автора. — Объявленіе Венеры, прибитое на всѣхъ перекресткахъ, взято съ Французскаго, но гораздо смѣшнѣе на Рускомъ:

Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ;
Она же Душенька румяна унижаетъ,
Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ;
— — — — — — — — —
Она же Душенька, имѣя стройный станъ,
Прелестные глаза, пріятную усмѣшку;
— — — — — — — — —
Она же взорами сердцамъ творя изъянъ:
— — — — — — — — —
Того или инаго ради,
Венера каждому и всѣмъ
О гнѣвѣ не нее своемъ
По должной формѣ объявляетъ.

Въ обращеніи Душеньки къ богинямъ всего забавнѣе представлена важность Минервы, кото-

рая, занимаясь астрономическими наблюденіями и хвостами Кометъ, съ презрѣніемъ говоритъ бѣдной красавицѣ,

Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ
вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важной человѣкъ;
А паче какъ хвостомъ Комета всѣхъ
пугаетъ,
О Душенькѣ тогда никто не помышляетъ.

Богдановичь хотѣлъ осмѣять Астрономовъ, которые около 1775 году, естьли не ошибаюсь, пугали людей опасностію Кометы. Но должно признаться, что о ревнивой Юнонѣ Лафонтенъ говоритъ еще забавнѣе Рускаго Стихотворца. Вотъ его слова: „Пастушкѣ на„шей не трудно было найти Юно„ну. Ревнивая жена Юпитерова „часто сходитъ на землю, чтобы „освѣдомляться о супругѣ. Псиша „встрѣтила ее гимномъ, но воспѣла

„одно могущество сей богини, и „тѣмъ испортила дѣло свое. Надобно было хвалить ея красоту, „и какъ можно усерднѣе. Царямъ „говори объ ихъ величіи, а Царицамъ совсѣмъ объ другомъ, естьли хочешь угодить имъ. Юнона „отвѣчала, что должно наказать „смертныхъ прелестницъ, въ которыхъ влюбляются боги. За „чѣмъ они таскаются на землю? „развѣ на Олимпѣ еще мало для „нихъ красавицъ?“ Богдановичь шутитъ только на щетъ Юпитеровыхъ метаморфозъ: здѣсь Лафонтенъ тонѣе. Но скоро Поэтъ нашъ беретъ верьхъ, описывая ошибку людей, которые, видя въ Венериномъ храмѣ Душеньку въ крестьянскомъ платьѣ, щитаютъ ее богинею и шепчутъ другъ другу на ухо:

Венера здѣсь тайкомъ!
Венера за столбомъ!
Венера подъ платкомъ!
Венера въ сарафанѣ!

Пришла сюда пѣшкомъ!
Конечно съ пастушкомъ!

Здѣсь короткіе стихи на одну риѳму прекрасно выражаютъ быстроту народныхъ словъ. И съ какимъ любезнымъ простосердечіемъ говоритъ Душенька раздраженной Венерѣ,

Колѣна преклоня:
Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня!
Я сына твоего прельщать не умышляла;
Судьба меня, судьба во власть къ нему послала.
Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.
Сама искала я упасть передъ тобою;
Сама желала я твоею быть рабою.

Богдановичь поступилъ также гораздо милостивѣе съ своею Героинею, нежели Лафонтенъ, которой заставилъ Венеру немилосердо сѣчь ее розгами! Какое варварство! Руская Душенька *служитъ*

только трудныя, опасныя *службы* богинѣ, совершенно въ тонѣ Руских старинныхъ сказокъ, и прекрасно; идетъ за живою и мертвою водою, къ змѣю Гарыничу, и такъ хорошо, съ женскою хитростію, ублажаетъ его:

О змѣй Гарыничь, Чудо-Юда!
Ты сытъ во всяки времена;
Ты ростомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власть;
Блестишь златыми чешуями,
И смѣло разѣваешь пасть,
И можешь всѣхъ давить когтями!
Пусти меня, пусти къ водамъ!

Богдановичь, приводя Душеньку къ злому Кащею, не сказываетъ намъ его загадокъ: жаль! здѣсь былъ случай выдумать нѣчто остроумное. Но Авторъ уже довольно выдумывалъ, спѣшитъ къ концу, отдохнуть на миртахъ вмѣстѣ съ своею Героинею, и

мимоходомъ, еще описываетъ Тартаръ несравненно лучше Лафонтена. Какъ скоро Душенька показала тамъ ногу свою, все затихло. . . .

Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартаръ началъ таять.
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ, съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ:
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ. . . начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду первый разъ
Въ то время улыбнулся!

Сими прекрасными стихами заключаемъ нашу выписку. Амуръ соединяется съ Душенькою, и Богдановичь, вспомнивъ аллегорическій смыслъ древней басни, оканчиваетъ свою Поэму хвалою душевной, вѣчно неувядаемой красоты, въ утѣшеніе, какъ говоритъ онъ, всѣхъ земныхъ не-красавицъ.

Замѣтивъ хорошія и прекрасныя мѣста въ *Душенькѣ*, скажемъ, что она конечно не вся писана такими щасшливыми стихами; но вообще столь пріятна, что благоразумный Критикъ, чувствительный къ красотамъ Искусства и дарованія (а судъ другихъ есть пустословіе или злословіе) не захочетъ на счетъ ея доказывать своей тонкой разборчивости, и не забудетъ, что Ипполитъ Богданович *первый* на Рускомъ языкѣ игралъ воображеніемъ въ легкихъ стихахъ: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, могли быть для него образцами только въ другихъ родахъ.

Мудрено ли, что Душьнька единогласно была прославлена всѣми любителями Рускаго Стихотворства? Шесть или семь листовъ, съ безпечностію брошенныхъ въ свѣтъ, перемѣнили обстоятельства и жизнь Автора. ЕКАТЕРИНА

царствовала въ Россіи: Она читала Душеньку съ удовольствіемъ и сказала о томъ Сочинителю: что могло быть для него лестнѣе? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели Государей, старались изъявлять ему знаки своего уваженія, и твердили наизусть мѣста, замѣченныя Монархинею. Тогдашніе Стихотворцы писали Эпистолы, Оды, мадригалы въ честь и славу творца Душеньки. *Онъ былъ на розахъ*, какъ говорятъ Французы.... Но многія блестящія знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника Музъ въ самое цвѣтущее время таланта (*) — и вѣнокъ Душеньки остался единственнымъ на головѣ его. Хотя онъ и неувядаемъ, однако жь любители дарованій не перестанутъ жалѣть,

(*) Ему тогда было съ небольшимъ 30 лѣтъ.

что Поэтъ нашъ имъ удовольствовался и не захотѣлъ новыхъ. Онъ доказалъ, къ нещастію, что авторское славолюбіе можетъ имѣть предѣлы! Правда, что Богдановичь еще писалъ, но мало, или съ небреженіемъ, какъ будто бы *не-хотя*, или въ дремотѣ Генія. Иной сказалъ бы, что Поэтъ, любя свою Душеньку, *хотѣлъ* оставить ей честь быть единственнымъ, изящнымъ твореніемъ его таланта. — Отъ 1775 до 1789 году онъ сочинилъ *Историческое изображеніе Россіи*, часть I (опытъ легкій, несовершенный, но довольно пріятный) — лирическую Комедію: *Радость Душеньки*, Драму: *Славяне*, и двѣ маленькія театральныя піесы изъ Рускихъ пословицъ. Сама ЕКАТЕРИНА ободряла Богдановича писать для театра, и въ знакъ Своего благоволенія пожаловала ему табакерку за *Радость Душеньки*, а за Драму *Славяне* перстень. Въ

первой есть забавная сцена, пиръ боговъ, гдѣ Момусъ смѣшитъ своимъ *божественнымъ* простосердечіемъ; а во второй двадцати-пятилѣтнее торжество Славянъ въ честь великой Государыни, которая навѣки основала ихъ благоденствіе, тронуло въ представленіи всѣхъ зрителей: ибо сію Драму играли въ то время, когда совершилась четверть вѣка по восшествіи на тронъ ЕКАТЕРИНЫ. — Исполняя также волю сей Монархини, онъ издалъ Рускія пословицы, въ которыхъ сохранились драгоцѣнные остатки ума нашихъ предковъ, ихъ истинныя понятія о добрѣ и мудрыя правила жизни. Мы должны еще упомянуть о мѣлкихъ его стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ Собесѣдникѣ: нѣкоторыя изъ нихъ отличаются замысломъ и вкусомъ. — Но ни которая изъ пріятныхъ бездѣлокъ Богдановича не была такъ извѣ-

стна и славна, какъ его пѣсня: *мнѣ минуло пятьнадцать лѣтъ*. Она сдѣлалась *народною*, и донынѣ — не смотря на множество новыхъ любимыхъ пѣсенъ — сохраняетъ свое достоинство. Въ ней есть истинная *затѣйливость* и нѣжная простота, которыя равняютъ ее съ лучшими Французскими пѣснями. Что можетъ быть простѣе и любезнѣе слѣдующихъ куплетовъ?

„Далабъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой;
И чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ не льзя разстаться.

Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ.
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада."

Пастушка говоритъ тогда:
„Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду!"

Онъ перевелъ также всѣ лучшіе Французскіе стихи, написанные въ честь ЕКАТЕРИНѢ, Волтеровы, Мармонтелевы, и проч. Сіи Поэты умѣли хвалить Великую языкомъ благороднымъ, и Богдановичь не унижалъ его. На примѣръ, онъ такъ заставляетъ говорить Мармонтеля на Рускомъ языкѣ:

О ты, Которая въ законахъ и геройствѣ
Совмѣстниковъ Своихъ далеко превзошла, —
Божественный примѣръ Монархамъ подала
Пещися подданныхъ о щастьи и спокойствѣ!
Являй всегда Твоей величество души,
И славныхъ дѣлъ своихъ начатки соверши!
Щастливому въ Твоемъ владѣніи народу
Осталося имѣть едину лишь свободу.

Въ переводѣ его Вольтеръ упо-

добно какъ и въ оригиналѣ, то важенъ, то забавенъ, говоря:

И гдѣ Великій ПЕТРЪ людей содѣлать могъ,
ЕКАТЕРИНА тамъ содѣлала Героевъ....
— — — — — — — — — —
Трудится день и ночь возставить всѣхъ покой,
И межь трудовъ ко мнѣ писать находитъ время.
Тогда же Мустафа, гордясь предъ Визиремъ,
Въ чертогахъ роскошью безчувственною дышетъ,
Зѣваетъ въ праздности, не мыслитъ ни о чемъ,
И никогда ко мнѣ, въ прибавокъ, онъ не пишетъ!

Занимаясь стихотворствомъ Богдановича, мы забыли службу его. Въ 1780 году онъ былъ опредѣленъ въ новоучрежденный тогда Государственный Санктпетербургскій Архивъ Членомъ, въ 1788 Предсѣдателемъ его, а въ 1795 отставленъ съ полнымъ жа-

лованьемъ, служивъ 41 годъ. — Наконецъ, въ 1796 году, онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Тогдашнія бѣдствія Европы, разительная картина непостоянствъ Фортуны въ отношеніи къ людямъ и къ государствамъ, самая свѣтская печальная опытность, могли въ добромъ и нѣжномъ сердцѣ его произвести склонность къ мирному уединенію. Пріятный климатъ, любезныя воспоминанія дѣтства и самая вѣрнѣйшая связь въ мірѣ, дружба родственная, влекли Богдановича къ щастливымъ странамъ Малороссіи. Онъ пріѣхалъ въ Сумы, съ намѣреніемъ вести тамъ жизнь свою въ кругу ближайшихъ родныхъ и наслаждаться ея тихимъ вечеромъ въ объятіяхъ Природы, всегда любезной для чувствительнаго сердца, особливо для Поэта. Первые дни и мѣсяцы казались ему совершеннымъ очарованіемъ; никогда

душа его не бывала такъ свободна и безмятежна. Уже никакія мечты не тревожили ея спокойствія. Мирная совѣсть, пятьдесятъ лѣтъ проведенныхъ въ наблюденіи строгихъ правилъ чести; кроткая, но всегдашняя дѣятельность благородныхъ способностей человѣка: ума образованнаго и зрѣлаго, воображенія еще не угасшаго; чтеніе Авторовъ избранныхъ, обхожденіе съ людьми добрыми и близкими къ сердцу, самое единообразіе простой жизни, любезное въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, были щастіемъ Богдановича, истиннымъ и завиднымъ, котораго желаютъ всѣ люди, живущіе для славы собственной и пользы другихъ въ шумѣ свѣтскомъ, и котораго милымъ образомъ украшаютъ они *въ мысляхъ* послѣдніе дни свои въ мірѣ, дни отдохновенія и покоя!...Но

Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ!...

Здѣсь должны мы осторожно повторить извѣстіе неясное, хотя и вѣрное. Руссо на шестомъ десятилѣтіи жизни испыталъ всю силу романической страсти, забавной въ глазахъ молодаго свѣтскаго Адониса, но трогательной для человѣколюбиваго наблюдателя. Можно съ покойною совѣстію шутить надъ старикомъ-Селадономъ; но для *особенной* и *случайной* привязанности нѣтъ сроку: всегда можно любить, пока сердце живо, и взоръ чувствительной женщины изъявляетъ намъ симпатію. Самолюбіе, нѣкоторымъ образомъ справедливое въ человѣкѣ достойномъ; имя дружбы, которымъ часто закрываемъ любовь отъ самихъ себя; надежда быть — естьли не прелестнымъ, то хотя пріятнымъ, и нравиться самымъ тѣмъ, чтобы не думать

нравиться — заводятъ иногда и не-Поэтовъ весьма далеко.... Не знаемъ обстоятельствъ; но кто, и зная ихъ, могъ бы безъ нарушенія правилъ скромнаго благоразумія открыть свѣту подробности сердечной связи? Скажемъ только, что тихая, мирная, щастливая жизнь Богдановича вдругъ сдѣлалась ему несносною. Онъ долженъ былъ разлучиться съ другомъ и братомъ... Какъ остаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все напоминало ему и блаженнѣйшіе часы для сердца и неожидаемыя ихъ слѣдствія? Оскорбленное самолюбіе бываетъ антидотомъ любви, но жестокимъ!.. И всякая сильная перемѣна чувствъ ужасна въ то время, когда мы близки къ западу жизни, и когда Натура предписываетъ человѣку *спокойствіе*, какъ необходимое условіе еще возможнаго для него щастія! Надежда замѣнить потерю облегчаетъ ее

въ молодости; но лѣта отнимаютъ у насъ сіе дѣйствительное утѣшеніе. Мы слышимъ только голосъ строгаго разсудка, который запрещаетъ даже и жаловаться на судьбу!... Сей взоръ на послѣдніе годы нашего любезнаго Стихотворца печаленъ для всякаго, кто умѣетъ воображать себя на мѣстѣ другихъ.

Въ 1798 году онъ переселился въ Курскъ. — АЛЕКСАНДРЪ восшелъ на тронъ; и когда всѣ Патріоты съ радостными надеждами устремили на НЕГО взоры, Богдановичь взялъ лиру, уже давно имъ оставленную — и юный Монархъ въ знакъ Своего благоволенія прислалъ ему перстень. Муза *Душеньки* имѣла славу и щастіе нравиться Великой ЕКАТЕРИНѢ: Августѣйшій Внукъ Ея могъ ли не удостоить ее Своего вниманія?

Въ началѣ Декабря 1802 году Богдановичь занемогъ, бывъ всегда

не крѣпкаго сложенія; томился четыре недѣли, и кончилъ жизнь 6 Января, къ горести родныхъ, друзей и всѣхъ любителей Руской Словесности: ибо онъ еще не дожилъ до глубокой, маститой старости, которая бываетъ послѣднимъ знакомъ Небеснаго благоволенія къ земнымъ странникамъ, облегчая ихъ переходъ въ вѣчность.

Говорятъ, что жизнь и характеръ Сочинителя видны въ его твореніяхъ; однакожь мы, любя послѣднія, всегда спрашиваемъ о первыхъ у тѣхъ людей, которые лично знали Автора. Всѣ знакомые и пріятели Богдановича единогласно хвалятъ его свойства, тихой нравъ, чувствительность, безкорыстіе и какую-то невинную веселость, которую онъ сохранилъ до старости, и которая дѣлала его пріятнымъ въ дружескомъ обществѣ. Никто не замѣчалъ въ

немъ авторскаго самолюбія. Богдановичь даже рѣдко говаривалъ о Поэзіи и Литтературѣ, и всегда съ нѣкоторою застѣнчивостію, бывшею природнымъ свойствомъ его. Не мудрено, что онъ не любилъ Критики, пугающей всякое нѣжное самолюбіе, и признавался, что она своею грубою строгостію могла бы совершенно отвратить его отъ авторства.

Друзья Богдановича — которыхъ онъ, однажды нашедши, не терялъ никогда — а еще долѣе любители Рускихъ талантовъ сохранятъ его память: ибо творецъ *Душеньки* будетъ извѣстенъ потомству — какъ Стихотворецъ пріятный, нѣжный, часто остроумный и замысловатый.

КОНЕЦЪ ОСЬМАГО ТОМА.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 8

Moskva 1804

Opp. 659 b-8
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605661-0